КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

АЗОВЦЫ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

IV.

Государственная служба азовскаго козачьяго войска.— Войсковыя заслуги.

Первая служба запорожцевъ по выходѣ ихъ изъ за Дуная въ Россію въ 1828 году, въ составѣ дунайскаго полка, была въ шедшую тогда войну съ Турціей.

Запорожскіе козаки, знавшіе въ совершенствѣ устья Дуная, много способствовали къ указанію болѣе удобныхъ мѣстъ для переправы русскихъ войскъ за границу въ турецкіе предѣлы.

Мѣстомъ переправы русской арміи чрезъ Дунай избранъ былъ старый земляной валъ на Дунаѣ близъ Исакчи, къ которому построена была съ нашей стороны чрезъ болота плотина версты на четыре въ длину. Работы по устройству плотины замедлялись сильнымъ разлитіемъ рѣки. Турки съ своей стороны укрѣпили берегъ противъ строившейся переправы. Эту позицію непріятеля защищали поставленныя на берегу батареи и прилегавшія непроходимыя болота. Не видя на нашей сторонѣ флотиліи, турки считали переправу нашихъ войскъ по сильно разлившемуся Дунаю невозможною.

Ко времени назначенной Государемъ переправы русской арміи для дѣйствій за границу атаманъ запорожцевъ Гладкій секретно передвинулъ отъ Измаила свои лодки, посадилъ въ

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 7.

нихъ своихъ безстрашныхъ козаковъ; а кромѣ нихъ сѣли еще егеря на нѣсколько собранныхъ въ ближайшихъ притокахъ мелкихъ суденъ и на разсвѣтѣ 27 мая этотъ передовой отрядъ смѣло пустился по быстрымъ и бурнымъ волнамъ Дуная къ турецкому берегу. Смѣлые и удалые запорожцы, пропустивъ впередъ егерей, двинулись за ними, но управляя искусно своими остроносыми *чайками*, обогнали егерей и первыми достигли противоположнаго берега Дуная. Тутъ, врѣзавшись въ топкое болото, они привлекли на себя вниманіе турокъ, направившихъ на нихъ первый свой огонь изъ батарей; тѣмъ временемъ подоспѣли и егеря. Командовавшій этимъ десантомъ генералъ-маіоръ Киселевъ, достигши турецкаго берега, долженъ былъ камышами пробираться по прибрежнымъ болотамъ въ бродъ до твердой земли. Турки съ ожесточеніемъ набросились на запорожцевъ съ егерями, которые принуждены были защищаться отъ непріятеля холоднымъ оружіемъ. Государь императоръ, лично наблюдавшій за ходомъ переправы, направилъ чрезъ Дунай изъ нашихъ батарей пушечные выстрѣлы въ густыя толпы турокъ, препятствовавшихъ высадкѣ нашего передоваго отряда на турецкомъ берегу. Начавшаяся такимъ образомъ переправа нашихъ войскъ лодками чрезъ Дунай на турецкую сторону продолжалась пока былъ наведенъ мостъ на надлежащемъ мѣстѣ для перехода русской арміи и къ 11 часамъ турецкій берегъ былъ уже въ нашихъ рукахъ.

Велика была заслуга запорожцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но не меньше была и милость къ нимъ русскаго Монарха, цѣнившаго высоко доблести и усердіе своихъ новыхъ подданныхъ козаковъ. Въ день переправы войскъ чрезъ Дунай Николай Павловичъ пожаловалъ Гладкому сразу чинъ полковника и георгіевскій крестъ, а десяти особенно отличившимся запорожцамъ, въ числѣ которыхъ были и раненые, знаки отличія военнаго ордена св. Георгія; всему же Дунайскому полку запорожцевъ знамя съ надписью:—„За храбрость и усердіе, оказанное при переправѣ чрезъ Дунай 27 мая 1828 года".

На другой день, 28 мая, Гладкій удостоенъ чести переправить на своей атаманской лодкѣ Государя Императора съ

двумя генералами чрезъ Дунай на турецкій берегъ къ русскимъ войскамъ. Самъ Гладкій, въ полковничьихъ эполетахъ съ георгіевскимъ крестомъ, сталъ у руля, а десять запорожцевъ, украшенныхъ знаками отличія военнаго ордена, взялись за весла. Смѣло и дружно двинули запорожцы атаманскій челнъ по бушевавшимъ волнамъ разлившагося Дуная и понеслись впередъ стрѣлой. Монархъ не побоялся ввѣрить свою особу въ руки людей, бывшихъ нѣсколько дней назадъ врагами Россіи, но за то и запорожцы были въ большомъ восторгѣ отъ такого довѣрія къ нимъ Государя. Они постоянно восклицали:—„Мы и вси нашы товарыши твои.... нашы душы, наша жизнь, наша кровь, все твое!...“ Въ тотъ же день и на той же лодкѣ Государь благополучно возвратился съ Гладкимъ на нашъ берегъ Дуная.

Война съ Турціей окончилась, запорожцы образовали изъ себя азовское козачіе войско и правительство назначило имъ соотвѣтствующую ихъ отвагѣ и безстрашію службу.

Командиръ черноморскаго флота адмиралъ Лазаревъ во время занятія черноморской береговой линіи нашими укрѣпленіями предложилъ проектъ завести въ нашей прибрежной флотиліи малыя суда, болѣе всего пригодныя гоняться за турецкими кочермами, пробиравшимися секретно съ контрабандой къ черкескимъ берегамъ. Турецкіе контрабандисты доставляли въ то время закубанскимъ горцамъ не только предметы необходимые для жизни, но даже и боевые припасы, необходимые для войны съ русскими. На проектированные баркасы Лазаревъ думалъ посадить запорожцевъ, тогдашнихъ азовскихъ уже козаковъ, опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ и могущихъ этой службой принести большую пользу правительству.

Такой проектъ Лазарева удостоился одобренія высшей правительственной власти и азовцамъ была назначена морская служба на построенныхъ военныхъ баркасахъ для крейсированія у восточныхъ береговъ Чернаго моря.

Азовскіе баркасы были вооружены фалконетами, ходили на 12 веслахъ съ рулемъ и имѣли парусъ. На этихъ баркасахъ азовцы транспортировали на береговой линіи военные грузы

между укрѣпленіями, возили пассажировъ съ береговъ къ пароходамъ и обратно, а также доставляли служащихъ лицъ въ укрѣпленія вдоль береговой линіи и при всемъ томъ слѣдили за турецкими кочермами, чтобы не допускать контрабандистовъ пробираться къ горцамъ для торговли запрещенными товарами.

Азовцы на гребныхъ судахъ издавна были отличными моряками. Ихъ не пугали ни темныя ночи на волнахъ моря, ни страшные морскіе буруны, бросавшіе утлые баркасы, какъ щепки, по своимъ гребнямъ. При искусной лавировкѣ ужасные морскіе валы не крыли азовцевъ, большая опытность старыхъ запорожцевъ и умѣнье ихъ передавать свою беззавѣтную храбрость и отвагу всѣмъ прочимъ молодымъ козакамъ помогали имъ бороться и съ сердитымъ моремъ, и съ вооруженнымъ врагомъ. Привычнымъ глазомъ козаки издали замѣчали едва замѣтныя точки, изъ которыхъ впослѣдствіи выростали контрабандныя суда, рѣдко уходившія отъ рукъ козаковъ.

Азовская войсковая баркасная команда состояла: изъ начальника, имѣвшаго штабъ-квартиру въ Сухумѣ, 16 офицеровъ, состоявшихъ на службѣ при баркасахъ, и 400 чел. рядовыхъ козаковъ. На каждомъ баркасѣ находилось по 20—30 чел. съ особымъ командиромъ, назначавшимся изъ самыхъ опытныхъ мореходовъ. Между послѣдними особенно отличался отважный и безстрашный Бараховичъ. Есть множество дѣлъ по штабу береговой линіи, свидѣтельствующихъ о его молодецкихъ дѣлахъ въ погонѣ и поимкѣ контрабандистовъ. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, разсказанный Филипсономъ.

„Однажды (Бараховичъ), отправившись на своемъ баркасѣ изъ укрѣпленія Навагинскаго въ укрѣпленіе св. Духа провожать проходившій туда другой баркасъ, увидѣлъ противъ устья р. Вардане черкескую галеру, отдалявшуюся отъ берега и шедшую, какъ казалось, на разбой въ Абхазію. Бараховичъ успѣлъ стать между берегомъ и галерою и рѣшился ее атаковать. На галерѣ было человѣкъ 40 горцевъ, а у Бараховича было на двухъ баркасахъ 32 козака, но на носу каждаго баркаса было по одному 3-хъ фунт. фалконету. Во время перестрѣлки козаки замѣтили другую галеру, шедшую отъ берега на помощь атакованной.

Бараховичъ рѣшился идти на абордажъ. Вѣроятно, послѣдніе пушечные выстрѣлы были удачны на близкомъ разстояніи: у горцевъ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, которые стѣсняли дѣйствіе другихъ. Галера была взята и потоплена, 21 горецъ взятъ въ плѣнъ. Это сдѣлано было такъ быстро, что другая галера не успѣла еще подойти и, видя гибель своихъ товарищей, вернулась къ берегу, козаки ее преслѣдовали, но не догнали“.

Баркасная служба азовскихъ козаковъ на Черномъ морѣ продолжалась до упраздненія черноморской береговой линіи въ 1854 году. Крымская война заставила русское правительство снять береговыя укрѣпленія. Вмѣстѣ съ выведенными изъ этихъ укрѣпленій гарнизонами переведены въ Новороссійскъ и азовскіе баркасы. Находившаяся на нихъ команда азовскаго войска причислена была къ новороссійскому гарнизону, присоединенному по упраздненіи Новороссійска къ отряду войскъ, дѣйствовавшихъ противъ непріятеля въ продолженіе крымской войны. Кромѣ этого изъ азовскаго войска былъ еще сформированъ одинъ пѣшій батальонъ, участвовавшій въ военныхъ дѣйствіяхъ въ эту же войну. По окончаніи войны азовскій батальонъ былъ распущенъ и вновь назначена команда на прежнюю баркасную службу у береговъ Чернаго моря. Службу эту азовцы продолжали до 1864 года, а въ этомъ году замѣнены чинами морскаго вѣдомства. Азовская морская команда, уволившись съ баркасовъ, прибыла въ Петровскъ (посадъ), откуда распущена по домамъ по случаю переселенія азовцевъ за Кубань.

При штабѣ азовскаго войска, въ Петровскомъ посадѣ, въ качествѣ мѣстнаго войска, за время его существованія находилась постоянно учебная команда изъ лучшихъ офицеровъ и козаковъ.

Вотъ и всѣ строевыя части азовскаго козачьяго войска; больше формировать было не изъ кого. Войско это было настолько малочисленно, что по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ кавказскомъ окружномъ штабѣ въ 1857 году, въ немъ считалось всего только 4740 душъ мужскаго пола.

. . .

За свои боевые подвиги азовское войско неоднократно удостоивалось почетныхъ наградъ. Такъ, мы уже упоминали, что

въ 1828 г. дунайскому козачьему полку было высочайше пожаловано знамя съ надписью: „за храбрость и усердіе, оказанное при переправѣ черезъ р. Дунай 27 мая 1828 года.“ На знамя это дана войску грамота 6 декабря 1831 г.

По окончаніи турецкой войны, когда дунайскіе запорожцы приняли уже названіе азовцевъ, императоръ Николай Павловичъ, будучи доволенъ ихъ службой, всемилостивѣйше пожаловалъ азовскому козачьему войску бѣлое знамя съ надписью: „За храбрость и усердіе при переправѣ чрезъ Дунай россійскихъ войскъ въ 1828 году, постоянную преданность и отличную службу.“

Наконецъ азовское козачье войско за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ во время крымской войны, гдѣ азовцы при каждомъ удобномъ случаѣ старались показать себя истинными героями, достойными сынами отечества и предковъ своихъ знаменитыхъ запорожцевъ,—удостоилось особеннаго монаршаго вниманія, ознаменованнаго всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ этому войску, въ награду за боевые заслуги, георгіевскаго знамени съ надписью: „за храбрость и примѣрную службу азовскихъ козаковъ, въ войну противъ французовъ, англичанъ и турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ.“

Въ азовскомъ войскѣ было еще два пернача, изъ которыхъ одинъ, вѣроятно, служилъ булавою кошевому атаману турецкаго запорожскаго коша Гладкому, во время выхода его съ запорожскими козаками изъ Турціи въ Россію.

V.

Переселеніе азовцевъ въ Закубанскій край.—Упраздненіе азовскаго козачьяго войска.

Азовское козачье войско уже по одной малочисленности своей не соотвѣтствовало прочимъ козачьимъ войскамъ ни по военному строю, ни по внутренней организаціи своей; притомъ будучи расположеннымъ вдали отъ границъ государства, оно не имѣло того значенія, какое имѣли поселенія военнаго сословія прочихъ козачьихъ войскъ. При такихъ условіяхъ азовскому

войску трудно было держаться долгое время самостоятельно. Вѣроятно, запорожцы, заселяя отведенныя имъ мѣста, предвидѣли непрочность своей осѣдлости, если постоянно изъ года въ годъ ожидали переселенія на Кубань,—мечтая соединиться съ своими братьями черноморцами, къ которымъ и прежде немало уходило изъ за Дуная турецкихъ запорожцевъ. Правительство тоже смотрѣло на азовцевъ какъ на временныхъ военныхъ поселенцевъ и для переселенія ихъ избирало только болѣе подходящее мѣсто. Такимъ мѣстомъ представлялся тогда западный Кавказъ, составлявшій границу съ Турціей.

Въ 1837 году государь императоръ, обозрѣвая уступленную Турціей Россіи черноморскую береговую линію на южномъ склонѣ кавказскаго хребта, изъявилъ высочайшую волю водворить на правомъ мысѣ Геленджинской бухты азовскихъ козаковъ. Воля императора была передана начальнику береговой линіи генералу Лазареву, но послѣдній, опасаясь, чтобы азовцы, переселившись на Геленджинъ, въ сосѣдство враждебныхъ горцевъ, не сдѣлались жертвою войны съ непокорными племенами черкескаго народа, находилъ съ своей стороны весьма полезною одну только ихъ службу на гребной флотиліи у восточныхъ береговъ Чернаго моря. Особенно онъ восторгался бывшими уже тогда въ дѣлѣ азовскими баркасами, которые при искусномъ управленіи козаковъ мореходовъ, каковыми считались азовцы и черноморцы, и прочной конструкціи были весьма устойчивы въ водѣ. Лазаревъ полагалъ вмѣсто наемныхъ судовъ завести постоянную свою гребную флотилію изъ мелкихъ судовъ для сообщеній между береговыми укрѣпленіями и на этихъ судахъ назначить службу азовскому войску, которое предполагалось переселить на береговую линію.

Занявшій мѣсто Лазарева генералъ Раевскій, имѣя въ виду съ одной стороны волю государя о водвореніи у Геленджина азовцевъ, а съ другой высказанное Лазаревымъ мнѣніе о полезности ихъ постоянной морской службы и неудобство въ морскомъ дѣлѣ кратковременной ихъ очередной службы на азовскихъ баркасахъ, проектировалъ изъ азовцевъ и другихъ переселенцевъ образовать войско *береговыхъ козаковъ*, поселивъ ихъ

по всему восточному берегу Чернаго моря въ болѣе удобныхъ мѣстахъ при береговыхъ укрѣпленіяхъ, до предѣловъ Абхазіи, съ назначеніемъ этимъ козакамъ одной морской службы во флотѣ при береговой линіи.

Противъ этого проекта возстало тифлисское начальство и онъ въ Петербургѣ окончательно провалился.

Несмотря на это, правительство не оставляло мысли о переселеніи азовскаго войска въ пограничныя мѣстности Кавказа.

Послѣ неудавшагося проекта переселенія азовцевъ на восточный берегъ Чернаго моря, признаннаго несвоевременнымъ въ виду враждебныхъ отношеній къ намъ горцевъ въ приморской полосѣ,—съ чѣмъ согласился и самъ государь, для нихъ назначалось мѣсто на западной оконечности приморскаго плоскогорья кавказскаго хребта, гдѣ еще раньше графъ Паскевичъ полагалъ водворить ихъ послѣ покоренія закубанскихъ горцевъ. Но переселеніе азовцевъ годъ отъ году откладывалось вслѣдствіе непріязненныхъ дѣйствій черкесовъ въ этомъ краѣ.

Въ 1843 году военный министръ князь Чернышевъ вновь возбудилъ вопросъ о переселеніи на Кавказъ азовскаго козачьяго войска, на что была воля и государя императора Николая Павловича. Но такъ какъ по запросу только часть азовскихъ козаковъ соглашалась на переселеніе, то его величество не далъ соизволенія на раздробленіе азовскаго войска. Поэтому дѣло о переселеніи азовцевъ на Кавказъ тогда же было прекращено, но не на долго. Въ слѣдующемъ году начальникъ черноморской береговой линіи генералъ Будбергъ представилъ кавказскому корпусному командиру генералъ-адъютанту Нейдгарту проектъ о водвореніи азовскихъ козаковъ въ окрестностяхъ Анапы въ натухайскихъ земляхъ, образовавъ изъ нихъ закубанское козачье войско. Въ представленныхъ по этому предмету Будбергомъ соображеніяхъ были усмотрѣны важные недостатки, изъ которыхъ главнѣйшими считались: назначеніе для поселенія азовцевъ слишкомъ большаго пространства земли, занятой непріятелемъ, и выборъ для нѣкоторыхъ станицъ мѣстъ неудобныхъ для этой цѣли по недостатку воды.

Такимъ образомъ проектъ Будберга о переселеніи азовцевъ за Кубань опять не удался, и хотя въ началѣ 1845 года послѣдовало распоряженіе отложить это переселеніе, но предположенія на этотъ счетъ правительства не измѣнились.

Прошло еще шесть лѣтъ. Закубанскія дѣла были въ одномъ положеніи. Война съ горцами продолжалась и натухайцы не разъ изъявляли покорность русскому правительству и не разъ измѣняли. Въ это время на Кавказѣ начальствовалъ князь Воронцовъ. Въ 1851 г. онъ представлялся государю въ Елисаветградѣ и его величество въ разговорѣ съ нимъ опять высказалъ прежнее желаніе свое о переселеніи азовцевъ въ окрестности Анапы.

Князь Воронцовъ въ то время заботился о пріисканіи свободныхъ земель подъ поселеніе горцевъ, переходившихъ на нашу сторону съ изъявленіемъ покорности русскому правительству. Услышавши отъ государя положительное желаніе переселить азовское войско на Кавказъ, онъ думалъ воспользоваться тѣми землями, которыя азовцы оставятъ при переселеніи, и устроить на нихъ поселеніе мирныхъ черкесовъ.

Возвратившись въ Тифлисъ, Воронцовъ сообщилъ разговоръ свой съ государемъ объ азовцахъ начальнику черноморской береговой линіи Серебрякову и потребовалъ по этому предмету представленія его соображеній. Серебряковъ, не имѣя въ виду возобновленія заглохшаго уже предположенія Будберга о переселеніи азовцевъ въ окрестности Анапы, велъ въ то время переговоры съ натухайцами объ изъявленіи ими покорности русскому правительству, обѣщая сохраненіе имъ занимаемыхъ земель,—если они согласятся на предложенныя имъ мирныя условія, и только въ противномъ случаѣ угрожалъ изгнаніемъ изъ ихъ земли. Въ виду этого Серебряковъ находилъ необходимымъ до окончанія дѣла съ натухайцами отложить переселеніе на ихъ земли азовцевъ; если же заселеніе намѣченнаго участка натухайской земли требуется безотлагательно, то заселенію этому должно предшествовать изгнаніе оттуда горцевъ. Послѣ чего, переселивъ въ окрестность Анапы азовцевъ, слѣдовало заселять и остальное пространство натухайской земли или переселенцами

изъ Россіи, или самыми же натухайцами, которые послѣ изгнанія не замедлятъ обратиться съ просьбою о дозволеніи вновь занять свои земли и готовы будутъ принять всякія условія, могущія разомъ подвинуть дѣла, измѣняя общественное устройство горцевъ.

Такое мнѣніе генерала Серебрякова признавалось основательнымъ и вопросъ о переселеніи азовцевъ на Кавказъ опять затянулся. А тутъ подоспѣла крымская война, во время которой не только нельзя было и думать о новомъ заселеніи закубанскаго края, но не представилось возможнымъ удержать тамъ и старыхъ анапскихъ поселенцевъ, разбѣжавшихся во всѣ стороны Россіи послѣ разоренія непріятелемъ ихъ жилищъ.

По окончаніи войны, въ 1856 году правительство вновь начало заботиться о переселеніи азовскаго войска на Кавказъ. По этому поводу военный министръ въ маѣ 1857 года сообщилъ главнокомандующему кавказскою арміею положительную волю государя императора и даже послѣдовавшія высочайшія указанія въ какомъ порядкѣ произвести азовское переселеніе. Но князь Барятинскій не спѣшилъ этимъ дѣломъ, выжидая благопріятнаго времени и обстоятельствъ для приведенія въ исполненіе высочайшей воли. Онъ въ томъ же году, представляя на высочайшее усмотрѣніе свои предположенія о мѣропріятіяхъ къ скорѣйшему покоренію горцевъ и заселенію ихъ земель козачьими станицами, упомянулъ и объ азовцахъ, но только о томъ, что *по малочисленности этого войска оно не можетъ получить отдѣльнаго самостоятельнаго положенія*, но принесетъ большую пользу въ связи съ черноморскимъ войскомъ, если образуетъ приморское населеніе, какъ въ самой Черноморіи на берегу Чернаго моря и при кубанскихъ лиманахъ, такъ и за Кубанью до новороссійской бухты. Въ этихъ мѣстахъ козаки могутъ нести преимущественно морскую службу на своихъ баркасахъ и даже на большихъ судахъ; кромѣ того азовцы, поселенные при кубанскихъ лиманахъ и по берегамъ Азовскаго моря, принесутъ несомнѣнную выгоду промышленности рыболовствомъ и судоходствомъ по Кубани. На такое предположеніе отъ правительства не имѣлось возраженій и Барятинскій, сообщая свои на-

мѣренія по военнымъ дѣламъ закубанскаго края въ 1859 году начальнику кубанской области, генералу Филипсону, полагалъ, если обстоятельства позволятъ, приступить тогдаже и къ переселенію азовскаго войска, начиная водвореніе азовцевъ съ предѣловъ Черноморіи. Но Филипсонъ отвѣтилъ, что переселеніе азовцевъ слѣдуетъ отложить до окончательнаго устройства Адагумской линіи, замирявшей натухайское племя горцевъ.

Такое выжидательное положеніе протянулось еще нѣсколько лѣтъ. Въ 1860 году натухайскій народъ безусловно покорился Россіи, но въ то же время явилась мысль въ кавказскомъ намѣстничествѣ о перемѣнѣ системы дѣйствій въ закубанскомъ краѣ; рѣшено вести колонизацію на западномъ Кавказѣ не съ двухъ противоположныхъ оконечностей, какъ прежде имѣлось въ виду, а продолжать заселеніе отъ Лабы, съ востока на западъ. Слѣдовательно, вопросъ о переселеніи азовскаго войска на западную окраину черкескихъ земель опять нужно было отложить до времени, пока до этой мѣстности дойдутъ за Кубанью русскія поселенія. Въ Петербургѣ однако настаивали на скорѣйшемъ переселеніи азовцевъ; военный министръ особенно хлопоталъ объ этомъ и писалъ въ Тифлисъ запросы о времени этого переселенія, но князь Барятинскій не спѣшилъ.

Протянулось еще время. На мѣсто Филипсона командующимъ войсками былъ назначенъ графъ Евдокимовъ, которому было поручено вести дѣла на западномъ Кавказѣ, покореніе горцевъ и заселеніе ихъ земель козачьми станицами. На запросъ князя Барятинскаго, когда можно приступить къ переселенію азовцевъ, Евдокимовъ отвѣчалъ, что переселеніе это не можетъ состояться раньше 1863 года, когда мѣста для новаго водворенія азовскихъ козаковъ, пріобрѣвшихъ характеръ морскаго населенія, будутъ указаны по прибрежью Чернаго моря. Барятинскій согласился съ этимъ и полагалъ съ своей стороны не приступать заразъ къ переселенію азовскаго войска на Кавказъ, а выждать пока дѣло колонизаціи закубанскаго края въ горахъ чрезъ 5—6 лѣтъ подвинется впередъ настолько, что можно будетъ лучше ознакомиться съ приморскою полосою, гдѣ устья многихъ приморскихъ долинъ представятъ самыя

выгодныя условія для водворенія азовскихъ козаковъ и дадутъ полную возможность извлечь наибольшую пользу отъ ихъ специальнаго назначенія, о чемъ просилъ военнаго министра доложить государю императору. Его величество, соглашаясь съ мнѣніемъ князя Барятинскаго, выразилъ высочайшую волю, чтобы *предположенное переселеніе азовскаго войска на Кавказъ* приведено было въ исполненіе въ свое время когда по военнымъ обстоятельствамъ кавказскаго края это признано будетъ удобнымъ, но *не всего вдругъ, а съ надлежащей постепенностію въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, вызовомъ охотниковъ и назначеніемъ по жребію.* О такой высочайшей волѣ управлявшій военнымъ министерствомъ сообщилъ командующему кавказскою арміею 28 мая 1861 года.

Изъ всѣхъ этихъ предположеній, запросовъ, отвѣтовъ и многосложной канцелярской переписки военнаго министерства, кавказскаго намѣстничества и другихъ второстепенныхъ управленій видно, что правительство находило неумѣстнымъ поселеніе азовскаго козачьяго войска внутри имперіи и старалось передвинуть его на кавказскую границу, находя при томъ, что оно и по малочисленности своей не можетъ существовать самостоятельно. Переселеніе азовцевъ на Кавказъ было рѣшено и вопросъ заключался только во времени. Это время настало при колонизаціи западнаго Кавказа козачьими станицами. За это долгое время колебанія правительственныхъ взглядовъ на азовское войско участь его вполнѣ обрисовалась. Императоръ Николай Павловичъ желалъ переселить азовское войско на другое болѣе подходящее мѣсто цѣликомъ безъ всякихъ раздробленій и не давалъ соизволенія на переселеніе, когда только часть азовскихъ козаковъ того желала. Напротивъ, императоръ Александръ Николаевичъ далъ высочайшее повелѣніе на переселеніе азовцевъ уже не цѣлымъ войскомъ, а постепенно въ нѣсколько лѣтъ, въ томъ порядкѣ, какъ поступали на переселеніе за Кубань семейства изъ другихъ козачьихъ войскъ.

Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ, въ вѣдѣніи котораго находилось азовское войско, подалъ правительству мысль, чтобы изъ

него вовсе не производить переселеній, ставя азовскихъ жителей на равнѣ съ народомъ внутреннихъ губерній Россіи. Онъ доказывалъ, что азовское войско совсѣмъ не имѣетъ козачьяго элемента, по его словамъ, безсемейные запорожскіе выходцы изъ Турціи въ этомъ войскѣ вымерли, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ глубокихъ стариковъ, отжившихъ уже свой вѣкъ; самое же незначительное молодое поколѣніе ихъ, сложившееся уже при условіяхъ осѣдлой жизни, чуждой прежнему духу отцовъ ихъ и воспринявшее склонности окрестной среды поселенія, сроднилось съ обычаями и духомъ народа, ни въ чемъ непохожаго на сичевыхъ запорожцевъ. Азовское войско, какъ увѣрялъ Строгановъ, само переселенія не желаетъ; переселеніе для него равносильно разоренію. Минуя Николаевскую и Покровскую станицы, населенныя запорожцами, стародубовскіе жители, бывъ разъ переселены изъ черниговской губерніи, только что хорошо обстроились, обзавелись хозяйствомъ и снова должны всего лишиться; еще болѣе переселеніе, по мнѣнію Строганова, было бы несправедливо для зажиточныхъ жителей Новоспасовки и Петровска, существующихъ цѣлое столѣтіе на однихъ мѣстахъ и насильно причисленныхъ въ козачье вѣдомство. Въ виду всего этого графъ Строгановъ ходатайствовалъ допустить изъ азовскаго войска на переселеніе за Кубань, если окажется возможность, однихъ только охотниковъ, все же прочее войсковое населеніе обратить по прежнему въ гражданское вѣдомство. Въ заключеніе Строгановъ докладывалъ, что давно распространившійся слухъ, поддерживаемый нѣсколько лѣтъ сряду, о будущемъ переселеніи азовскихъ козаковъ приводитъ ихъ въ тревожное состояніе, весьма вредное ихъ хозяйствамъ. Люди упали духомъ и естественно становятся менѣе трудолюбивы и предпріимчивы. А потому, если предположенное переселеніе азовскаго войска въ видахъ государственной въ томъ надобности неизбѣжно, то необходимо, въ отвращеніе еще большаго упадка духа въ народѣ, угрожающаго ему разореніемъ, вопросъ о переселеніи азовцевъ на Кавказъ такъ или иначе наискорѣе рѣшить, не откладывая на 5—6 лѣтъ, какъ писалъ Барятинскій.

Настойчивыя представленія генералъ - адъютанта графа Строганова объ удержаніи азовскаго войска на мѣстѣ жительства и обращеніи его населенія въ гражданское вѣдомство, а также поступившія представленія отъ азовскаго войсковаго начальства о прибавкѣ войску участка земли, оставшейся по выходѣ ногайцевъ свободною, и о разрѣшеніи возводить въ станицахъ новыя каменныя постройки, убѣдили военное министерство не откладывать долѣе переселенія азовцевъ на Кавказъ, а начать таковое съ 1862 года, въ порядкѣ, указанномъ уже государемъ императоромъ. Для этого на первый годъ предположено было вызвать изъ азовскаго войска на переселеніе 400—500 семействъ, но назначено только 210. Для водворенія этихъ переселенцевъ графомъ Евдокимовымъ отводились мѣста на берегахъ Чернаго моря, возлѣ укрѣпленія Константиновскаго (Новороссійскъ), въ долинахъ Озерейки, р. Суко и около Анапы.

Для оповѣщенія азовскому войску сдѣланнаго по высочайшему повелѣнію распоряженія о начатіи переселенія козаковъ изъ этого войска на Кавказъ графъ Строгановъ послалъ туда подполковника Домбровскаго, который донесъ, что всѣ штабъ и оберъ-офицеры азовскаго войска заявили о готовности всѣми силами содѣйствовать къ исполненію священной воли государя; а станичники, изъявляя полную покорность высочайшей волѣ, заявили единогласно, что всѣ указанныя имъ на Кавказѣ подъ поселеніе мѣстности хорошо знаютъ: тамъ одни высокія горы, покрытыя по вершинамъ лѣсами, на каменистомъ грунтѣ тѣхъ мѣстностей вовсе нѣтъ пахатной земли, особливо близъ укрѣпленій Константиновскаго, Кабардинскаго и Геленджикскаго. А какъ хлѣбопашество есть единственный ихъ промыселъ, то правительство вынуждено будетъ отпускать всегда имъ провіантъ.

Недовольствуясь однимъ такимъ заявленіемъ, азовцы послали отъ себя депутатовъ на Кавказъ для осмотра тамъ всѣхъ свободныхъ мѣстъ годныхъ для поселенія. Депутаты, объѣхавъ весь закубанскій край по занятому уже нашими войсками сѣверному склону кавказскаго хребта, объявили своимъ станичникамъ, что они видѣли хорошія земли по р. Бѣлой и частью въ патухайскомъ округѣ.

Послѣ этого наказный атаманъ азовскаго войска генералъ Рѣшетиловъ уговаривалъ козаковъ идти всѣмъ на переселеніе за Кубань. Жители станицъ Никольской, Покровской и Стародубовской, заинтересованные разсказами своихъ депутатовъ объ отличномъ качествѣ и значительномъ пространствѣ земель между рр. Бѣлой и Лабой, всѣ единодушно изъявляли желаніе переселиться цѣлыми станицами, но не иначе какъ только на означенныя земли; козаки же посада Петровска и Новоспасовской станицы, при всѣхъ убѣжденіяхъ Рѣшетилова, переселяться вовсе не желали.

Командовавшій кавказскою арміею князь Орбеліани находилъ возможнымъ допустить водвореніе азовцевъ на р. Бѣлой, но колонизировавшій закубанскій край графъ Евдокимовъ положительно считалъ это невозможнымъ, въ виду того, что облюбованныя азовскими депутатами тамъ мѣста еще раньше предназначены были другимъ переселенцамъ.

По докладу обо всемъ этомъ государь императоръ повелѣлъ обратить полное вниманіе на выборъ мѣстъ *для водворенія азовскихъ козаковъ, на восточномъ берегу Чернаго моря*. При этомъ государь выразился, что крайне будетъ прискорбно, если азовцы будутъ водворены на мѣстностяхъ совершенно невыгодныхъ для козачьяго быта, и если поэтому придется всегда содержать ихъ на казенномъ провіантѣ.

Въ виду такой царской воли на графа Евдокимова возлагалось серьезно обсудить этотъ вопросъ, ибо будущность азовцевъ вполнѣ возлагалась на его попеченіе.

По этому поводу графъ Евдокимовъ докладывалъ военному министру, что при поселеніи новыхъ станицъ въ предгорной полосѣ западнаго Кавказа въ соображеніе принимается не одно хлѣбопашество, но и другіе горные промыслы, какъ то: лѣсной, пчеловодство и пр. Переселенцы въ этомъ краѣ вмѣсто одного хлѣбопашества найдутъ много другихъ промышленностей, въ числѣ которыхъ для азовцевъ представляется еще и богатое рыболовство въ кубанскомъ и кизилтаусскомъ лиманахъ, близъ Анапы, въ окрестности которой, а также около укрѣпленій Кабардинскаго и Геленджика, на прибрежьяхъ Чернаго моря на-

значаются имъ мѣста подъ поселеніе, согласно указаніямъ правительства. Боясь навлечь на себя неудовольствіе государя императора за устройство будущности азовцевъ, могущихъ заявить неудовольствіе при водвореніи, Евдокимовъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ министра дозволить депутатамъ азовскаго войска познакомиться съ общимъ характеромъ страны, гдѣ должно развиться наше новое козачье населеніе и заявить довольны ли они указываемыми имъ мѣстами или нѣтъ. Выборъ же самыхъ мѣстъ для поселенія онъ боялся допустить какъ мѣру, могущую возбудить большія затрудненія въ дѣлѣ колонизаціи непріятельскаго края и нарушить всѣ военныя соображенія.

По этому представленію послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на посылку депутаціи для осмотра тѣхъ мѣстъ, гдѣ графъ Евдокимовъ полагалъ водворить азовцевъ. Для содѣйствія депутатамъ къ исполненію возлагавшагося на нихъ порученія и личнаго соглашенія въ этомъ дѣлѣ съ графомъ Евдокимовымъ бессарабскій генералъ-губернаторъ командировалъ наказнаго атамана новороссійскаго козачьяго войска генералъ-маіора Гангардта. Депутатами отъ азовскаго войска были избраны: урядникъ Романъ Добровольскій, приказный Яковъ Михайловъ, козаки: Василій Лиходѣдъ, Николай Прибѣга, Акимъ Картавенко, Деомидъ Полторакъ и Григорій Кочубей. Съ ними былъ командированъ непремѣнный членъ азовской войсковой канцеляріи есаулъ Гонтинъ. Всѣ эти дупутаты въ августѣ 1862 года прибыли въ Константиновское укрѣпленіе, гдѣ ихъ ожидалъ уже генералъ Гангардтъ.

Есаулъ Гонтинъ, осмотрѣвъ съ депутатами указанныя начальникомъ натухайскаго округа генераломъ Бабычемъ мѣста, предположенныя къ заселенію русскими, нашелъ самыя удобныя земли на Аушецѣ, гдѣ, кромѣ приволья для хлѣбопашества въ обширныхъ долинахъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, по низменнымъ мѣстамъ ростетъ камышъ, годный для кровли и топлива, а между нимъ растетъ луговая трава для пастбищъ животныхъ, въ самой же р. Аушецѣ много рыбы; далѣе у самыхъ предгорій на земляхъ, прилегающихъ къ верховьямъ р. Иля растетъ прекрасный строевой лѣсъ. Бывшіе съ Гонтинымъ

депутаты просили ходатайства своего наказнаго атамана объ отводѣ указанныхъ мѣстъ подъ поселеніе азовцевъ.

Общество станицы Покровской послѣ совѣщаній съ возвратившимися изъ за Кубани депутатами 25 сентября 1862 года постановило приговоръ, въ которомъ изъявляло желаніе селиться весною 1863 года на мѣстахъ бывшихъ станицъ (анапскихъ поселянъ) Витязевой и Суворовской, а если правительствомъ не будетъ уважена ихъ просьба объ отводѣ этой земли, то просили дозволить водвориться на выбранной депутатами землѣ между рр. Иля и Хабля на р. Аушецѣ, только съ условіемъ, чтобы не были стѣснены надѣломъ земли для занятія хлѣбопашествомъ. Причемъ также просили правительство, чтобы при выходѣ ихъ на переселеніе дозволено было взять съ собою всѣ церковныя вещи и колокола, находящуюся въ одесской конторѣ государственнаго банка слѣдуемую на нихъ часть общественной станичной суммы для постройки новой церкви и высочайше дарованное азовскому войску знамя. Въ случаѣ же если не разрѣшено будетъ имъ поселиться на означенныхъ земляхъ и взять съ собою все вышеупомянутое, то въ такомъ случаѣ они на переселеніе не изъявляютъ согласія, а желаютъ дать только слѣдуемое отъ ихъ станицы число семействъ по жребію, включая въ тотъ разсчетъ противъ другихъ станицъ и тѣхъ козаковъ ихъ станицы, которые уже весною того года переселились на Кавказъ.

Вскорѣ стало извѣстно, что выбранныя азовскими депутатами земли отдаются туземнымъ поселенцамъ, а азовцамъ назначаются мѣста отъ черты отдѣляющей горскія поселенія отъ козачьихъ между Адагумскою линіей и р. Хаблемъ къ югу. Тогда въ азовскомъ войскѣ поднялся ропотъ на кавказское начальство, обманувшее ихъ обѣщаніемъ селить охотниковъ на тѣхъ земляхъ, какія они сами выберутъ. Охотники объявляли, что если имъ отказываютъ въ положительно обѣщанной ихъ депутатамъ землѣ на Аушецѣ и Илѣ и раздѣляютъ ихъ общество поселеніемъ на морскомъ побережьи, то они не изъявляютъ желанія на добровольное переселеніе. Когда же послѣ того дѣло дошло до требованія переселенческихъ семействъ по жре-

бію, то въ станицахъ произошло уже сильное волненіе. Дѣла въ азовскомъ войскѣ принимали дурной оборотъ. Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ Жуковскій, узнавъ о броженіи умовъ среди азовскихъ козаковъ, послалъ къ нимъ своего дежурнаго штабъ-офицера, но до прибытія его, благодаря принятымъ мѣстнымъ начальствомъ мѣрамъ, козаки нѣсколько успокоились и исполнили требованія начальства.

Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что нѣкоторые азовцы, подъ вліяніемъ боязни лишиться давнихъ ихъ богатыхъ осѣдлостей и промѣнять ихъ на неудобныя закубанскія земли, были увлечены къ сопротивленію противъ правительственныхъ распоряженій безумными рѣчами немногихъ строптивыхъ ихъ товарищей. Эти *немногіе* дорого поплатились и одинъ изъ нихъ, какъ передавали азовцы, будто бы былъ казненъ политической смертью.

О происшедшихъ въ азовскомъ войскѣ смятеніяхъ генералъ Гангардтъ довелъ до свѣдѣнія графа Евдокимова; при чемъ докладывалъ, что при такомъ печальномъ настроеніи умовъ азовцевъ высочайшая воля государя императора, заключавшаяся въ томъ, что бы азовцы были переселены безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ и съ полнымъ сознаніемъ, что они не будутъ тосковать и нуждаться на новыхъ осѣдлостяхъ, можетъ быть достигнута при двухъ только условіяхъ: во первыхъ, что бы охотникамъ дозволено было взять съ собою заслуженныя ими знамена, колокола и образа для привлеченія товарищей, ибо по всему войску идетъ только одинъ голосъ *„де наши заслуги, тамъ и мы“*; во вторыхъ,—что бы непремѣнно было дано положительное подтвержденіе того, что выбранныя депутатами, съ разрѣшенія и указанія кавказскаго начальства, земли на Аушецѣ будутъ отданы азовцамъ, а не кому другому. Осушеніе болотъ азовцы примутъ на себя. Если же сверхъ того можно было бы уговорить мѣстное начальство принять по нѣсколько семействъ въ Анапѣ, Суворовой и Витязевкѣ, то въ такомъ случаѣ азовцы считали бы себя совершенно счастливыми.

Первый пунктъ мнѣнія Гангардта осуществился, но на второй крѣпкій боевой генералъ и администраторъ графъ Ев-

докимовъ не сдался. Онъ по разнымъ причинамъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайства Гангардта объ измѣненіи назначенныхъ мѣстъ для поселенія азовцевъ, какъ равно не допускалъ поселенія ихъ и на мѣстахъ бывшихъ Суворовской и Витязевской станицъ, гдѣ уже былъ полный комплектъ переселенцевъ.

Графу Евдокимову, повидимому, страшно надоѣлъ вопросъ о переселеніи азовцевъ на лучшія мѣста въ закубанскомъ краѣ и онъ готовилъ имъ въ концѣ концовъ такой сюрпризъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ и памяти о нихъ не осталось.

Первые азовскіе переселенцы[1]) прибыли на Кавказъ весною 1862 года, моремъ до Константиновскаго укрѣпленія, гдѣ предполагалась строиться Константиновская станица, названная потомъ Новороссійскою. Азовцы, высадившись на берегъ, не хотѣли идти въ тѣ мѣста, куда они распредѣлялись мѣстнымъ начальсвомъ по частямъ, чего они вовсе не ожидали. Когда туда прибылъ генералъ Гангардтъ, то они, явясь къ нему и бросаясь на колѣни, умоляли перевести ихъ всѣхъ въ одно мѣсто, въ Анапу, причемъ жаловались, что въ тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ гонятъ на поселеніе, земля каменистая и требуетъ разработки по горамъ и расчистки терновника, сѣна недостаточно, скотина болѣетъ и падаетъ, подвозъ строительныхъ матеріаловъ труденъ, не выдаютъ кормовыхъ денегъ на дѣтей, какъ выдавали въ пути, семейства, раздѣленныя лѣтъ 8 тому назадъ, соединяютъ съ цѣлью уменьшить выдачу пособія на хаты и пр. Особенно они заявляли нежеланіе свое быть разъединенными.

Что могъ сдѣлать Гангардтъ по жалобамъ азовцевъ, находившихся всецѣло въ распоряженіи кавказскаго начальства?... Конечно, ничего. Узнавъ, что азовцы, прибывшіе на поселеніе, не принимались строить хатъ,—для чего дозволялось имъ взять часть камня, изъ развалинъ Новороссійска, а начали пьянствовать, ругаться и подговаривать прибывшихъ туда же черномор-

[1]) Изъ числа назначенныхъ 210 сем. прибыли на мѣсто и разселены за Кубанью, какъ значится по свѣдѣніямъ о колонизаціи западнаго Кавказа, только 206 семействъ.

цевъ противиться волѣ правительства о заселеніи Константиновки, онъ всѣ жалобы ихъ призналъ или несправедливыми, или неосновательными. Упорство азовцевъ военнымъ начальствомъ было сломлено и *они разселены* по частямъ, на прибрежьи Чернаго моря, въ станицахъ: Новороссійской, Анапской, Благовѣщенской и Анапскомъ поселкѣ, вмѣстѣ съ другими переселенцами, назначенными въ тѣ же поселенія.

Въ 1863 году переселеніе азовскихъ козаковъ на Кавказъ состоялось безъ особенныхъ треволненій. Изъ азовскаго войска добровольно отправилось на Кавказъ 5 офицерскихъ и 504 семейства нижнихъ чиновъ, въ числѣ 2530 душъ обоего пола, не считая тѣхъ отставныхъ и вдовыхъ, которыя по связямъ родства приписаны при военнослужащихъ. Изъ числа показанныхъ семействъ 16 въ числѣ 76 душъ обоего пола съ грузомъ до 500 пуд. отправлены на военной шкунѣ „Эльборусъ" моремъ 20 апрѣля, остальныя затѣмъ 488 сем. и при нихъ скотъ: рогатый 1954 шт., лошади 351 шт., овцы 108 шт., возовъ 938, кромѣ офицерскихъ подводъ, раздѣлены на три партіи и отправлены сухимъ путемъ. *Первая* партія выступила 26 апрѣля при есаулѣ Подгурскомъ и хорунжемъ Гладкомъ, въ числѣ 182 сем., въ которыхъ было мужескаго пола 493 души и женскаго 483 д. и два офицерскихъ семейства. При этой партіи отправлены двое войсковыхъ знаменъ, два запорожскихъ пернача и нѣкоторыя церковныя святыни, взятыя изъ войсковаго молитвеннаго дома; *вторая* партія при сотникахъ Кравченкѣ и Сердюковѣ, въ числѣ 152 сем., отправились 29 апрѣля. Въ ней было муж. пола 345 душъ и женскаго 361 д. и два офицерскія семейства. При этой партіи слѣдовалъ священникъ съ церковными принадлежностями и везлись колокола; *третья* партія при сотникѣ Черновѣ, въ числѣ 154 сем., тронулась съ мѣста 2 мая. Въ ней было муж. пола 389 д. и женскаго 360. Кромѣ названныхъ пяти офицеровъ по особому разрѣшенію графа Евдокимова переселился на Кавказъ есаулъ Котляревскій для совмѣстнаго жительства съ дочерью его вдовою умершаго есаула

Донченко, переселившеюся туда въ прошломъ году съ первыми азовскими семействами [1]).

Всѣ эти три партіи азовцевъ, отправляясь на Кавказъ съ войсковыми регаліями, церковною утварью и другими святынями, нужными для священнодѣйствія, колоколами и своимъ священникомъ, конечно, разсчитывали на поселеніе ихъ на какихъ бы то ни было закубанскихъ земляхъ всѣхъ вмѣстѣ, но вышло совсѣмъ иначе и именно то, чего они вовсе не ожидали. По распоряженію графа Евдокимова, этихъ азовскихъ поселенцевъ, по прибытіи ихъ за Кубань, несмотря ни на какіе ихъ протесты, начали дѣлить на партіи, для поселенія въ разныхъ мѣстахъ совокупно съ переселенцами, прибывшими за Кубань изъ другихъ мѣстъ. Азовцы такому распоряженію кавказскаго начальства воспротивились. Ставши лагеремъ возлѣ Анапы, они не хотѣли разбиваться на части въ разныя станицы, какъ требовало начальство, а настаивали на томъ, чтобы ихъ поселили въ одномъ мѣстѣ; безъ этого они идти далѣе не хотѣли. Когда всѣ убѣжденія завѣдывавшихъ поселеніями не дѣйствовали, выстроили противъ азовцевъ часть регулярныхъ войскъ съ оружіемъ, чтобы силою подавить сопротивленіе. Но азовцы, выставивъ впередъ женщинъ и дѣтей, стали сами въ серединѣ табора. Военное начальство однако не рѣшилось употребить въ дѣйствіе оружіе и снова начались переговоры. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ главныхъ зачинщиковъ волненія были взяты, а остальные азовцы раздѣлены на четыре части и поселены въ станицахъ: Абинской, Хабльской, Грузинской и Ильской, вмѣстѣ съ другими переселенцами разныхъ націй и сословій.

Такой неблагопріятный результатъ разселенія азовцевъ въ 1863 году за Кубанью не прошелъ даромъ. Одесскій генералъ-губернаторъ Коцебу энергично ходатайствовалъ въ военномъ министерствѣ о прекращеніи переселеній на Кавказъ и объ обращеніи азовскаго войска въ гражданское вѣдомство. Военный

---

[1]) Кромѣ этихъ партій на переселеніе за Кубань отправилось еще 40 азовскихъ козачьихъ семействъ.

министръ, наконецъ, согласился съ мнѣніемъ генерала Коцебу и по рѣшенію, принятому его императорскимъ высочествомъ главнокомандовавшимъ кавказскою арміею великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ предполагавшагося переселенія азовскаго козачьяго войска на Кавказъ въ полномъ составѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составленъ проектъ о совершенномъ упраздненіи этого войска.

За недостаткомъ переселенцевъ для водворенія въ закубанскихъ станицахъ, въ 1864 году государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ недостающее число семействъ пополнить въ числѣ другихъ переселенцевъ и изъ азовскаго козачьяго войска до 300 сем. и болѣе, сколько будетъ признано возможнымъ *мѣстнымъ начальствомъ, дозволивъ азовцамъ, если они того снова будутъ просить, переселяться на Кавказъ цѣлыми станицами.*

Наконецъ то жалобы азовцевъ на насильственное раздѣленіе ихъ на части при поселеніи и соединеніе съ чуждыми имъ разнаго рода поселенцами дошли до государя императора и его величество обратилъ милостивое вниманіе на этихъ жалобщиковъ.

Согласно высочайшему повелѣнію, въ 1864 году переселилось изъ азовскаго козачьяго войска за Кубань 339 сем., которыя поселены хотя и небольшими, но цѣлыми станицами, какъ указалъ государь. Въ одной только Сѣверской водворено 165 сем., въ остальныхъ же, Азовской, Дербентской и Папайской, было всего 40—74 сем. Какъ ни малочисленны были эти поселенія, но за то въ нихъ были одни только азовцы.

На 1865 годъ переселенцевъ изъ азовскаго козачьяго войска за Кубань вовсе не назначалось, а дозволялось только принимать охотниковъ, но таковыхъ явилось немного—кажется, одно только козачье семейство.

Въ этомъ же году высочайше утвержденнымъ 11 октября положеніемъ азовское козачье войско упразднено, съ обращеніемъ жителей онаго въ гражданское состояніе. Положеніе это было объявлено азовцамъ командированнымъ отъ правительства полковникомъ княземъ Дадіаномъ.

Послѣ объявленія положенія объ упраздненіи азовскаго козачьяго войска, оставшіяся въ станицѣ Покровской 23 семейства изъ бывшихъ запорожцевъ не пожелали поступить въ податное состояніе и выхлопотали себѣ позволеніе отправиться за Кубань къ своимъ собратамъ, куда съ высочайшаго соизволенія и отправились весной 1866 года. Изъ нихъ 21 семейство поселилось въ азовскихъ станицахъ абинскаго полка, а 2 сем. водворены въ адагумскомъ полку.

Это были послѣдніе азовскіе переселенцы.

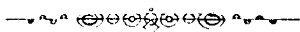
На все переселеніе козачьихъ семействъ изъ азовскаго козачьяго войска за Кубань израсходованы суммы: Въ 1862 году, на кормовое довольствіе переселенцевъ отъ казны 3951 р. въ пособіе отъ войска 26,225 р. 50 к., изъ станичныхъ суммъ 1979 р. 77 к. Въ 1863 году, на кормовое довольствіе отъ казны 9950 р. 75 к., въ пособіе отъ войска 21019 р., изъ станичныхъ суммъ 6235 р. 81 к., въ пособіе офицерамъ отъ войска 900 р. Въ 1864 г. на кормовое довольствіе отъ казны 4926 р. 74 к., въ пособіе отъ войска 11434 р., изъ станичныхъ суммъ 1857 р. 74 к., въ пособіе офицерамъ отъ войска 450 р. Въ 1865 г. на кормовое довольствіе отъ казны 18 р., въ пособіе отъ войска 33 р., изъ станичныхъ суммъ 11 р. 26 к. Въ 1866 г., на кормовое довольствіе отъ казны 391 р. 50 к., въ пособіе отъ войска 886 р., изъ станичныхъ суммъ 286 р. 9½ к. Итого отъ казны *19,237 р. 99 к.*, отъ войска *60,947 р. 50 к.*, отъ станицъ *10,370 р. 67½ к.* Сверхъ этого азовское войско уплатило переселенцамъ своимъ за непроданныя ими усадьбы, оставленныя на прежнихъ мѣстахъ жительства въ пользу войска, въ 1862 г. 514 р. 50 к., въ 1863 г. 253 р. 95 к. и въ 1864 г. 1150 р., итого *1918 р. 45 к.*

По упраздненіи азовскаго войска, войсковыя знамена и капиталъ, въ количествѣ 92,679 р.10¾ к., переданы въ кубанское войско, а письменныя дѣла азовской войсковой канцеляріи поступили въ разныя учрежденія и вѣдомства, куда по роду производства подлежали.

Такъ закончилась судьба послѣднихъ задунайскихъ запорожцевъ. Судьба незавидная, преслѣдовавшая ихъ изъ рода въ родъ и изъ вѣка въ вѣкъ. Съ паденіемъ въ Россіи въ прош-

ломъ столѣтіи запорожскаго войска часть козаковъ, недовольная правительствомъ, бѣжитъ въ Турцію, тамъ за Дунаемъ основываетъ запорожскую сѣчь, но въ настоящемъ столѣтіи кошевой атаманъ Гладкій измѣняетъ Турціи и бѣжитъ въ Россію, уводя съ собою и часть запорожцевъ. Оскорбленный такой измѣною турецкій султанъ уничтожаетъ въ Турціи запорожскую сѣчь, и самое войско запорожское, потерявъ самостоятельное свое значеніе, разсыпается безслѣдно между разнороднымъ населеніемъ въ Добруджѣ. Вышедшіе въ Россію остатки задунайскихъ запорожцевъ сначала составляютъ отдѣльное войско, названное азовскимъ, но ихъ смѣшиваютъ съ русскимъ податнымъ сословіемъ, потомъ частями переселяютъ на западный Кавказъ въ число разнородныхъ переселенцевъ и наконецъ самое азовское войско упраздняется, а съ тѣмъ вмѣстѣ и послѣдніе запорожцы, если оставались въ войскѣ, перечисляются въ податное состояніе.

П. П. Короленко.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

IX.

Прибытіе втораго корпуса русскихъ войскъ.—Императоръ Николай Павловичъ.—Обѣдъ.—Смотръ.—Генералъ Корженевскій.—Вѣсти изъ Франціи.—Приготовленія мѣстныхъ помѣщиковъ.

Гвардія ушла, а вмѣсто нея прибылъ въ наши мѣста другой корпусъ русскихъ войскъ, армейскій, состоявшій изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, артиллеріи и четырехъ гусарскихъ полковъ, подъ командой пѣхотнаго генерала графа Палена 2-го, женатаго на Орловой-Денисовой. Этотъ корпусъ возвращался изъ Турціи и государь Николай Павловичъ предполагалъ сдѣлать ему смотръ въ Коднѣ.

Графъ Паленъ былъ истинный потомокъ рыцарей-меченосцевъ; огромнаго роста, тучный, онъ напоминалъ тѣхъ рыцарей, что воспѣваются въ пѣсняхъ, рыцарей, которые гнутъ людей, какъ былинку, ломаютъ каменныя стѣны, какъ плетень изъ хвороста; онъ любилъ поѣсть и выпить, былъ очень гостепріименъ и любезенъ, любилъ общество. Графиня была олицетворенная доброта, прекрасно воспитана, безъ памяти любила свой родной Донъ и все, что носило имя козака. Я былъ представленъ ей ея племянникомъ и былъ въ ея домѣ, какъ свой. Часто она пріѣзжала въ Гальчинецъ и проводила по нѣсколько дней

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 7.

съ моими сестрами. Графиня, которой было тогда лѣтъ подъ 50, любила слушать чтеніе исторіи козаковъ и пѣніе козацкихъ думъ, которыя козаки пѣли подъ акомпаниментъ цимбалъ. Чаще всего съ ней бывала жена начальника корпуснаго штаба полковника Ренненкампфа, очень красивая блондинка, молодая и сантиментальная.

Въ этомъ корпусѣ почти не было поляковъ, очень мало малороссовъ, даже великороссовъ. Всѣ высшіе офицеры были финляндцы или остзейцы, а низшіе или уроженцы сѣверныхъ губерній, или татары. Полки были образцовыми, отличались исправностью въ строю и пріобрѣли боевую славу, ихъ звали варнскими львами. У насъ тогда говорили, что они во имя короля польскаго Николая отомстили за смерть Владислава III, также короля польскаго. Съ этимъ корпусомъ ни помѣщики, ни простонародье, ни даже евреи не имѣли никакихъ столкновеній, потому что онъ былъ образцовымъ по отношенію къ порядку, субординаціи и аккуратности въ уплатѣ долговъ; но отъ него вѣяло какимъ то холодомъ и мы не имѣли къ нему не говорю уже такого расположенія, какъ къ гвардіи, потому что то была братская привязанность, но даже какъ къ 3-му корпусу— этому собранію безпутныхъ гулякъ. Можетъ быть это произошло оттого, что корпусъ этотъ, придя на мѣсто гвардіи, не могъ ни въ какомъ отношеніи выдержать съ нею сравненіе, и производилъ послѣ нея на помѣщиковъ такое же впечатлѣніе, какъ итальянское вино, хоть и хорошее, послѣ шампанскаго.

Въ это же время Тадеушъ Валевскій и Викентій Тышкевичъ заперлись въ своихъ домахъ и разыгрывали роль хозяевъ и домосѣдовъ, но Карлъ Бурхинскій ѣздилъ по ярмаркамъ и церковнымъ праздникамъ и шепталъ на ухо: „Былъ въ Полонномъ; Тадзіо говоритъ, это что то будетъ, и скоро. А вино то, вино — мышью пахнетъ, точно масло — языкъ прилипаетъ къ нёбу“.

Игнатій Струмилло приглашалъ сыграть въ вистъ, въ бостонъ, въ пикетъ и даже въ марьяжъ:

— Сыграемъ пока есть время, а то былъ я въ Очеретяной и кажется мнѣ, что скоро уже будетъ не до игры, развѣ

перекинемъ въ штоссъ и то на сѣдлѣ, какъ бывало во время конфедераціи или когда я служилъ въ уланахъ.

Игнатій Струмилло служилъ когда то ротмистромъ въ австрійскомъ уланскомъ полку эрцгерцога Карла и отъ этой прежней службы у него остались сабля и шпоры, которыя онъ велѣлъ теперь вычистить.

Говорили во всей округѣ, что призидентъ Елисей Піотровскій, старинный пріятель семействъ Валевскихъ и Корвицкихъ, извѣстный юристъ, приготовляетъ доказательства и всякіе документы для завладѣнія русскими землями, на основаніи литовскаго статута, магдебургскаго права и прусской корректуры, въ прежнихъ границахъ. Вѣдь на то и право, чтобы люди устраивались согласно съ нимъ и не допускали насилія. Такъ утверждали въ Браталовѣ. А поэтъ Констанцій день и ночь сочинялъ длиннѣйшую оду къ Тадеушу, но не Костюшкѣ, а только Валевскому. Это было ему очень легко, потому что онъ нашелъ въ своихъ бумагахъ черновыя одъ и посланій къ Тадеушу Костюшкѣ и Тадеушу Чацкому, все къ Тадеушамъ; перелицовка шла недурно, но было затрудненіе, что поставить на мѣсто Рацлава, Дубенки и Мацѣевицъ. Поэтъ вставилъ: Гончариха, Перепетова могила и Янче надъ Днѣпромъ,—тамъ отличится Тадзіо.

Ахметовичъ-паша, какъ новый Донъ-Кихотъ со своимъ Санчо-Пансо, объѣхалъ помѣщичьи дома и вездѣ распѣвалъ:

— Въ столицѣ Сигизмунда, глубоко подъ памятникомъ этого стараго короля, тлѣетъ подземный огонь, лава расплавляется, кипитъ и скоро вырвется и польется по всѣмъ польскимъ землямъ. Такъ хочетъ Богъ и иначе быть не можетъ! Поднимайтесь, люди Божьи!

Удивительное было лицо у этого старца, все въ морщинахъ, желтое, какъ древній пергаментъ, а между тѣмъ на немъ горѣлъ лихорадочный румянецъ, глаза блестѣли, а нафабренные усы торчали, какъ два рога. Всегда парадно одѣтый, въ узкихъ лосинахъ, ботфортахъ выше колѣнъ, въ вычищенной или новой красной чамаркѣ съ золотыми бандебурами, на головѣ шапка съ перомъ и разноцвѣтными лентами, какъ зна-

ками побѣдъ надъ прекраснымъ поломъ, а за нимъ Санчо-Пансо въ голубой одеждѣ. Нигдѣ онъ не останавливался на долго, а какъ только произносилъ: Люди божьи, поднимайтесь! выходилъ, садился въ экипажъ и ѣхалъ дальше.

Появился и профессоръ Шостаковскій, бѣдный сумасшедшій, и тоже говорилъ аллегерическія рѣчи. Странствовали по краю и другіе люди въ томъ же родѣ, проповѣдывали, пѣли „o nowym Tadeuszu, co w nowym kontuszu potańczy na Ianczy“ [1]), и о томъ, какъ „Pan Wincenty jak ojciec Gaudenti, nie da siebie zrobic gapą, zmaże kreskę i ucznie da capo“ [2]).

Все это пріѣхало къ намъ изъ Новаго Рима, который сенаторъ Илинскій отдалъ послѣ оо. іезуитовъ подъ надзоръ и управленіе своего почетнаго частнаго пристава Ахметовича-паши, а тотъ собралъ тамъ компаньоновъ, подобныхъ себѣ, лишенныхъ разума и сердца, и устроилъ настоящій Бедламъ.

Игнатій Струмилло, который зналъ многое, чего не знали другіе, утверждалъ, что все это были штуки Генриха Ржевускаго съ цѣлью возбудить край и подготовить его къ вспышкѣ; если дѣло не удается—онъ будетъ смѣяться надъ сумасшедшими, если удастся—то провозгласитъ: это моя заслуга. Мѣстныя власти не обращали вниманія на эти странствованія сумасбродовъ; засѣдатели и исправники смѣялись надъ ними и сами побуждали ихъ къ произнесенію проповѣдей. Помню, какъ житомирскій исправникъ, русскій, разсказывалъ намъ, что онъ встрѣтилъ между Сосновкой и Слободищами Ахметовича-пашу съ его Санчо-Пансо, гонящихъ трехъ быковъ и кричащихъ: „прочь, прочь съ нашихъ нивъ, довольно уже принесли вреда“! На вопросъ исправника, какого это врага онъ гонитъ, Ахметовичъ отвѣчалъ:

— Я новый Геркулесъ, выгоняю чудовище изъ трехъ земель—Польши, Литвы и Руси, по приказанію его сіятельства сенатора-кардинала и преподобныхъ отцовъ іезуитовъ, которые

---

[1]) О новомъ Тадеушѣ, что въ новомъ кунтушѣ протанцуетъ на Янчѣ.

[2]) Панъ Викентій, какъ отецъ Гауденій, не дастъ себя одурачить, изгладитъ черту и примется снова.

возвратятся съ первой женой, чтобы насъ окрестить снова, но не въ Іорданѣ, а въ Днѣпрѣ.

И исправникъ смѣялся, и всѣ смѣялись, но были и такіе, что не смѣялись, а край волновался все болѣе и болѣе, неизвѣстно почему: у каждаго было какое то предчувствіе. Какъ говорили малорусскіе крестьяне, „*несамовыти* (сумасшедшіе) напускаютъ какое то безпокойство, что то будетъ".

Войска второго корпуса уже получили приказъ двинуться въ лагерь подъ Кодню, когда прибыли къ намъ Игнатій Стемпковскій и Якубъ Цихоньскій, оба изъ заславскаго повѣта, въ качествѣ делегатовъ Тедеуша Валевскаго, съ цѣлью возрожденія общества тампліеровъ. Наши помѣщики и молодежь собирались въ трехъ мѣстахъ: въ Браталовѣ у Піотровскихъ, въ Тютюнникахъ у Фалинскаго и въ Гальчинцѣ у меня. Игнатій Стемпковскій принадлежалъ ко всевозможнымъ масонскимъ сектамъ и могъ быть архи-церемоніймейстеромъ не только въ Польшѣ, а и вездѣ. Гробовые покровы, мертвыя головы и бенгальскіе огни для декорацій занимали почтеннаго Стемпковскаго болѣе, чѣмъ самое дѣло, а Якубъ Цихоньскій отпускалъ остроты и писалъ стишки. Однако, несмотря на все это, спроси любого изъ приставшихъ къ нимъ, почему онъ это сдѣлалъ, то онъ навѣрное отвѣтилъ бы: потому, что это уже сдѣлали другіе прежде меня.

Въ Коднѣ дѣлались большія приготовленія къ пріему императора Николая Павловича. Тетка и дядя вызвали меня на это великое торжество; я пріѣхалъ съ Игнатіемъ Стемпковскимъ и Яномъ Омецинскимъ; другіе помѣщики уже ждали въ Коднѣ прибытія императора; всѣхъ ихъ было у дяди 19. Всѣ они были въ дворянскихъ мундирахъ темно-зеленыхъ съ малиновымъ, я же былъ въ мальтійскомъ мундирѣ.

Государь пріѣхалъ въ Кодню ночью. Войска на встрѣчу ему не выходили; онъ прямо проѣхалъ къ палацу, гдѣ все было уже приготовлено. Предъ крыльцомъ государя ожидали: генералъ Корженевскій, хозяинъ дома, графъ Паленъ, командиръ 2-го корпуса, и волынскій губернаторъ Аверинъ. Такова была высочайшая воля.

Съ государемъ прибыли: фельдмаршалъ Сакенъ, командиръ 1-й арміи, фельдмаршалъ Дибичъ-Забалканскій, командиръ 2-й арміи, генералы Бенкендорфъ и Адлербергъ, графъ Станиславъ Потоцкій, генералъ Витте и многочисленная свита императора и двухъ фельдмаршаловъ. Всего было болѣе ста человѣкъ и всѣ очень удобно были размѣщены въ огромномъ кодненскомъ палацѣ, ни для кого не пришлось искать помѣщенія въ мѣстечкѣ. Въ главномъ корпусѣ были помѣщенія императора, фельдмаршаловъ, лицъ изъ свиты и штаба, въ павильонѣ лѣваго крыла размѣстились служители придворные, фельдмаршальскіе и свитскіе, а въ павильонѣ праваго крыла жилъ генералъ Корженевскій съ женой и всѣ пріѣхавшіе помѣщики.

60 экипажей, запряженныхъ шестерками, четверками и парами, и 120 верховыхъ лошадей были на готовѣ. Мебели и ковровъ было такъ много и такого качества, что старый фельдмаршалъ Сакенъ все повторялъ: „только у польскаго пана да еще такъ преданнаго монарху, какъ преданъ Михаилъ Корженевскій государю Николаю Павловичу, можно найти такія вещи“.

Эти слова дошли до государя и очень расположили его въ пользу генерала Корженевскаго, который былъ ему лично извѣстенъ и который, къ тому же, былъ ловкимъ придворнымъ.

Рано утромъ всѣ мы, помѣщики, были собраны въ большой бальной залѣ, выходившей окнами въ садъ, и выстроены въ рядъ не по чинамъ и возрасту, а какъ попало, такъ что я стоялъ въ срединѣ, хотя былъ моложе всѣхъ и не имѣлъ никакого отличія, кромѣ мальтійскаго креста. Впереди насъ стали: губернскій предводитель Граціанъ Левкевичъ, губернаторъ Аверинъ и генералъ Корженевскій.

Вошелъ государь; при немъ были только генералъ Витте и графъ Станиславъ Потоцкій.

Я долженъ сознаться, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не произвелъ на меня бо́льшаго впечатлѣнія, чѣмъ императоръ Николай; въ то время онъ былъ во всемъ цвѣтѣ красоты и царственнаго величія. По росту, осанкѣ и выраженію лица онъ казался владыкой міра. Лицо загорѣло, только лобъ, прикрытый козырькомъ каски, былъ бѣлъ.

Предводитель Левкевичъ началъ говорить по французски, но государь сразу прервалъ его, сказавъ по русски:

— Господинъ предводитель, я понимаю и по русски, и по польски; французскій языкъ между нами совершенно ненуженъ.

Когда смущенный Левкевичъ сталъ запинаться, государь обратился къ генералу Витте:

— Генералъ, представьте мнѣ дворянъ.

Генералъ взялъ списокъ и началъ его громко читать, а государь прошелъ передъ рядомъ дворянъ и сказалъ каждому по нѣсколько словъ.

Дворяне такъ были смущены неловкостью и ненаходчивостью своего предводителя, что отвѣчали невпопадъ; одинъ только Кантъ Гленбоцкій смѣло отвѣчалъ государю на его вопросы объ орденахъ, полученныхъ Гленбоцкимъ въ Турціи и на Березинѣ.

Когда государь подошелъ ко мнѣ, то смѣрялъ меня глазами съ ногъ до головы и сказалъ очень милостиво:

— Съ такой фамиліей и еще не въ военной службѣ.

Я отвѣтилъ, что я единственный сынъ умершихъ родителей и опекунъ своихъ сестеръ.

Государь усмѣхнулся и сказалъ:

— У насъ и такіе есть.

Затѣмъ обратился къ генералу Корженевскому:

— Отдай мнѣ своего родственника, онъ будетъ служить при мнѣ.

Генералъ Корженевскій поклонился чуть не до земли.

Потомъ подали экипажи и генералъ Адлербергъ сообщилъ мнѣ, чтобы я приготовился ѣхать съ государемъ. Въ огромномъ ландо государь сѣлъ съ лѣвой стороны, а фельдмаршалъ Дибичъ съ правой. На передней скамейкѣ было указано мѣсто ген. Корженевскому, а подлѣ него мнѣ. Я сидѣлъ противъ государя. Мы проѣхали передъ лагеремъ, гдѣ войска встрѣчали императора музыкой и пушечными выстрѣлами. Государь не остановился здѣсь, а велѣлъ ѣхать прямо въ лазареты, которые были верстахъ въ пяти отсюда, въ Солотвинѣ. Лошади мчались во весь опоръ, а государь все время разговаривалъ, разспра-

шивалъ меня, что мы дѣлаемъ, какъ проводимъ время, какія у насъ развлеченія, о гвардейцахъ, со многими ли изъ нихъ я познакомился. На всѣ вопросы я отвѣчалъ, повидимому, удачно, потому что государь былъ со мной очень любезенъ, а дядя казался очень обрадованнымъ.

Обходя лазареты, государь останавливался возлѣ каждаго больного, а раненыхъ съ отеческой заботливостью расправшивалъ, гдѣ они получили раны; но нѣсколько разъ онъ становился суровымъ, выговаривая смотрителямъ лазарета и даже нѣкоторымъ докторамъ. Выраженіе его лица дѣлалось тогда такимъ грознымъ, что я замѣчалъ, какъ дрожали окружающіе, но въ то же время онъ не произносилъ ни одного рѣзкаго слова, не возвышалъ голоса.

На обратномъ пути государь уже не говорилъ такъ много какъ прежде, а только сказалъ фельдмаршалу Дибичу:

— Неизлечимы, а надо, чтобы вылечились.

Онъ задумался; потомъ снова сталъ говорить о своихъ варнскихъ львахъ, спрашивалъ объ офицерахъ, которыхъ не видѣлъ ни во фронтѣ, ни въ госпиталяхъ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, но съ замѣтнымъ смущеніемъ и неувѣренностью, видно было, что онъ менѣе зналъ своихъ подчиненныхъ, чѣмъ императоръ. Государь, не желая его мучить, началъ говорить о Петербургѣ.

Обѣдъ былъ на 160 кувертовъ, на столахъ, разставленныхъ въ видѣ подковы. Изъ помѣщиковъ только трое были приглашены къ высочайшему столу: генералъ Корженевскій, Янъ-Кантъ Гленбоцкій и я. Графъ Адлербергъ говорилъ, что въ поданномъ спискѣ государь собственноручно вычеркнулъ всѣ фамиліи, кромѣ трехъ. Это приписывали французскому языку предводителя Левкевича, потому что другой причины не было. Въ тотъ же день губернатору Аверину было сообщено, что всѣ дворяне, занимающіе выборныя должности, могутъ разъѣхаться по своимъ мѣстамъ и вступить въ исполненіе своихъ обязанностей.

Государь сидѣлъ посрединѣ за первымъ отъ двери залы

по одной сторонѣ его сидѣлъ фельдмаршалъ Сакенъ, по другой генералъ Корженевскій; противъ Государя фельдмаршалъ Дибичъ, а возлѣ него съ одной стороны графъ Паленъ, съ другой губернаторъ Аверинъ. Я сидѣлъ наискось противъ Государя, между генераломъ Кайсаровымъ и полковникомъ Коцебу.

Генералъ Кайсаровъ былъ человѣкъ свѣтскій, въ полномъ смыслѣ слова, отлично говорилъ по французски и даже по польски, сосѣдство его было очень пріятно. Кайсаровъ, москвичъ изъ зажиточной семьи, былъ въ 1812 г. адъютантомъ при Кутузовѣ, а въ описываемое время начальникомъ штаба 1-й арміи; онъ пользовался репутаціей русскаго Баярда и былъ имъ въ дѣйствительности. Полковникъ Коцебу болѣе молчалъ, чѣмъ говорилъ, какъ и всѣ нѣмцы, достигшіе важныхъ должностей. Держался онъ на вытяжку, и, какъ говорили, былъ очень свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ.

Когда дошла очередь до тоста за фельдмаршала Дибича и побѣдоносныя забалканскія войска, Государь провозгласилъ его самъ, сказавъ при этомъ, что такія здравицы пьютъ не рюмками, а кубками; шампанское было разлито въ большіе стаканы. Я тогда еще не былъ такъ привыченъ къ крѣпкимъ напиткамъ, какъ теперь, но генералъ Кайсаровъ налилъ мнѣ полный стаканъ и я долженъ былъ выпить его однимъ духомъ до дна.

Второй тостъ также поднялъ Государь: за варнскихъ львовъ. Кайсаровъ сказалъ мнѣ, что взятыя подъ Варной пушки отосланы въ Варшаву, какъ трофеи славянскаго мщенія, и изъ его разговора я заключилъ, что онъ принадлежитъ къ какому то славянскому обществу политическому или ученому.

Обѣдъ окончился очень весело. Послѣ обѣда всѣ оставались въ залахъ еще часа два, до чаю. Государь нѣсколько разъ удалялся въ свои покои и снова возвращался съ видимымъ желаніемъ не мѣшать общимъ разговорамъ.

Старый фельдмаршалъ Сакенъ подозвалъ меня и сталъ спрашивать, предпочитаю ли я лавры героя или розы красавицы, на что я отвѣтилъ, что предпочелъ бы второе, но только, къ несчастью, такой красавицы нѣтъ

Фельдмаршалъ Сакенъ, несмотря на суровость и строгость, въ которыхъ его обвиняли, былъ чрезвычайно пріятнымъ человѣкомъ въ обществѣ, любилъ проводить время среди мѣстныхъ помѣщиковъ; въ то время ему было уже лѣтъ подъ девяносто. Его адъютантъ, полковникъ Милорадовичъ, разсказывалъ намъ, что ослабѣвшаго отъ старости фельдмаршала ежедневно утромъ растирали ромомъ съ какими то медикаментами, давали выпить рюмку или двѣ вина и тогда только онъ приходилъ въ себя и, какъ заведенная машина, двигался до вечера. Онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ необходимости суровыхъ наказаній въ арміи для поддержанія дисциплины, что все только о нихъ и думалъ. Тотъ же Милорадовичъ разсказывалъ анекдотъ, будто бы однажды, когда фельдмаршалу доложили утромъ о томъ, что его верховая лошадь захромала, онъ спросонья проговорилъ:

— Разжаловать его въ солдаты и послать въ сибирскіе батальоны.

Фельдмаршалъ Дибичъ по наружности совершенно отличался отъ Сакена. Довольно тучный, приземистый, съ толстыми руками и ногами, онъ имѣлъ видъ нѣмца-пивовара, въ глазахъ его и улыбкѣ проглядывало добродушіе и, дѣйствительно, говорили, что онъ былъ очень доступенъ и снисходителенъ по отношенію къ подчиненнымъ.—Дибичъ былъ очень честенъ и свѣдущъ въ военномъ искусствѣ, но у него не было священнаго огня полководца.

Въ турецкую войну наиболѣе отличился генералъ Ротъ, а послѣ него Гейсмаръ, какъ люди отважные, даже дерзкіе по своимъ замысламъ и хладнокровные и мужественные въ исполненіи этихъ замысловъ. Подвиги генерала Гейсмара во главѣ драгуновъ на Дунаѣ приводились, какъ примѣры предусмотрительности, осторожности и неустрашимаго мужества. Переходъ генерала Рота черезъ Балканы въ виду многочисленной турецкой арміи подъ Шумлой, занятіе Адріанополя и высылка отрядовъ къ Константинополю и Дарданелламъ были блестящими примѣрами неустрашимой отваги и увѣренности въ себѣ. Какъ на слѣпого и безстрашнаго исполнителя приказаній указывали на графа Палена 2-го. Дибичъ говорилъ о немъ: „Надо

хорошо обдумать, чтобы не дать неудачнаго приказанія Палену, потому что онъ отступать не умѣетъ, нелѣпости въ полученныхъ приказаніяхъ не видитъ, разъ ему приказано—онъ и себя и войско погубитъ, а приказаніе выполнитъ".

На слѣдующій день былъ смотръ войскамъ. По распоряженію ген. Адлерберга, я вмѣстѣ съ Корженевскимъ былъ въ свитѣ Государя. Дядя никогда, правду сказать, не служилъ въ военной службѣ. Какъ человѣкъ богатый, находившійся въ родствѣ съ Поцѣями, Малаховскими, Богушами и почти со всѣми литовскими магнатами, онъ былъ назначенъ при Станиславѣ-Августѣ бригадиромъ пинской бригады „кавалеріи народовой", которой никогда не видѣлъ, и притомъ никогда не садился на коня. Фельдмаршалы Сакенъ и Дибичъ, видя расположеніе Государя къ Корженевскому, доложили ему, что ихъ товарищъ, Михаилъ Корнѣевичъ Корженевскій, очень обиженъ, такъ какъ былъ бригадиромъ при королѣ Станиславѣ-Августѣ, а теперь не числится болѣе въ арміи, хотя и не былъ уволенъ въ отставку, и просили вознаградить его за эту несправедливость. Государь приказалъ зачислить Корженевскаго по кавалеріи съ производствомъ въ генералы. На смотръ дядя явился уже въ генеральскомъ мундирѣ на прекрасномъ бѣломъ конѣ, такомъ смирномъ, что на немъ можно было молоко возить. Я былъ подлѣ него, тоже верхомъ на великолѣпной горячей лошади. Я былъ недурнымъ и смѣлымъ наѣздникомъ; самъ Государь замѣтилъ это. Когда гусарскіе полки начали дефилировать предъ нимъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ. Я исполнилъ приказаніе и поскакалъ галопомъ. Примѣръ ли моего коня или музыка и приближеніе кавалерійской колонны произвели то, что лошади фельдмаршаловъ и дяди стали безпокоиться. Сакена поддержалъ адъютантъ, Дибичъ усидѣлъ на конѣ и потомъ слѣзъ съ него, а Корженевскій очутился на землѣ; какъ онъ свалился,—никто не видѣлъ. Къ счастью, онъ отдѣлался однимъ испугомъ, за то смѣху было много. Смотръ прошелъ благополучно; Государь остался очень доволенъ войсками.

На третій день пріѣхала Государыня. По этому случаю былъ большой балъ, на которомъ я имѣлъ счастіе танцовать съ

Императрицей и разговаривать съ ней о старой графинѣ Браницкой. Государыня танцовала превосходно и такъ изящно, что ни одна полька не могла сравниться съ нею. При Государынѣ были: г-жа Баранова, двѣ дѣвицы Медемъ и замѣчательная красавица княжна Урусова. Предъ концомъ бала гр. Станиславъ Потоцкій сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ, въ виду несклонности моей къ военной службѣ, всемилостивѣйше пожаловалъ меня въ камеръ-юнкеры и что, устроивъ свои дѣла, я долженъ явиться въ Петербургъ ко двору. Корженевскій и я благодарили Государя за милость. И Государь и Государыня обошлись съ нами очень ласково, а Государь сказалъ мнѣ:

— Думаю, что въ Петербургѣ почувствуешь склонность къ военной службѣ.

Государь уѣхалъ на слѣдующій день очень рано. Государыня нѣсколько часовъ спустя. При отъѣздѣ гофмейстерина Баранова очень любезно сказала мнѣ:

— До свиданья въ Петербургѣ.

Такъ я сдѣлался камеръ-юнкеромъ. Я присягалъ при вступленіи въ общество тампліеровъ, что не вступлю ни въ какія иныя отношенія и не приму на себя никакихъ иныхъ обязательствъ. Я твердо рѣшилъ остаться вѣрнымъ своей клятвѣ, но, признаюсь, это рѣшеніе стоило мнѣ дорого, такъ какъ Императоръ Николай Павловичъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и я постоянно думалъ: отчего поляки не группируются вокругъ него и добровольно не снискиваютъ его расположенія, лучше бы для нихъ было. Таковы были мои мысли въ то время; часто и очень часто приходили онѣ мнѣ въ голову впослѣдствіи, возвращаясь какъ голуби подъ старую крышу, и теперь еще живо во мнѣ это убѣжденіе, и все таки я остался вѣрнымъ своей клятвѣ, какова бы она ни была, и исполнилъ свои обязанности добросовѣстно, не щадя не только жизни, что легко для польскаго шляхтича, но даже не щадя своего состоянія, что гораздо труднѣе.

Генералъ Корженевскій пріобрѣлъ огромное значеніе у мѣстныхъ должностныхъ лицъ. Прежде онъ имѣлъ вліяніе, благодаря взяткамъ, которыя раздавалъ не жалѣя, теперь же

милость Государя удвоила и уваженіе къ нему и его значеніе. Надъ нимъ не тяготѣло никакого обвиненія въ непатріотическихъ поступкахъ; онъ отнесся къ раздѣлу Польши такъ же, какъ отнеслась большая часть мѣстныхъ помѣщиковъ: призналъ совершившійся фактъ и примирился съ положеніемъ дѣлъ, котораго не могъ измѣнить. Онъ не старался снискать расположенія правительства позорными путями, во вредъ другимъ помѣщикамъ, и предосудительными съ точки зрѣнія польскаго патріота, и все же онъ не пользовался любовью среди помѣщиковъ, единственно потому, что былъ богаче и вліятельнѣе другихъ. Ему лгали, пользовались его помощью, услугами и въ то же время выдумывали про него невѣроятныя вещи, хотя всѣ клеветы были ложны.

Я самъ не разъ удивлялся, какъ безъ широкаго и основательнаго образованія, безъ заслугъ въ прошломъ, безъ большого богатства, такъ какъ, хотя у него и было 6,000 душъ крестьянъ, нѣсколько мѣстечекъ и много деревень, все же онъ не могъ сравниться съ крупными магнатами, Корженевскій съумѣлъ сблизиться и завести отношенія съ фельдмаршалами и другими вліятельными людьми. Случайно я открылъ этотъ секретъ. Во время пребыванія Государя въ Коднѣ, мы съ Игнатіемъ Стемпковскимъ вошли однажды нечаянно въ кабинетъ Корженевскаго и увидѣли тамъ генерала въ обществѣ камердинеровъ Сакена и Дибича, сидѣвшихъ съ нимъ за панибрата и попивавшихъ шампанское. Мы удалились. По уходѣ гостей генералъ пригласилъ насъ и сказалъ:

— Вы удивились, конечно, заставъ меня, генерала, въ обществѣ камердинеровъ, я понимаю ваше удивленіе—вы еще молоды и не можете уразумѣть такой житейской вещи: хотя я и богатый человѣкъ и генералъ, но еслибы заискивалъ у Сакена или Дибича, то они даже не обратили бы на меня вниманія, или насмѣхались бы и говорили бы, что я унижаюсь, потому что они привыкли смотрѣть на людей такъ, какъ будто тѣ созданы иначе, чѣмъ они, считать насъ за ничтожество. Между тѣмъ ихъ камердинеры почитаютъ за честь и за счастье быть въ обществѣ генерала, потому что и они, хоть и камердинеры, само-

любивы и тщеславны, можетъ быть еще болѣе, чѣмъ ихъ господа. Обласканные мною такимъ образомъ, какъ вы видѣли, они утромъ, одѣвая своихъ господъ, и вечеромъ, раздѣвая ихъ, твердятъ, какъ попугаи: „Михаилъ Корнѣевичъ—хорошій человѣкъ, какъ онъ любитъ ваше сіятельство". Господа слушаютъ и, когда достаточно наслушаются, начинаютъ вѣрить, что это такъ и на самомъ дѣлѣ, и берутъ своихъ поклонниковъ подъ покровительство. Такимъ образомъ я снискалъ покровительство обоихъ фельдмаршаловъ и другихъ сильныхъ людей. Единственно въ этомъ заключается секретъ моего значенія. Я знаю свое мѣсто, не поднимаю носъ, въ каждомъ вижу человѣка—созданіе Божье, стараюсь пріобрѣсти его расположеніе, и пользуясь маленькими людьми, добираюсь до великихъ. Вотъ мой образъ дѣйствій.

Мы не могли не признать, что сказанное имъ было вѣрно и практично, но не могли также преодолѣть шляхетской гордости и дойти до такихъ поступковъ.

Проѣздъ Государя чрезъ наши области нисколько не измѣнилъ политическихъ чувствъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Усиливалось недовольство, недовѣріе и все яснѣе и яснѣе рисовались мечты о возстаніи. До насъ долетали слухи объ іюльскихъ событіяхъ во Франціи, почерпаемые изъ газетъ и частныхъ сообщеній. Домъ Шафнагеля былъ источникомъ этихъ сообщеній и благодаря этому хозяинъ входилъ нѣкоторымъ образомъ въ кругъ помѣщиковъ, облагораживался. Очаровательная панна Эвелина Хилинская, племянница пани Шафнагель, умѣла прекрасно разсказывать объ этихъ іюльскихъ событіяхъ; молодежь слушала ее и любовалась ею, а панъ Шафнагель повѣствовалъ почтеннымъ помѣщикамъ, за чаркой добраго вина и кускомъ швейцарскаго сыра, о Карлѣ X, Людовикѣ-Филиппѣ, Бурбонахъ, Орлеанахъ и т. п. Помѣщики слушали и чтобы не пользоваться этимъ удовольствіемъ даромъ, чего не позволяла шляхетская гордость, покупали разныя драгоцѣнности для женъ и дочерей, привозили домой и, отдавая ихъ, говорили: „Это отъ Шафнагеля, а какія новости онъ намъ поразсказалъ, да все важныя!" Жены и дочери слушали, а дня черезъ два—три,

опять посылали за новостями къ Шафнагелю: такая де теперь знаменательная эпоха. Такимъ образомъ Шафнагель сталъ у помѣщиковъ руководителемъ политики и горячимъ патріотомъ, потому что помѣщичьи дукаты съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сыпались въ его шкатулку. Онъ благословлялъ политику, да и было за что!

Событія, совершавшіяся во Франціи, гораздо болѣе волновали сердца поляковъ и помѣщиковъ, чѣмъ турецкая война. Напрасно въ то время Генрихъ Ржевускій разсуждалъ о карловицкомъ трактатѣ, подъ которымъ подписался его предокъ, напрасно убѣждалъ онъ, что турки единственные союзники, которые охраняли до конца существованіе Рѣчи-Посполитой, что рядъ пораженій, понесенныхъ Турціей, есть слѣдствіе защиты Польши, что Высокая Порта доселѣ не подписала ни одного трактата, которымъ признала бы законность раздѣла Польши, что она вѣрна союзному договору и что только сближеніе съ турками можетъ возстановить падшее отечество, что въ Турціи находятся остатки войска Рѣчи-Посполитой, запорожцы, однимъ словомъ, что союзъ съ турками для поляковъ—союзъ традиціонный, историческій и политическій. Поляки слушали, зѣвали и все повторяли: „да вѣдь они бусурманы".

Когда же Шафнагель разсказывалъ или читалъ объ уличной схваткѣ въ Парижѣ, о Лафайеттѣ, о зонтикѣ Людовика-Филиппа, то не у одного чесался языкъ приказать сѣдлать коней, закладывать экипажи, чтобы летѣть въ Парижъ, на помощь тому братскому народу, съ которымъ соединяетъ поляковъ вѣковая связь крови, пролитой на однихъ и тѣхъ же поляхъ битвъ, пролитой за славу Рѣчи Посполитой, за славу императора Наполеона, но увы! не за Польшу. Но вѣдь поляки носятъ названіе французовъ сѣвера и гордятся этимъ названіемъ, и хотя французы никогда не принимали названія поляковъ юга, но что за дѣло до этого! Надо летѣть на помощь французамъ. Развѣ Генрихъ Валуа не сидѣлъ на польскомъ престолѣ и не бѣжалъ съ него? Развѣ Марія Лещинская не была королевой французской и развѣ Франція не старалась посадить на престолъ Станислава Лещинскаго? Развѣ Домбровскій, Князевичъ,

Малаховскій не проливали своей крови и крови польскихъ легіоновъ въ Италіи, Германіи, Санъ-Доминго и Египтѣ за цѣлость и славу французской республики, а эта республика развѣ не заключала договоры съ Россіей, Пруссіей и Австріей, не упоминая даже имени Польши, освящая молчаніемъ и подписываніемъ трактатовъ раздѣлы королевства или республики польской? Развѣ поляки не были защитниками наполеоновскихъ орловъ въ Испаніи, въ Германіи, подъ Смоленскомъ, подъ Бородинымъ, при переправѣ черезъ Березину? Развѣ кн. Іосифъ Понятовскій не палъ подъ Лейпцигомъ, сражаясь за Наполеона, а Дверницкій развѣ не дрался во главѣ польской молодежи за Францію во время паденія имперіи? И что же за все это получили поляки и Польша? То, что Наполеонъ I гдѣ то тамъ, на островѣ св. Елены, сказалъ: „Плохо, что я не зналъ поляковъ, плохо, что я не помнилъ о Польшѣ!“ Сожалѣнія трупа надъ умирающимъ! Но Франція имѣетъ г-жу де-Жанлисъ, на произведеніяхъ которой учились французскому языку польскія матроны, имѣетъ Жоржъ-Сандъ, писанія которой знаютъ на память польскія дѣвушки, имѣетъ бордосское для польскихъ отцовъ, а шампанское для сыновей, столько модныхъ уборовъ для прекраснаго пола, столько лоретокъ и гризетокъ для пола непрекраснаго! Она имѣетъ своего Лафайетта и національную гвардію. Какъ же не летѣть къ ней на помощь? Кто полякъ, кто носитъ польское имя, у кого бьется польское сердце, тотъ долженъ сражаться и умирать за Францію. Таково было настроеніе польскихъ дворянъ.

Камергеръ и подканцлеръ услыхали объ этомъ и объѣзжали сосѣдей.

— Великій богатырь этотъ Лафайеттъ! Глава народолюбцевъ, какъ и нашъ Косцюшко. Кто знаетъ, не пришлютъ ли его въ Польшу, чтобы онъ устроилъ конфедерацію и призвалъ къ оружію народолюбцевъ? Тогда всѣ пойдемъ, никто изъ насъ не спрячется за печку.

Іосифъ Валевскій, капитанъ 1-го конно-егерскаго полка, крутилъ усъ, потиралъ носъ и говорилъ:

— Войска сохранили выпушки. Цесаревичъ, нашъ любимый вождь, не пошлетъ насъ на французовъ, пойдемъ на другихъ добывать лампасы, и французы будутъ съ нами.

Умы были возбуждены не только среди помѣщиковъ, но и среди другихъсословій. Евреи, видя сколько зарабатывалъ Шафнагель на политикѣ, такъ какъ любопытные евреи уже обо всемъ провѣдали, начали также политиканствовать, разсказывать мужикамъ о томъ, что дѣлается во Франціи, какъ тамъ выгнали короля и теперь тамъ свобода, о Лафайеттѣ, что это народный атаманъ, о національной гвардіи, что это реестровые козаки; и мужики мечтали о возвращеніи козачества, гетманщины, объ атаманѣ и о козацкихъ полкахъ, даже о Запорожьѣ и гайдамачинѣ.

Варнскіе львы выступили изъ нашихъ мѣстъ и вмѣсто нихъ пришелъ 3-й корпусъ, но уже безъ генерала Рота. Гусары 3-й дивизіи снова заняли Бердичевъ, Сквиру, Любаръ и Новую Трою. Среди гусаровъ снова появились поляки: Титъ Пословскій, Константинъ Залѣсскій и многіе другіе, которые всѣ готовы были оставить полки ради отечества.

Столько было возбужденныхъ элементовъ, а не было отступниковъ. О Тадеушѣ Валевскомъ и Викентіѣ Тышкевичѣ не было ни слуху, ни духу, даже тампліерскія представленія прекратились.

При такихъ обстоятельствахъ подоспѣло время новыхъ дворянскихъ выборовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ: въ волынской въ іюлѣ, въ подольской въ августѣ, а въ кіевской въ сентябрѣ, но теперь выборы были отложены на мѣсяцъ по случаю пріѣзда Государя. Мы ѣхали на эти выборы толпами въ увѣренности, что тамъ застанемъ уже и начальниковъ и всю организацію тампліеровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ,

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.

Предлагаемый очеркъ жизни Ильи Ѳедоровича Тимковскаго, игравшаго нѣкогда очень значительную роль въ харьковскомъ учебномъ округѣ, составленъ по неизвѣстнымъ читающей публикѣ его подлиннымъ бумагамъ, которыя до сего времени сохраняются въ трехъ большихъ сундукахъ, въ с. Турановкѣ, глуховскаго уѣзда [1]), и которыя со времени смерти И. Ѳ. Тимковскаго до сей поры, повидимому, никѣмъ не были тронуты, несмотря на то, что, какъ мы видѣли изъ переписки сына Ильи Ѳедоровича Василія Ильича Тимковскаго съ Михаиломъ Александровичемъ Максимовичемъ, оба они въ теченіе своей жизни были заняты мыслью о томъ, что надо бы было написать біографіи, какъ Ильи Ѳедоровича, такъ и его братьевъ, которые обоимъ имъ приходилось родными дядями: В. И. Тимковскому—по отцу, а М. А. Максимовичу—по матери, урожденной Тимковской [2]). Съ этою цѣлью они сообщали другъ другу разныя свѣдѣнія о своихъ общихъ родственникахъ и дѣлились ихъ автографами, повидимому, не подозрѣвая того, что въ упо-

[1]) Приносимъ нашу искреннюю признательность внучкѣ И. Ѳ. Тимковскаго, теперешней владѣтельницѣ Турановки, О. А. Постельниковой за предоставленіе намъ возможности воспользоваться этими бумагами.

[2]) Такъ напримѣръ, въ письмѣ отъ 11 февраля 1872 г. М. А. Максимовичъ, говоря о необходимости собирать матеріалы для біографій Тимковскихъ, писалъ: „Все это въ свое время будетъ обнародовано, если Богъ пошлетъ вѣку михайлогорскому любителю родной старины. Отцевская, Максимовичевская, уже

мянутыхъ сундукахъ въ Турановкѣ сохраняются цѣлыя сотни писемъ тѣхъ, автографы которыхъ они, какъ рѣдкость, передавали другъ другу, и есть не мало другихъ матеріаловъ для біографій, которыми они интересовались [1]).

Мы не имѣли достаточно времени, чтобъ написать обстоятельную біографію И. Ѳ. Тимковскаго; но, просмотрѣвши его бумаги, нашли нѣкоторыя изъ нихъ настолько интересными, что желали познакомить съ содержаніемъ ихъ и читателей, ради чего главнымъ образомъ и написанъ настоящій очеркъ. Будемъ надѣяться, что въ виду этого читатели не посѣтуютъ на насъ за нѣкоторыя отступленія, которыя мы позволили себѣ въ своей статьѣ для того, чтобъ сдѣлать извѣстными матеріалы, имѣющіе значеніе не только для жизнеописанія И. Ѳ. Тимковскаго, но и для исторіи университета и другихъ учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа.

Фамилія Тимковскихъ ведетъ свое начало отъ козака бубновской сотни *Тимка́* (Тимоѳея) Антоновича, вышедшаго изъ заднѣпровской Украины послѣ прутскаго мира. Его сынъ Василій, прозванный по имени отца *Тимченкомъ*, переселился изъ Бубнова въ Переяславъ и, служа тамъ козакомъ терехтемировской сотни, участвовалъ во всѣхъ походахъ турецкой войны, веденной Минихомъ, а послѣ того постригся въ монахи Кіево-Печерской лавры, подъ именемъ Виталія или Вассіана. Сынъ его, Назаръ Васильевичъ *Тимковскій*, служилъ сотеннымъ писаремъ терехтемировской сотни, а затѣмъ, оставивши войсковую службу, принялъ отъ епископа Никодима посвященіе въ па-

---

обнародована, еще въ сороковыхъ годахъ, въ моей „Бубновской сотнѣ"; материнская, Тимковщина, лежитъ на душѣ,—и грустно мнѣ было бы не выдать ее въ свѣтъ".

[1]) Чтобъ былъ понятенъ этотъ фактъ, надо упомянуть, что послѣ смерти И. Ѳ. Тимковскаго М. А. Максимовичъ уже не бывалъ больше въ Турановкѣ, а В. Н. Тимковскій проживая постоянно въ Петербургѣ, пріѣзжалъ въ Турановку только на короткое время, между тѣмъ какъ разборка всѣхъ бумагъ И. Ѳ., оставшихся въ огромномъ количествѣ и безпорядочно смѣшанныхъ съ хозяйственными счетами и разнаго рода бумажнымъ хламомъ, требовала значительнаго времени.

стоятели Покровской церкви въ с. Войтовцахъ, подъ Переяславомъ.

Назаръ Васильевичъ имѣлъ сыновей Өедора и Ивана. Изъ нихъ старшій, Өедоръ Назарьевичъ (отецъ Ильи Өедоровича), служилъ полковымъ канцеляристомъ въ переяславскомъ полку, потомъ сотеннымъ асауломъ переяславской сотни, затѣмъ переяславскимъ почтмейстеромъ и наконецъ — засѣдателемъ золотоношскаго уѣзднаго суда. Женившись на дочери войсковаго товарища Аннѣ Савишнѣ Терлецкой, онъ на ея деньги пріобрѣлъ хуторъ на рѣчкѣ Згари, верстахъ въ десяти отъ Золотоноши. Этотъ хуторъ (родина Михаила Александровича Максимовича) съ той поры сталъ называться *Тимковщиною*, а въ семьѣ Тимковскихъ его называли, по имени рѣчки, *Згарью*. Поселившись въ этомъ хуторѣ, Өедоръ Назарьевичъ завѣдывалъ дѣлами графа А. А. Безбородка, имѣвшаго имѣніе въ с. Буромкѣ, золотоношскаго уѣзда, и по его дѣламъ бывалъ въ Петербургѣ. Умеръ 29 августа 1790 года.

Другой сынъ Назара Васильевича, Иванъ, служилъ сначала въ полковой канцеляріи въ Переяславѣ, а потомъ въ малороссійской коллегіи въ Глуховѣ; по смерти же Өедора Назарьевича, онъ оставилъ службу и переселился въ хуторъ Тимковскихъ, чтобъ помочь оставшейся съ многочисленнымъ семействомъ вдовѣ въ управленіи хозяйствомъ и въ воспитаніи дѣтей. Всѣ они потомъ считали себя много обязанными Ивану Назарьевичу, а М. А. Максимовичъ въ своей автобіографіи [1]) называетъ его „мужемъ святой жизни". Когда самый младшій изъ сыновей Өедора Назарьевича былъ уже помѣщенъ въ московскій университетъ, а всѣ дочери были выданы замужъ, тогда Иванъ Назарьевичъ простился съ Тимковщиною и поселился въ качествѣ послушника въ Печерской лаврѣ, откуда перешелъ въ Мошногорскій монастырь, гдѣ умеръ въ 1823 г.

У Өедора Назарьевича было пять сыновей: Илья, Иванъ, Василій, Романъ и Егоръ и три дочери: Татьяна, Марія и

[1]) Біографическій словарь профессоровъ московскаго университета, томъ II, стр. 1—22

Гликерія, бывшія въ замужествѣ: первая—за Ив. И. Прохоровичемъ, вторая—за Сав. Ѳ. Самусемъ и третья—за Ал. Ив. Максимовичемъ. Эта послѣдняя была матерью Михаила Александровича Максимовича.

Всѣ названные сыновья Ѳедора Назарьевича были люди талантливые, и всѣ воспитывались сначала въ кіевской академіи, потомъ—въ московскомъ университетѣ.

Изъ нихъ Иванъ Ѳедоровичъ, окончивъ университетъ съ тремя медалями, служилъ въ канцеляріи графа Воронцова, а потомъ—въ коммиссіи сочиненія законовъ; умеръ молодымъ, на 30-мъ году жизни, оставивъ свое имя въ литературѣ на нѣсколькихъ переводахъ съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ; между прочимъ ему принадлежатъ переводы: „Полнаго собранія сочиненій Геснера“ (Москва 1803 г.) и романа Лафонтена „Природа и любовь“ (первое изданіе М. 1799 г.).

Василій Ѳедоровичъ, котораго съ дѣтства родные предназначили къ поступленію въ монашество, но который, получивъ воспитаніе, воспротивился этому, службу свою началъ довольно поздно—на 30-мъ году, въ канцеляріи государственнаго совѣта, гдѣ онъ состоялъ при предсѣдателѣ департамента государственной экономіи Н. С. Мордвиновѣ (въ домѣ котораго и жилъ); потомъ онъ состоялъ при государственномъ секретарѣ А. С. Шишковѣ и сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ въ Россіи и заграницею (причемъ на него, между прочимъ, было возлагаемо сочиненіе манифестовъ въ эпоху войны съ Наполеономъ). Затѣмъ онъ послѣдовательно занималъ должности: правителя канцеляріи при полномочномъ намѣстникѣ бессарабской области,—начальника обоихъ отдѣленій азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателя оренбургской пограничной коммиссіи. Послѣ того, по просьбѣ главнокомандующаго въ Грузіи Ермолова, онъ былъ командированъ къ нему по особымъ порученіямъ, затѣмъ былъ назначенъ на должность бессарабскаго губернатора, которую занималъ не долго; умеръ 40 лѣтъ отъ роду.

Въ книжномъ мірѣ ему принадлежитъ нѣсколько стихотвореній, написанныхъ имъ въ бытность студентомъ кіевской

академіи и напечатанныхъ въ книгѣ: „Радостныя чувствованія музъ“ (Кіевъ, 1796 г., 4⁰), которою академія привѣтствовала новаго митрополита Іероѳея. Кромѣ того, были изданы два его студенческихъ перевода книгъ: „Путешествіе Морица по Англіи“ (Москва, 1804 г.) и „Жизнь графа Миниха“ Галема (М. 1806 г.). Другимъ литературнымъ трудамъ Василія Ѳедоровича не суждено было быть изданными: „*Исторія Бессарабіи*“, написанная имъ въ 1816 г., погибла въ рукописи во время петербургскаго наводненія; по словамъ Мих. Ал. Максимовича, онъ видѣлъ у Василія Ѳед. другое замѣчательное сочиненіе—„*Князь Курбскій*“, въ переписанномъ на бѣло экземплярѣ, но съ многочисленными поправками карандашемъ, свидѣтельствовавшими, что авторъ не былъ вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ; какая судьба постигла это сочиненіе — неизвѣстно. Наконецъ, онъ велъ путевыя записки во время своихъ путешествій и писалъ записки о Кавказѣ. Сожалѣя, что все это осталось безъ вѣсти, если не пропало, М. А. Максимовичъ прибавляетъ: „сила пера его не рѣдко уравнивалась съ силою его увлекательнаго изустнаго слова, въ которомъ я не зналъ ему равнаго“. Кажется, это былъ самый талантливый изъ сыновей Ѳедора Назарьевича.

Романъ Ѳедоровичъ былъ профессоромъ московскаго университета. Его жизнь и ученые труды описаны И. М. Снегиревымъ въ біографіи его, помѣщенной въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета“ [1]).

Егоръ Ѳедоровичъ извѣстенъ, какъ авторъ изданнаго въ 1824 г., въ трехъ томахъ, сочиненія: „Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ“ (напечатано было по Высочайшему повелѣнію иждивеніемъ казны, Спб. 1824 г. 8⁰). Теперь это сочиненіе устарѣло, но въ свое время оно представляло самое обстоятельное собраніе свѣдѣній о Китаѣ, и было переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Служилъ Егоръ Ѳедоровичъ по министерству иностранныхъ дѣлъ въ разныхъ должностяхъ, и умеръ въ должности непремѣннаго члена совѣта этого министерства.

¹) Томъ II, стр. 486—498.

Старшій сынъ Ѳедора Назарьевича, Илья Ѳедоровичъ, родился 15 іюля 1772 или 1773 года, въ г. Переяславѣ[1]), гдѣ въ то время отецъ его находился на службѣ и откуда въ 1777 г. онъ переселился въ золотоношскій уѣздъ. Ученье свое Илья Ѳедоровичъ, такъ же какъ и всѣ братья и сестры его, началъ въ золотоношскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ въ то время у монахини Варсонофіи было нѣчто въ родѣ маленькаго пансіона. Послѣ того, какъ эту Варсонофію, съ ея помощницею монахинею Ипполитою, смѣнили для Ильи Ѳ. нѣсколько другихъ наставниковъ, онъ былъ отданъ въ переяславскую семинарію, а затѣмъ—въ кіевскую академію, въ которой учился пять лѣтъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Москвитянинѣ“ подъ заглавіемъ: „Мое опредѣленіе въ службу“[2]), Тимковскій говоритъ, что считаетъ себя много обязаннымъ преподавателямъ кіевской академіи.

Въ то время ежегодно одинъ или нѣсколько человѣкъ изъ окончившихъ курсъ академіи поступали въ московскій университетъ. Переписываясь оттуда съ своими товарищами, оставшимися въ Кіевѣ, уѣхавшіе присылали имъ вѣсти объ университетѣ, профессорахъ и разныхъ подробностяхъ университетской жизни. Эти извѣстія возбудили и въ Тимковскомъ желаніе, по окончаніи курса академіи, отправиться въ московскій университетъ.

Поступивъ въ этотъ университетъ въ началѣ сентября 1789 г., Тимковскій блестящимъ образомъ прошелъ университетскій курсъ, получивъ четыре медали: три серебряныхъ и одну золотую. Изъ нихъ двѣ серебряныхъ медали были даны ему въ 1790 и 1792 г. по философскому факультету, а третья серебряная и золотая медали были даны въ 1793 и 1795 г.

---

[1]) Въ статьѣ нашей: „Къ столѣтію новгородсѣверской гимназіи“, напечатанной, съ подписью *Сѣверянина*, въ сентябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1888 г., мы, еще не будучи въ то время знакомы съ бумагами Тимковскихъ, впали въ ошибку, назвавъ Илью Ѳедоровича уроженцемъ с. Турановки, глуховскаго уѣзда. Кстати, исправляемъ здѣсь эту ошибку, а о Турановкѣ еще будемъ говорить ниже

[2]) Москвитянинъ 1852 г. №№ 17—20, перепечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1874 г., № 6.

по юридическому факультету. Позже, когда Тимковскій представлялся основателю и первому куратору московскаго университета И. И. Шувалову, послѣдній, какъ разсказываетъ Тимковскій въ своихъ воспоминаніяхъ, такимъ образомъ подшутилъ надъ нимъ по поводу этихъ четырехъ медалей: когда Тимковскій назвалъ себя, Шуваловъ сказалъ ему: „Я васъ знаю, вы обидѣли мой университетъ". Тимковскій смутился и не зналъ, что сказать, а Шуваловъ, улыбаясь, продолжалъ: „Вы забрали у меня столько медалей".

Будучи студентомъ университета, Тимковскій сталъ печатать свои первые литературные опыты, помѣщая въ журналахъ того времени стихотворенія и разныя журнальныя статьи. Изъ нихъ напечатанное въ 1-мъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" за 1797 г. стихотвореніе, написанное на новый годъ, обратило на себя вниманіе новаго куратора университета кн. Ѳ. Н. Голицына и послужило поводомъ къ сближенію Тимковскаго съ Голицынымъ.

По окончаніи Тимковскимъ въ 1797 г. университетскаго курса, назначенный, кажется, въ томъ же году генералъ-прокуроромъ кн. А. Б. Куракинъ отнесся въ московскій университетъ, прося доставить ему въ канцелярію двухъ окончившихъ курсъ, свѣдущихъ въ правовѣдѣніи. Конференція университета избрала Тимковского и одного товарища его, вслѣдствіе чего они и должны были отправиться въ Петербургъ.

Какъ видно изъ сохранившихся между бумагами Тимковскаго писемъ, кураторъ университета кн. Ѳ. Н. Голицынъ и директоръ университета И. П. Тургеневъ напутствовали этихъ двухъ студентовъ своими добрыми пожеланіями. Голицынъ писалъ Тимковскому: „Вы оба уже имѣете достаточныя начала полезныхъ знаній; не преставайте оныя приводить часъ отъ часу въ совершенство и тѣмъ содѣлаете честь и славу тому мѣсту, гдѣ вы воспитались, а себѣ драгоцѣнное наименованіе достойныхъ людей". Тургеневъ въ своемъ письмѣ говорилъ: „Радуюсь, видя, что вамъ не худо въ Петербургѣ; сердечно желаю, чтобъ и впредь ваше тамъ пребываніе служило вамъ способомъ къ постепенному достиженію всего того, что честный и

умный человѣкъ желать себѣ можетъ; имѣя нѣкоторые опыты въ жизни, еще совѣтую вамъ, яко любящій васъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ не терять терпѣнія, благодушествовать и твердо идти къ предположенной цѣли". Кромѣ добрыхъ пожеланій и рекомендательныхъ писемъ, Голицынъ снабдилъ Тимковскаго и своимъ экипажемъ, для путешествія отъ Москвы до Петербурга.

По прибытии въ Петербургъ, Тимковскій былъ опредѣленъ въ сенатскій юнкерскій институтъ для преподаванія россійскаго правовѣдѣнія. Здѣсь, преподавая правовѣдѣніе, Тимковскій сталъ обрабатывать свой трудъ, который задумалъ, еще будучи студентомъ университета, — „Систематическое расположеніе законовъ россійскихъ". За это сочиненіе, которое, будучи написано задолго до изданія Свода законовъ, было первымъ опытомъ систематизаціи русскихъ законовъ, Тимковскій въ августѣ 1802 г. удостоился получить Высочайшее благоволеніе и брилліантовый перстень, а самое сочиненіе было передано въ коммиссію сочиненія законовъ, предсѣдатель которой графъ П. В. Завадовскій (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) тогда же предложилъ Тимковскому перейти на службу въ эту коммиссію, отъ чего Тимковскій отказался. Изъ нѣкоторыхъ писемъ видно, что въ то же время Тимковскій сотрудничалъ въ издавшемся съ 1799 г. Голубковымъ журналѣ „Новости", но какія именно статьи были помѣщены въ немъ Тимковскимъ—намъ не извѣстно.

Когда въ томъ же 1802 г. были учреждены министерства, сдѣлавшійся министромъ юстиціи Г. Р. Державинъ, съ которымъ Тимковскій познакомился у И. И. Шувалова, предложилъ Тимковскому должность юрисконсульта въ департаментѣ министерства юстиціи. Здѣсь Тимковскій занимался недолго, всего четыре мѣсяца, составивъ, между прочимъ, по порученію Державина, проектъ третейскаго совѣстнаго суда.

Вслѣдъ затѣмъ Тимковскій почти одновременно получилъ два предложенія. 28 января 1803 г. синдикъ дерптскаго университета баронъ Унгернъ-Штернбергъ писалъ Тимковскому: „За полгода предъ симъ кураторы дерптскаго университета вознамѣрились, вслѣдствіе особеннаго вамъ одобренія со стороны

сенатора Нелединскаго-Мелецкаго и директора московскаго университета И. П. Тургенева, предложить вамъ мѣсто ординарнаго профессора россійскихъ правъ при здѣшнемъ университетѣ, почему и относились къ г. Аленину съ просьбой объявить вамъ такое предложеніе; но въ отвѣтъ получили, что онъ, г. Аленинъ, не можетъ удовлетворить просьбы кураторовъ, потому что трудно найдти достойнаго вамъ преемника въ вашемъ училищѣ". Далѣе, указавъ на то, что по новому уставу дерптскаго университета, утвержденному 12 декабря прошлаго 1802 г., право выбора профессоровъ для сего университета, бывшее доселѣ во власти кураторовъ, предоставлено совѣту университета, Унгернъ-Штернбергъ продолжалъ, что образованный по этому уставу совѣтъ университета, озабочиваясь замѣщеніемъ каѳедры россійскихъ правъ, на основаніи отзывовъ Тургенева, Нелединскаго-Мелецкаго и Аленина, остановилъ свой выборъ также на Тимковскомъ, почему и поручилъ ему, синдику, войти въ личныя сношенія съ Тимковскимъ съ предложеніемъ занять мѣсто ординарнаго профессора въ дерптскомъ университетѣ.

Еще раньше, чѣмъ Тимковскимъ было получено это письмо, имѣвшій получить назначеніе на должность попечителя харьковскаго учебнаго округа членъ главнаго правленія училищъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій предложилъ Тимковскому сдѣлаться профессоромъ харьковскаго университета, объ учрежденіи котораго состоялось повелѣніе и который еще предстояло устроить и открыть.

Желая служить ближе къ родинѣ, Тимковскій принялъ предложеніе Потоцкаго.

Учрежденіе харьковскаго университета совпало по времени съ учрежденіемъ министерствъ, раздѣленіемъ имперіи на учебные округа и преобразованіемъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Общій планъ устройства учебной части въ имперіи, выработанный коммиссіею училищъ, былъ утвержденъ 24 января 1803 г. подъ названіемъ „Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія" [1]). Въ правилахъ этихъ всѣ учебныя заведенія

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ I, царствованіе Александра I, № 6.

были раздѣлены на четыре разряда: училища приходскія, уѣздныя, губернскія или гимназіи и университеты; главное управленіе учебною частью было ввѣрено министру народнаго просвѣщенія и коммиссіи училищъ, получившей, со времени утвержденія предварительныхъ правилъ, оффиціальное названіе „главнаго училищъ правленія“.

Мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, какъ видно изъ документовъ, копіи которыхъ сохранились между бумагами Тимковскаго, возникла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 15 августа 1801 г. послѣдовалъ на имя слободско-украинскаго гражданскаго губернатора Зильбергарниша Высочайшій рескриптъ, въ которомъ было указано, что для доставленія дворянству новыхъ и удобнѣйшихъ способовъ къ воспитанію дѣтей и приготовленію ихъ на службу и въ виду недостаточнаго числа кадетскихъ корпусовъ, могущихъ принимать ограниченное количество воспитанниковъ, несоразмѣрное ни числу желающихъ, ни пространству имперіи, признано нужнымъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и между прочимъ въ слободско-украинской губерніи, въ городѣ Харьковѣ, учредить дворянское военное училище. Объ этомъ было поручено губернатору объявить дворянству губерніи, чрезъ предводителей, „яко о дѣлѣ столь существенно къ нему принадлежащемъ и съ истинными пользами его столь близко сопряженномъ“. Далѣе въ этомъ рескриптѣ было изложено: „И какъ съ вѣроятностью предполагать можно, что, движимо любовью къ отечеству и зная всю важность лучшаго воспитанія, пожелаетъ оно (т. е. дворянство) раздѣлить со мною честь сего заведенія и пособіями своими принять участіе въ его устроеніи, я поручаю вамъ удостовѣрить его, что подвигъ такой принятъ будетъ мною со всѣмъ уваженіемъ руководствующаго къ нему начала и ознаменуетъ болѣе, нежели всѣ другія доказательства, колико россійское дворянство всегда готово единодушно дѣйствовать на пользу общую. Но при семъ не упустите изъ виду самое существенное правило, чтобъ добрая воля и свободное движеніе чести были единымъ побужденіемъ сего дѣйствія“.

По выслушаніи этого рескрипта, предводители и депутаты дворянства слободско-украинской губерніи 11 ноября 1801 г. положили внесть на учрежденіе въ Харьковѣ дворянскаго кадетскаго корпуса сумму въ сто тысячъ рублей.

Послѣ того, 8 сентября 1802 г. было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, и того же числа послѣдовалъ указъ объ обязанностяхъ коммиссіи училищъ, причемъ одною изъ главныхъ задачъ ея поставлено учрежденіе университетовъ [1]). Еще при Екатеринѣ II, въ указѣ ея отъ 29 января 1786 г., наиболѣе удобными пунктами для учрежденія университетовъ были признаны три города: Псковъ, Черниговъ и Пенза [2]). Теперь, когда вопросъ объ учрежденіи университетовъ снова сталъ на очередь, надлежало обсудить, дѣйствительно ли названные пункты представляются наиболѣе удобными, причемъ естественно могла возникнуть мысль, что городу Харькову, вмѣсто кадетскаго корпуса, на учрежденіе котораго дворянство рѣшилось пожертвовать сто тысячъ рублей, гораздо лучше было бы имѣть университетъ, на который можно бы было пожертвовать больше, чѣмъ на кадетскій корпусъ. Мысль эту сталъ дѣятельно пропагандировать между харьковскими дворянами ихъ депутатъ Василій Назарьевичъ Каразинъ, который со дня учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, т. е. съ 8 сентября 1802 г. занялъ должность правителя дѣлъ вышеупомянутой коммиссіи училищъ, переименованной потомъ въ „главное училищъ правленіе", и который за нѣкоторое время передъ тѣмъ, въ качествѣ депутата отъ дворянъ, доставилъ въ Харьковъ Высочайше пожалованную слободско-украинскому дворянству подтвердительную грамоту о его правахъ и привилегіяхъ. Результатомъ увѣщаній Каразина было то, что, собравшись для изъявленія, по поводу пожалованія означенной грамоты вѣрноподданическихъ чувствъ и молебствія о здравіи Государя, слободско-украинское дворянство 1 сентября 1802 г. рѣшило: внести съ дворянскихъ

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ I стр. 4—5.

[2]) Полное собраніе законовъ, томъ XXII, № 16315.

имѣній губерніи, въ теченіи шести лѣтъ, на учрежденіе въ Харьковѣ университета (въ которомъ по проекту, составленнному Каразинымъ, предполагался и военный факультетъ) 400,000 р., включая въ эту сумму и тѣ 100,000 рублей, которые раньше дворянство выразило готовность пожертвовать на учрежденіе военнаго училища, причемъ въ опредѣленіи дворянскаго собранія по этому предмету было добавлено: „какъ всѣ причины заставляютъ не отлагать начало сего заведенія, а между тѣмъ не можетъ оно вскорѣ имѣть необходимыхъ для своего помѣщенія зданій, то не благоволитъ ли Государь Императоръ позволить занять онымъ недостроенный домъ въ Харьковѣ, назначенный для присутственныхъ мѣстъ“.

Вслѣдъ за дворянствомъ, и харьковское купечество опредѣлило вносить въ пользу университета, въ продолженіе 10-ти лѣтъ, сумму, равную подати, платимой имъ съ капиталовъ, и кромѣ того половину откупной винной суммы, которая слѣдовала въ пользу города по указу 3 мая 1783 г. Въ общей сложности сумма, пожертвованная купечествомъ, должна была составить 100 тысячъ рублей съ лишнимъ.

Означенныя пожертвованія дворянства и купечества были приняты, и въ утвержденныхъ 24 января 1803 г. „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія“ (статья 14) было сказано, что въ Харьковѣ учреждается университетъ—„во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи“. Такимъ образомъ, благодаря изложеннымъ обстоятельствамъ, городъ Харьковъ долженъ былъ получить университетъ гораздо раньше Петербурга, Казани и Кіева.

Того же 24 января 1803 г. имперія была раздѣлена на учебные округа, причемъ въ составъ харьковскаго округа вошли губерніи слободско-украинская (нынѣ харьковская), воронежская, курская, орловская, черниговская, полтавская, николаевская (нынѣ херсонская), екатеринославская, таврическая и земли донскихъ и черноморскихъ козаковъ.

Изъ изложеннаго видно, что въ занимавшемъ тогда огромное пространство харьковскомъ учебномъ округѣ предстояло

одновременно устраивать высшее учебное заведеніе—университетъ и преобразовывать, или устраивать по новому уставу, среднія и низшія учебныя заведенія.

Ранѣе того, образованныя по уставу Императрицы Екатерины II отъ 5 августа 1786 г.[1]) такъ называемыя главныя народныя училища (четырехклассныя, съ 5-ти лѣтнимъ курсомъ) существовали не во всѣхъ губернскихъ городахъ: на весь харьковскій учебный округъ ихъ было девять, въ томъ числѣ восемь въ губернскихъ городахъ и одно въ уѣздномъ городѣ—Новгородсѣверскѣ; въ губерніяхъ николаевской и таврической и въ землѣ черноморскихъ козаковъ названныхъ училищъ не было. Малыя народныя училища (съ двухлѣтнимъ курсомъ) существовали далеко не во всѣхъ уѣздныхъ городахъ: въ слободско-украинской губерніи ихъ было пять (въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ и Валкахъ), въ черниговской — четыре (въ Нѣжинѣ. Глуховѣ, Стародубѣ и Погарѣ), въ полтавской—только два училища (въ Прилукахъ и Ромнахъ), въ таврической—одно училище (въ Акмечети); въ губерніяхъ же николаевской и екатеринославской, въ землѣ донскихъ козаковъ и въ землѣ черноморскихъ козаковъ означенныхъ училищъ вовсе не было.

Между тѣмъ утвержденыя 24 января 1803 г. вышеупомянутыя предварительныя правила народнаго просвѣщенія требовали, чтобъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ было по крайней мѣрѣ одно уѣздное училище и чтобъ въ каждомъ губернскомъ городѣ, кромѣ уѣзднаго училища, была гимназія. По университетскому уставу, утвержденнному 5 ноября 1804 г., учрежденіе гимназій и уѣздныхъ училищъ должно было составлять одну изъ задачъ университета. Именно, въ 160 статьѣ этого устава говорилось: „университетъ, имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ, прилагаетъ особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями“. Но такъ какъ университетъ

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ XXII, № 16421.

въ Харьковѣ еще не существовалъ, то заботы объ устройствѣ гимназій и уѣздныхъ училищъ совпадали съ заботами объ устройствѣ самого университета.

Чтобъ устроить ихъ какъ слѣдуетъ, прежде всего нужно было привесть въ извѣстность, какой матеріалъ представляютъ существующія учебныя заведенія, т. е. главныя и малыя народныя училища, и что они могутъ дать, какъ относительно помѣщеній и учебныхъ пособій, такъ и относительно состава учителей и учениковъ, для вновь образуемыхъ гимназій и уѣздныхъ училищъ.

Въ виду этого, упомянутый выше графъ С. О. Потоцкій въ представленіи своемъ отъ 31 декабря 1802 г. министерству народнаго просвѣщенія (графу П. В. Завадовскому) писалъ слѣдующее: „Желая, въ сходство съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія, образовать училища въ округѣ, ввѣренномъ попеченію моему, привесть ихъ въ лучшее состояніе и дѣйствіе и дать имъ возможную степень благоустройства, не инако могу я приступить къ сему, чтобъ собрать по частямъ и мнѣ доставить вѣрныя, подробныя удовлетворительнѣйшія свѣдѣнія и замѣчанія, не только о зданіяхъ и суммахъ, объ учащихъ и учащихся, но о самомъ состояніи учителей и ихъ качествахъ, о образѣ ученія и успѣхахъ или недостаткахъ, какіе исправить или дополнить надобнымъ окажется, по части учебной и экономической. Равномѣрно нужнымъ и полезнымъ почитаю я, чтобы въ Харьковѣ при заведеніи и устроеніи университета былъ такой человѣкъ, который бы, принадлежа уже къ нему въ качествѣ профессора, имѣлъ надлежащее участіе и наблюденіе въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, обще съ особами, какихъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ дворянская дума [1]), увѣдомлялъ бы меня обо всемъ, что потребно будетъ, и соотвѣтствовалъ видамъ главнаго училищъ правленія и моимъ предписаніямъ, — каковое препорученіе исполнить можетъ упомянутый же чиновникъ, избирая время на свои отлучки изъ Харькова для обозрѣнія училищъ округа. Сея довѣренности въ обоихъ

---

[1]) „Дворянскою думою“ Потоцкій называлъ собраніе дворянъ.

случаяхъ нахожу я достойнымъ Тимковскаго, коего знанія, способности и благонадежность мнѣ извѣстны и который въ харьковскомъ университетѣ, по открытіи юридико-политическаго отдѣленія, можетъ занять классъ, яко профессоръ правъ, а до того времени, по исправленіи вышеуказанныхъ порученій, согласенъ давать лекціи въ отдѣленіи общихъ наукъ".

Къ изложеннымъ въ этомъ представленіи соображеніямъ, по которымъ Потоцкому нуженъ былъ такой человѣкъ, о какомъ онъ писалъ, можно бы было прибавить еще одинъ мотивъ, о которомъ Потоцкій умалчиваетъ, но который могъ быть для него самымъ главнымъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на важныя работы, предстоявшія въ харьковскомъ учебномъ округѣ по устроенію университета и среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, самъ Потоцкій не думалъ скоро быть въ Харьковѣ, а собирался отправиться на продолжительное время въ западную Европу, гдѣ не задолго передъ тѣмъ въ Вѣнѣ умеръ его отецъ.

Главное правленіе училищъ, на заключеніе котораго было передано упомянутое представленіе Потоцкаго вмѣстѣ съ обсужденіемъ вопроса о томъ, не нужно ли и къ другимъ учебнымъ округамъ примѣнить мѣру, о которой представлялъ Потоцкій (относительно обозрѣнія училищъ),—въ журналѣ своемъ отъ 7 февраля 1803 г. высказалось, что оно „мысль попечителя харьковскаго университета объ отправленіи визитатора совершенно одобряетъ, признавая мѣру сію самою необходимою для полученія мѣстныхъ познаній объ училищахъ округа и соображенія нравственнаго и физическаго состоянія и нуждъ каждаго края съ средствами, какія впослѣдствіи возможны будутъ, и съ тѣми, къ которымъ въ самомъ началѣ приступить должно; таковое мѣстное личное изслѣдованіе невозможно замѣнить требованіемъ письменныхъ свѣдѣній и вообще никакими другими средствами, въ разсужденіи особливо новости нынѣшняго устройства училищной части въ имперіи". Точно также главное правленіе училищъ одобрило и сдѣланный Потоцкимъ выборъ Тимковскаго для исполненія всѣхъ упомянутыхъ обязанностей.

Такимъ образомъ должность визитатора учебныхъ заведеній, которую Потоцкій проектировалъ собственно для харьков-

скаго учебнаго округа, была признана полезною и для другихъ учебныхъ округовъ.

Согласно съ заключеніемъ главнаго правленія училищъ, состоялось назначеніе Тимковскаго; а пока разрѣшался вопросъ объ этомъ назначеніи и пока Тимковскій могъ выѣхать изъ Петербурга, Потоцкій, желая воспользоваться поѣздкой отправлявшагося въ Харьковъ Каразина, въ представленіи своемъ министру народнаго просвѣщенія отъ 6 февраля 1803 г. писалъ: „На основаніи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, попечители университетовъ и ихъ округовъ начали заниматься каждый по своей части, такъ что не предвидится, чтобы, въ продолженіи нѣкотораго времени могли въ дѣлахъ главнаго училищъ правленія произойдти чувствительная остановка или затрудненія за отлучкою правителя дѣлъ коллежскаго совѣтника Каразина; пользуясь сею удобностью, полагаю я, что по случаю отправленія его въ Харьковъ полезно будетъ возложить на него первоначальныя распоряженія относительно учреждаемаго тамъ университета. Бывши помѣщикомъ оной губерніи, онъ вѣроятно много споспѣшествовать можетъ Тимковскому, о которомъ я доносилъ особо. Имѣю честь представить сіе вашему сіятельству на разрѣшеніе".

По разрѣшеніи этого представленія въ утвердительномъ смыслѣ, Потоцкій писалъ Каразину: „по случаю отправленія вашего въ Харьковъ, прошу покорно васъ принять съ своей стороны, на время, которое вы тамъ пробудете, возможныя и дѣятельныя мѣры къ первоначальному устроенію университета, совокупно съ профессоромъ Тимковскимъ, котораго я для того особенно туда отправляю. Зная усердіе ваше къ сему новому заведенію, я добрыхъ успѣховъ ожидаю отъ таковаго вамъ препорученія, и чтобы они болѣе дѣйствія имѣть могли, для сего, ежели встрѣтятся какіе либо случаи, требующіе особеннаго начальственнаго разрѣшенія и положенія, прошу относиться ко мнѣ, или, за отлучкою моею, къ его пр—ву Николаю Николаевичу Новосильцеву [1]).

[1]) Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа и президентъ академіи

О состоявшемся назначеніи Тимковскаго Потоцкій извѣщалъ его письмомъ отъ 4 апрѣля 1803 г.: „Вслѣдствіе представленія моего, главное училищъ правленіе съ одобреніемъ приняло согласіе ваше быть профессоромъ учреждаемаго въ Харьковѣ университета, и на докладъ о семъ Государю Императору отъ министра народнаго просвѣщенія воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. А какъ минувшаго марта 17 дня конфирмованъ Его Императорскимъ Величествомъ штатъ университетовъ, то и состоите вы уже съ того числа службою по харьковскому университету, въ званіи публичнаго ординарнаго профессора. Теперь слѣдуетъ вамъ отправиться на мѣсто, и по открытіи въ университетѣ юридико-политическаго отдѣленія преподавать въ немъ гражданское и уголовное право, законы и форму судопроизводства россійскія, яко предметъ, вами избранный; а до того, въ остающееся отъ возлагаемыхъ на васъ особою инструкціею препорученій время, займитесь преподаваніемъ какъ всеобщей словесности на правилахъ эстетики, такъ и ученой исторіи въ отѣдленіи филологическихъ и словесныхъ наукъ“ [1]).

Затѣмъ, отъ того же 4 апрѣля 1803 г. за № 14, Потоцкій далъ Тимковскому инструкцію, которую считаемъ нужнымъ привесть всю цѣликомъ, такъ какъ въ печати объ ней были только отрывочныя свѣдѣнія [2]), въ полномъ же видѣ она нигдѣ не была напечатана, хотя по содержанію своему представляетъ значительный интересъ.

Инструкція визитатору харьковскаго округа профессору Тимковскому.

1. Возлагается на васъ обозрѣть харьковскій училищный округъ, собрать подробныя и удовлетворительныя объ немъ свѣдѣнія и замѣчанія, не производя однако по училищамъ ни-

---

наукъ, которому, на время отъѣзда Потоцкаго за границу, поручено было исправленіе должности попечителя харьковскаго учебнаго округа.

[1]) Это отдѣленіе должно было открыться въ харьковскомъ университетѣ раньше юридико-политическаго отдѣленія.

[2]) Въ статьѣ М. Сухомлинова: „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I“ (Изслѣдованія и статьи Сухомлинова, томъ I, стр. 131 и 132).

какихъ перемѣнъ либо перемѣщеній, безъ особеннаго предписанія отъ своего начальства.

2. Сверхъ того, имѣете вы обязанностію участвовать въ приготовительныхъ при заведеніи харьковскаго университета распорядкахъ, вмѣстѣ съ особами, которыхъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ тамошняя дворянская дума. Не для чего принимать вамъ на себя экономическія исполнительныя дѣйствія, съ вашимъ званіемъ не совмѣстимыя, но обратите пособія ваши къ выгодамъ учреждаемаго университета, и увѣдомляйте меня обо всѣхъ успѣхахъ по сему заведенію. Такимъ образомъ, имѣете вы расположить и производить вышеупомянутое обозрѣніе, по временамъ и по частямъ, и вслѣдствіе того доставлять ко мнѣ извѣстія, вами собираемыя.

3. Главнымъ для васъ дѣломъ будетъ освѣдомиться о подлинномъ состояніи губернскихъ и уѣздныхъ училищъ, и не только о зданіяхъ, суммахъ и прочемъ по части экономической, но о самомъ образѣ ученія, о качествахъ учителей, ихъ ревности, исправности въ своемъ званіи и о степени довѣренности къ нимъ отъ публики.

4. Притомъ замѣчать надлежитъ, какія поправки и дополненія сдѣлать окажется нужнымъ, полезнымъ и удобнымъ; какъ то, не лучше ли будетъ училища дворянскія и градскія сводить въ одно, по примѣру харьковскихъ.

5. Вникать съ точностію, въ какой мѣрѣ надзоръ за нравами и поведеніемъ юношества, изыскивать способъ къ соединенію воспитанія съ наставленіемъ, и приглашать частныхъ хорошихъ людей къ заведенію добрыхъ и не слишкомъ дорогихъ пансіоновъ, въ которыхъ бы съ выгодою присмотра сопряжено было повтореніе уроковъ, публичнымъ ученіемъ преподаваемыхъ.

6. Поелику осмотръ, вами учиненный, имѣетъ служить какъ бы начальною точкою, съ которой должно будетъ поступить къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ, на основаніи Высочайше изданныхъ въ 24 день января сего года предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, то при основательныхъ изслѣдованіяхъ о состояніи училищъ публичныхъ и частныхъ, во всемъ

округѣ, предлежитъ вамъ замѣчать повсюду, въ какой гдѣ степени образованіе жителей всякаго званія, отъ дворянства до крестьянъ. Хотя въ многихъ мѣстахъ оттѣнки не очень могутъ быть значущи, но они разительны будутъ въ наблюденіяхъ, простертыхъ по Дону, къ Кубани, на степи Ногайскія и Очаковскія, населенныя стеченіемъ людей всякихъ племенъ. Замѣчаніе же оныхъ разностей ради того необходимо, что отъ нихъ должна зависѣть разность мѣръ, какія принять, а особливо въ началѣ, главному училищъ правленію нужно будетъ.

7. Внимательно также разсматривать слѣдуетъ народныя въ разныхъ мѣстахъ упражненія и родъ промышленности, дабы къ усовершенствованію ихъ можно было наклонять и принаравливать самое ученье въ тамошнихъ школахъ.

8. Желательно, чтобъ въ губернскихъ и многолюднѣйшихъ уѣздныхъ городахъ обыватели согласились общественными суммами содѣйствовать къ распространенію мѣстнаго ученія, для пользы юношества своего, и чтобы таковыми же суммами положено было основаніе школамъ въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ оныхъ нѣтъ еще доселѣ.

9. Надобно взять на замѣчаніе приходскія школы, какія гдѣ существуютъ, и самые способы какъ скорѣе и удобнѣе можно бы завесть оныя въ селеніяхъ казенныхъ, или и во владѣльческихъ, по крайней мѣрѣ въ уѣздѣ по нѣскольку, которыя служили бы примѣромъ и поощреніемъ въ заведеніи другихъ.

10. Во всякомъ случаѣ не упустите соблюдать уваженіе къ духовному начальству, въ достовѣрность, колико главное училищъ правленіе имѣетъ въ виду распространеніе просвѣщенія подъ благотворнымъ осѣненіемъ вѣры и искреннѣйшей приверженности ко всѣмъ ея велѣніямъ.

11. Обязанностію вашею будетъ снабдить руководственными совѣтами не только тѣхъ семинаристовъ, кои вслѣдствіе Высочайшаго указа января 24 дня сего года [1]) поступятъ въ университетъ, для приготовленія ихъ въ учители, но и тѣхъ,

[1]) Чтобъ добыть для новаго университета, ко времени его открытія, потребное число студентовъ, рѣшено было пригласить къ поступленію въ университетъ

коихъ духовное начальство, предопредѣляя къ духовному званію, заблагоразсудитъ отпустить и отправить на время для дальнѣйшаго образованія въ университетъ.

12. Въ обширномъ краѣ, составляющемъ харьковскій округъ, безъ сомнѣнія есть люди разнаго званія, по чину, имуществу и свѣдѣніямъ своимъ отличные, къ коимъ относиться вамъ полезно будетъ; почему и имѣете вы не только съ признательностью принимать сообщаемое ими мнѣніе, но и убѣждать еще ихъ ко ввѣренію вамъ онаго и на самомъ письмѣ. Способъ сей, пріятный и лестный для каждаго благонамѣреннаго никогда и никому не будучи во вредъ, можетъ внушить любителямъ просвѣщенія желаніе содѣйствовать ревностными совѣтами и патріотическими видами ко благу общему, и доставитъ важныя мѣстныя подробности ко благоусмотрѣнію начальства.

13. Во время вашихъ объѣздовъ, объ оказаніи вамъ нужныхъ какъ путевыхъ, такъ и мѣстныхъ пособій, а особливо что будетъ касаться до приказовъ общественнаго призрѣнія, относитесь къ начальникамъ губерній.

14. А если что по должности будетъ требовать съ вашей стороны начальственнаго какого разрѣшенія, то во всѣхъ случаяхъ имѣете относиться ко мнѣ, или за отсутствіемъ моимъ къ его пр—ву Николаю Николаевичу Новосильцеву.

15. За всѣмъ симъ уповаю я, что въ возлагаемомъ на васъ дѣлѣ вы вѣрно и ревностно поступите, и не выходя изъ предѣловъ, сею инструкціею предписанныхъ, усердіемъ своимъ дополните то, что въ ней не упомянуто".

Въ частности, относительно устройства университета, о которомъ говоритъ 2-й пунктъ приведенной инструкціи, Потоцкій того же 4 апрѣля далъ Тимковскому особую дополнительную инструкцію слѣдующаго содержанія: „Высокоблагородный

оканчивающихъ курсъ наукъ семинаристовъ, вслѣдствіе чего и состоялось Высочайшее повелѣніе объ увольненіи изъ ближайшихъ къ Харькову семинарій сорока студентовъ, „которые бы имѣли склонность и природныя дарованія къ наукамъ и которые бы, по усовершенствованіи себя въ оныхъ, могли со временемъ занять и учительскія мѣста въ учрежденныхъ въ округѣ университета училищахъ".

и почтенный профессоръ Тимковскій! По силѣ данной вамъ отъ меня сего апрѣля 4-го дня инструкціи пункта 2-го, рекомендую вамъ: 1-е, поспѣшить отправленіемъ вашимъ отсюда въ Харьковъ, дабы предписанными вамъ приготовительными распорядками сколько можно болѣе приблизить время открытія университета.—2-е. По прибытіи въ Харьковъ, заняться вмѣстѣ съ особами, какихъ изберетъ отъ себя тамошняя дворянская дума, приготовленіемъ для университета дому, который отведенъ для него будетъ.—3-е. Постараться о приличномъ для университета назначеніи покоевъ въ ономъ домѣ, какъ то гдѣ быть заламъ для публичнаго собранія, для лекцій, библіотеки, кабинетовъ и прочаго.—4-е. Сдѣлать мелочныя починки и поправки въ домѣ, если то на первый случай потребнымъ окажется, также приготовить самонужнѣйшія мебели для классовъ, и нѣсколько шкафовъ самыхъ простыхъ, лишь бы только можно помѣстить въ нихъ на время библіотеку, на что ассигнуется особая сумма.—5-е. Высмотрѣть въ окрестности города мѣста пригодныя подъ новое строеніе университетскихъ зданій и ботаническій садъ, войдти въ предварительныя положенія о пріобрѣтеніи таковыхъ выбранныхъ мѣстъ, или по благоусмотрѣнію и покупку оныхъ учинить, хотя нѣкоторою частію, буде не встрѣтится какой помѣхи.—6-е. Наблюдать во всѣхъ издержкахъ суммъ, ассигнуемыхъ изъ казны, либо изъ составленнаго дворянствомъ и гражданами капитала, всевозможную бережливость и разсчетливость, а въ вещахъ и подѣлкахъ болѣе прочность и настоящую пользу.—7-е. Ни малѣйшихъ издержекъ, на кои сумма не ассигнована, ниже большихъ издержекъ вдругъ изъ суммъ, неопредѣленно ассигнованныхъ, не производить, не отнесясь напередъ въ сихъ случаяхъ ко мнѣ, а во время отлучки моей къ его пр—ву Н. Н. Новосильцову.—8-е. Смотрѣть, чтобы журналы, приходныя и расходныя книги и всякіе счеты были въ чистотѣ и порядкѣ и чтобы разныя суммы, ассигнуемыя на разныя употребленія, не смѣшивались между собою.—9-е. До времени учрежденія полнаго университетскаго правленія, принимать всякія посылки, адресуемыя на имя университета.—10-е. Постараться, чтобы вышеупомянутый домъ и

находящіяся въ немъ вещи были въ самомъ надежномъ охраненіи, и о нужныхъ для сего предписаніяхъ и приказаніяхъ просить г. губернатора".

Давъ Тимковскому всѣ эти порученія, Потоцкій отправился въ Западную Европу, выѣхавъ изъ Петербурга во второй половинѣ апрѣля 1803 г., а Тимковскій сталъ собираться въ Харьковъ, куда его уже звалъ В. Н. Каразинъ, писавшій ему въ письмѣ отъ 24 марта 1803 г.: „Пріѣзжайте, милый мой другъ! мы будемъ радоваться вмѣстѣ о множествѣ добра, которое мы можемъ сдѣлать". Далѣе, разсказывая о Харьковѣ, онъ продолжалъ: „Энтузіазмъ здѣсь всеобщій. Я предвижу, что графъ С. О. [1]) принятъ будетъ, какъ должно принять будущаго благодѣтеля, и въ бытность его польются со всѣхъ сторонъ патріотическія приношенія сверхъ тѣхъ, кои уже извѣстны. Вообразите, что есть купцы, торгующіе перекупнымъ товаромъ безъ собственныхъ капиталовъ, которые сулятъ теперь по тысячѣ рублей. Правда, есть и строптивые граждане, такъ какъ и дворяне. Но мы будемъ стараться ублажить ихъ всѣми образами. До сихъ поръ сборъ университетской суммы мало значитъ и за нерѣшимостью и крамолами совсѣмъ было остановился. Но теперь уповательно въ четыре мѣсяца до пріѣзда графа поступитъ болѣе, нежели поступило бы при другихъ обстоятельствахъ въ пять лѣтъ [2]). Мы съ предводителемъ, который восхищенъ своимъ орденемъ [3]), дѣлаемъ всѣ нужныя распоряженія. Послѣзавтра отправятся въ уѣзды циркулярныя

---

[1]) Северинъ Осиповичъ Потоцкій.

[2]) Эти ожиданія не оправдались: не только не послѣдовало той быстроты въ сборѣ пожертвованій, на которую надѣялся Каразинъ, но впослѣдствіи понадобилось Высочайшее повелѣніе о разсрочкѣ на 12 лѣтъ взноса пожертвованной слободско-украинскимъ дворянствомъ суммы („Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія", т. I, № 95); изъ тѣхъ же купцовъ, которые, по словамъ Каразина, сулили каждый по тысячѣ рублей, кажется никто ничего не далъ.

[3]) Губернскимъ предводителемъ дворянства въ Харьковѣ былъ тогда Вас. Мих. Донецъ-Захоржевскій, получившій упоминаемый здѣсь орденъ (Св. Анны второй степени), при рескриптѣ отъ 31 января 1803 г., какъ было сказано въ немъ, „въ знакъ уваженія къ похвальному подвигу дворянства и въ отличіе содѣйствія въ томъ Д.—З—аго въ качествѣ предводителя".

письма, которыя вамъ (я увѣренъ) покажутся написанными очень кстати. Малое количество денегъ собранныхъ лежитъ по уѣзднымъ казначействомъ, но, чтобы не терять времени, я поспѣшилъ достать здѣсь и отправляю по сей почтѣ на имя Николая Николаевича [1]) четыре тысячи, да на ваше собственное тысячу рублей. Ради Бога уговаривайте Рижскаго, Делавинь и Осиповскаго [2]): недостатокъ жалованья будетъ замѣненъ совершенно. Напримѣръ, доложу Вамъ, что они будутъ имѣть изрядныя квартиры съ мебелью и всѣмъ нужнымъ. Я увѣренъ, что сосѣдственные помѣщики снабдятъ ихъ на первый случай и жизненными припасами. Я пробуду здѣсь до 30-го числа; какъ бы весело было, еслибъ вы не заставили меня ждать и работать одного. До отъѣзда вашего не переставайте однако писать. Прощайте, обнимаю васъ отъ всего сердца. Вашъ другъ и слуга искренній В. Каразинъ.

Въ этомъ же письмѣ Каразинъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ распоряженіе объ его арестѣ, о которомъ довольно неопредѣленныя свѣдѣнія были помѣщены въ статьяхъ о Каразинѣ В. Анастасевича [3]) и Г. П. Данилевскаго [4]). Хотя эта часть письма не имѣетъ отношенія къ Тимковскому, мы не можемъ удержаться, чтобъ не привести и ее, какъ матеріалъ, интересный для біографіи Каразина, дающій въ то же время нѣкоторую черту и къ характеристикѣ Александра I. Разсказавъ въ этомъ письмѣ о неудобствахъ, испытанныхъ въ путешествіи отъ Петербурга до Харькова, Каразинъ продолжаетъ: „Такъ, мой милый Илья Ѳедоровичъ, пожалѣйте о вашемъ сподвижникѣ. Природа меня не жалуетъ, и люди преслѣдуютъ, нѣтъ бишь: не люди то, а звѣри! Я предъ ними совершенно невиненъ, но они гонятъ меня, какъ лютѣйшаго врага

---

1) Вышеупомянутый Новосильцевъ.

2) Вслѣдъ за Тимковскимъ, они были назначены первыми профессорами харьковскаго университета, и изъ нихъ Рижскій былъ впослѣдствіи избранъ въ ректоры университета.

3) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, при московскомъ университетѣ, 1861 г., стр. 192—199.

4) Украинская старина (Харьковъ, 1866 г.), стр. 115.

своего. Извѣстная молва (какъ вы ее назвали) о увозѣ кадета Кондратьева во всей точности справедлива. Я рѣшился на это въ угодность родителей, имѣющихъ на меня множество правъ, или лучше сказать по сильному убѣжденію нѣжной матери, больной и ослабѣвшей отъ тоски и нетерпѣливости его видѣть, по чувствительному убѣжденію женщины, любезной и рѣдкой и чтобы болѣе сказать—родной тетки моей Алексаши [1]). Я не знаю, кто бы могъ устоять на моемъ мѣстѣ. Но я рѣшился не иначе, какъ въ полномъ удостовѣреніи, что сіе никому не будетъ извѣстно до возвращенія его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, или еще и въ концѣ марта, какъ я предполагалъ. Директоръ совершенно зналъ, что я беру его, но, не могши дать формальнаго позволенія, дозволилъ однако имѣть его мнѣ у себя сколь долго заблагоразсудится. Таково было наше для обоихъ насъ вразумительное объясненіе. Никому ни малѣйшаго повода не было его отыскивать, и когда привыкли уже въ корпусѣ не видѣть цѣлые мѣсяцы сряду многихъ кадетовъ, то кто мимо директора могъ бы пуститься отыскивать въ числѣ семисотъ его товарищей. Онъ бы возвратился и сей случай остался бы безвѣстнымъ, не подалъ бы соблазнительнаго примѣра, и я не понесъ бы никакого нареканія, доставивъ неизобразимую радость и услугу матери. Таковъ былъ мой вычетъ, но я въ немъ ошибся, ибо не положилъ въ числѣ *извѣстныхъ* ни благодѣтельнаго министра юстиціи [2]), ни госпожи Балабиной. Послѣдняя попала на слѣдъ, хотя впрочемъ до сего случая не заботилась о Кондратьевѣ, смертельно ненавидя мать его и меня вмѣстѣ съ нею; а первый употребилъ свое министерство, чтобъ настроить противъ меня графа [3]). Выставлено все, что могло только меня опорочить, и скрыто, что послужило бы къ моему оправданію. Утаены какъ связь моя съ родителями, такъ и довѣренность ихъ (я вѣдь Кондратьева отдалъ и въ корпусъ). Балабина просила какъ

---

[1]) Кого Каразинъ называетъ „Алексашею"—не знаемъ; извѣстно, что увезенный имъ кадетъ Кондратьевъ былъ родственникъ Надаржинской, на которой Каразинъ хотѣлъ жениться и объ имени которой мы свѣдѣній не имѣемъ.

[2]) Гавр. Ром. Державинъ.

[3]) П. В. Завадовскаго.

ближайшая родственница, раздраженная и введенная въ страхъ лишившаяся своего ребенка, а мой поступокъ представленъ неслыханною наглостію, злонамѣреніемъ и Богъ знаетъ чѣмъ! не прибавили-ль можетъ быть, что я его унесъ какъ Юпитера своего Ганимеда! Добрый нашъ Николай Николаевичъ [1]) употребилъ конечно все, чтобъ исправить мою оплошность, но невозможно было ему ни скрыть, ни уменьшить моей вины. Конецъ вамъ извѣстенъ: я арестованъ, и вмѣстѣ другое повелѣніе: освободить по прошествіи 24-хъ часовъ. Послѣ сего благодѣтельный Государь удостоилъ меня и рескриптомъ, который къ счастію получилъ я съ нарочною эстафетою (о семъ—ради Бога, никому!), а указа о арестѣ еще дожидаюсь. Сіе, только смягченное, показаніе приму я съ сердечнымъ признаніемъ, что я болѣе заслужилъ. Между тѣмъ оно совершенно опредѣляетъ мой жребій, освобождая меня на вѣки отъ неизвѣстности и страховъ, чтобы перемѣнилось ко мнѣ расположеніе Александра, и вмѣстѣ исцѣляя меня отъ легкомыслія. Съ сего времени моя, приверженная къ нему, душа не понесетъ никакой укоризны, но къ добру я стану дѣйствовать надежнѣе, поелику я увѣренъ, что ничьи козни противъ меня поколебать его не могутъ". По окончаніи письма, Каразинъ, ниже подписи, прибавилъ postscriptum: „При отправленіи сего наконецъ я арестованъ".

Приведенный здѣсь собственный разсказъ Каразина совершенно опровергаетъ высказанное въ вышеупомянутой статьѣ В. Анастасевича и повторенное вслѣдъ затѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ предположеніе, что упоминаемый увозъ кадета Кондратьева, вызвавши гнѣвъ Государя на Каразина, могъ быть одною изъ причинъ его увольненія въ отставку, послѣдовавшаго, какъ оказывается изъ сопоставленія чиселъ, черезъ полтора года послѣ описаннаго случая. Очень характернымъ въ этой исторіи представляется то, что, распорядившись подвергнуть Каразина, какъ провинившагося школьника, аресту на 24 часа, Александръ I въ то же время счелъ нужнымъ секретно послать ему милостивѣйшій рескриптъ, и притомъ позаботился о томъ, чтобы этотъ рескриптъ дошелъ до Каразина ранѣе повелѣнія объ арестѣ, пославъ его въ Харьковъ съ нарочной эстафетой.

(Продолженіе будетъ). **Н. Шугуровъ.**

[1]) Новосильцевъ.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

VIII.

Херсонъ.

12-го мая въ Бериславѣ, къ 10-ти часамъ утра, вся свита собралась во дворецъ, не замедлилъ прибыть и графъ Фалькенштейнъ. Назначенъ былъ выѣздъ. Въ шестимѣстную карету свою императрица пригласила графа Фалькенштейна, графиню А. В. Браницкую, А. М. Дмитріева-Мамонова, принца де-Линя и графа Кобенцеля. Первая остановка была, проѣхавъ 31 версту, въ селѣ Никольскомъ, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ. Здѣсь встрѣтили императрицу: генералъ-маіоръ Василій Васильевичъ Энгельгардтъ[2], отставной генералъ-маіоръ Я. Н. Рѣпнинскій, Д. Г. Неранжичъ и бригадиръ Гедеоновъ.

Послѣ стола, выѣхали въ 3 часа, и не доѣзжая до переправы черезъ р. Ингулецъ, въ слободѣ Николаевкѣ, генералъ Рѣпнинскій, жившій тутъ своимъ домомъ, просилъ императрицу осчастливить его и семейство его посѣщеніемъ.

„Этотъ генералъ, будучи еще полковникомъ, женился на прекрасной молодой дамѣ отъ живаго мужа, вышелъ потомъ въ отставку и удалился въ южный край. Князь Потемкинъ, покровительствуя Рѣпнинскому, старался всячески утвердить этотъ бракъ, но не имѣлъ успѣха“.

Императрица, принявъ любезно приглашеніе Рѣпнинскаго, пересѣла изъ шестимѣстной своей кареты съ гр. Фалькенштей-

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 7.

[2]) Женатый на сестрѣ Потемкина, отецъ графини Браницкой.

номъ и съ нѣкоторыми изъ свиты въ фаэтонъ и отправилась къ дому Рѣпнинскаго. День былъ прекрасный; подъѣзжая къ слободѣ, въ полуверстѣ отъ оной, близъ дороги открылся курганъ, усаженный пахучими и пріятными для глазъ цвѣтами; все это сдѣлано было съ намѣреніемъ. Князь предложилъ государынѣ не угодно ли выйти и пройтись не далеко, гдѣ изволите кушать; фаэтонъ остановился; государыня вышла, долго любовалась цвѣтами и потомъ изволила пойти. У воротъ предмѣстія, хозяинъ Рѣпнинскій съ женою и съ двумя малолѣтними дѣтьми встрѣтили государыню на колѣняхъ съ хлѣбомъ и солью; государыня, посмотрѣвъ на нихъ, сказала пословицу „хлѣбъ и соль не ссорятся", приказала принять, и оборотясь къ князю, сказала: „Куда ты меня привезъ?" Князь содрогнулся отъ неожиданнаго вопроса, отвѣчалъ: „Ваше величество, прежній мужъ хозяйки два года какъ умеръ" — „Знаю, сказала государыня, знаю и то, что хочетъ онъ дѣтей усыновить—этому не быть"; потомъ изволила пойти въ домъ, кушала какъ и всегда и обыкновенно, такъ что нисколько не было примѣтно неудовольствія ея" („Морской Сборникъ" 1855 г., апрѣль, стр. 143, изъ дневника Сенявина). Въ это время Потемкинъ лично хлопоталъ около переправы огромной вереницы экипажей и телѣгъ императорскаго поѣзда черезъ р. Ингулецъ—и когда все было готово, дали знать императрицѣ; она возвратилась къ пристани и на богато убранномъ катерѣ переправилась черезъ рѣку съ гр. Фалькенштейномъ; кормою катера управлялъ служившій тогда въ Херсонѣ капитанъ 1-го ранга Мордвиновъ [1]); за катеромъ императорскимъ слѣдовали въ шлюбкахъ свита и посланники.

Къ переправѣ на Ингульцѣ выѣхали встрѣтить императрицу херсонскіе мѣщане и эскадронъ легкоконнаго александрійскаго полка, и когда императрица пересѣла снова въ свою шестимѣстную карету съ прежними спутниками, тогда передъ каретою поскакали верхами мѣщане, а эскадронъ конвоировалъ всѣ 17 верстъ остававшіяся до Херсона;—дорога была ровная, гладкая.

---

[1]) Извѣстный впослѣдствіи государственный дѣятель Николай Семеновичъ

Въѣздъ императрицы въ городъ былъ торжественный, въ нарочно приготовленной великолѣпной открытой колесницѣ— вмѣстѣ съ гр. Фалькенштейномъ и княземъ Потемкинымъ.

Въ форштадтѣ у тріумфальныхъ воротъ встрѣтили императрицу херсонское купечество и мѣщанство съ хлѣбомъ и солью, а на большемъ разстояніи отъ воротъ тріумфальныхъ до крѣпостныхъ стояли ремесленники съ ихъ значками.

Передъ воротами крѣпости, называемыми московскими, народъ съ криками ура бросился къ каретѣ, выпрягъ лошадей и провезъ на себѣ карету до крѣпости [1]).

Въ крѣпости у воротъ „санктпетербургскихъ“ встрѣтили генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры. Комендантъ поднесъ ключи. При переѣздѣ по городу до дворца, по обѣимъ сторонамъ улицъ стояли въ строю пѣхотные полки: козловскій, ряжскій, тамбовскій, муромскій, курскій, полоцкій, херсонскій и елецкій; войска отдавали честь, преклоняя знамена, при музыкѣ и барабанномъ боѣ.

Передъ Екатерининскимъ соборомъ встрѣтилъ императрицу съ крестомъ и въ сопровожденіи духовенства преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославской и Херсонеса-Таврическаго. Императрица вошла въ церковь, выслушала молебенъ съ многолѣтіемъ, и пожаловавъ къ рукѣ преосвященнаго и бывшее съ нимъ духовенство, продолжала свое шествіе въ своей шестимѣстной каретѣ до дворца, проѣзжая мимо адмиралтейства, гдѣ на элингахъ стояли готовые къ спуску 80-ти и 70-ти пушечные корабли и одинъ 50-ти пушечный фрегатъ.

Было уже семь часовъ вечера, когда императрица прибыла во дворецъ, здѣсь у подъѣзда ожидалъ ее фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, дворянство и именитое херсонское гражданство съ хлѣбомъ и солью. Въ комнатахъ встрѣтили дамы генералитета и между ними жена генералъ-поручика Самойлова, племянница кн. Потемкина. Потомъ графъ А. А. Безбородко представилъ императрицѣ пріѣхавшихъ въ

[1]) Р. Архивъ 1867, ст. 1233, изъ книги: Жизнь и дѣянія князь Г. А. Потемкина, состав А. Н. Самойловъ (племянникъ Потемкина).

Херсонъ: племянника польскаго короля князя Станислава Понятовскаго и посланника нашего въ Константинополѣ Булгакова.

Вечеромъ, во время собранія, Потемкинъ угостилъ музыкою съ хоромъ пѣвчихъ собственнаго своего оркестра, состоявшаго изъ 186 человѣкъ [1]).

Для графа Фалькенштейна квартира, по его желанію, была въ городѣ, а не во дворцѣ.

На другой день императрица писала объ Херсонѣ къ главнокомандующему въ Москвѣ Еропкину:

„Дитя сіе не существовало восемь лѣтъ назадъ. Сначала проѣхали каменныя казармы шести полковъ, потомъ повернули направо, въѣхали въ крѣпость, которая за себя постоитъ и въ отдѣлкѣ со всѣмъ поспѣетъ въ нынѣшнее лѣто и несравненно лучше кіево-печерской. Внутри крѣпости военныя строенія многія окончены, нѣкоторыя приходятъ въ отдѣлку. Церковь каменная, прекрасная, когда я говорю каменная, не подумайте, чтобъ подъ симъ разумѣю кирпичъ. Здѣсь инова камня не знаютъ, какъ тотъ, который, вынувъ изъ земли, кладутъ въ стѣну. Онъ крѣпче плиты и сырость не притягиваетъ. Выѣхавъ изъ крѣпости, повернули мы въ Адмиралитетъ, въ которомъ всѣ магазины и строенія каменныя, покрыты желѣзомъ. На штапели нашли мы готовый 80-ти пушечный корабль, который въ субботу, Богъ дастъ здоровья, на воду спустимъ; возлѣ сего 66 пушечный готовый, возлѣ сего фрегатъ 55 пушечный. Сіи корабли изъ моего дома и изъ той комнаты, въ которой къ вамъ пишу, видны и садъ сего дома возлѣ адмиралтейства и штапеля.—Купечество города, которое съ другой стороны составляетъ предмѣстіе, я еще не видала. Но сказываютъ не хуже. Народа здѣсь окромѣ военныхъ великое множество и разноязычные съ большой части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краѣ приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодолжной похвалы. Усердое попеченіе вездѣ видно и люди къ тому избраны способные. (См. Письма Екатерины II. Изд. Смирдина, т. III, Спб. 1850).

---

[1]) Изъ Камеръ-фурьер. журн. 1787 года.

Храповицкій, въ своемъ дневникѣ, 13 мая написалъ: „Въ письмѣ къ Еропкину сравненіе шестилѣтняго Петербурга съ Херсономъ. Укрѣпленіе города и зданія похвалены; въ расторопности и успѣхахъ должны отдать справедливость кн. Г. А. Потемкину (См. Дневникъ Храповицкаго. Изд. Н. Барсукова. Спб. 1874 г.).

Спутникъ Екатерины Іосифъ II, т. е. графъ Фалькенштейнъ, отзывался совсѣмъ иначе о херсонской крѣпости, въ секретной перепискѣ съ своимъ фельдмаршаломъ: „Херсонскія укрѣпленія выведены очень дурно, фасы очень длинны, куртины слишкомъ коротки, фланги также, и поэтому всѣ орудія для обстрѣливанія фасовъ вытянуты въ рядъ вдоль этихъ куртинъ, точь въ точь какъ у насъ въ Эгерѣ и въ Прагѣ. Всѣ верки земляные, въ землѣ слишкомъ много песку, обложки нѣтъ никакой, а одинъ дернъ пристаетъ очень плохо. Скаты чрезвычайно круты, и такъ какъ тачки здѣсь очень дороги, то солдаты таскаютъ землю на плечахъ въ маленькихъ мѣшкахъ и высыпаютъ на верки не размельчая и безъ утрамбовки, а только разбрасывая ногою ссыпанную кучку земли“.

„Осадная артиллерія великолѣпна, но у нихъ нѣтъ затель вагеновъ для перевозки орудій большаго размѣра, а также нѣтъ и десятой части необходимыхъ зарядовъ — и ядеръ и пушекъ“ [1]).

На другой день пріѣзда въ Херсонъ, 13 мая—назначенъ былъ во дворцѣ большой выходъ и съ 11-го часа утра начали съѣзжаться военные и гражданскіе чины и между ними уволенный отъ управленія епархіею греческій архіепископъ Евгеній: не замедлилъ пріѣхать изъ своей квартиры и Іосифъ II. Всѣ ожидали Императрицу, которая передъ выходомъ въ особой комнатѣ принимала на приватной ауденціи присланнаго отъ неаполитанскаго короля маркиза де Галло, который поздравлялъ императрицу *съ благополучнымъ прибытіемъ къ полуденнымъ границамъ имперіи, орошаемымъ водами, простирающимися до королевства неаполитанскаго*“. Такъ выразился маркизъ при

---

[1]) См. Arneth. Iozeph II und Katherine von Russland.

представленіи его императрицѣ, между тѣмъ, какъ его пріѣздъ имѣлъ цѣлью: осмотря Херсонъ, разузнать о средствахъ, какъ выгоднѣе воспользоваться льготами, предоставленными неаполитанцамъ по торговому съ Россіею договору (см. Записки Сегюра).

Послѣ аіуденціи императрица вошла въ комнату „общаго собранія"—здѣсь прежде всего привѣтствовалъ ее графъ Фалькенштейнъ и представилъ барона Герберта, римско-императорскаго унтеръ-нунція при Оттоманской Портѣ. Графъ Безбородко представлялъ секретаря великаго княжества литовскаго графа Машинскаго, посланника неаполитанскаго въ Константинополѣ графа Модолера, потомъ въ большомъ залѣ архіепископъ Евгеній сказалъ императрицѣ привѣтственную рѣчь на греческомъ языкѣ [1]).

Къ обѣду было приглашено болѣе 80 лицъ; украшеніе обѣденнаго стола было особенно оригинально: на столѣ, вмѣсто филейныхъ дессертныхъ перемѣнъ, поставлены были принесенныя изъ адмиралтейства модели кораблямъ, фрегатамъ и другимъ транспортнымъ судамъ, которые построены были въ херсонскомъ адмиралтействѣ и тогда находились въ Черномъ морѣ. Всѣхъ моделей было 13, кромѣ одного стопушечнаго корабля, который въ это время былъ еще не оснащенъ и стоялъ на камеляхъ [2]).

Во время стола играла музыка инструментальная съ хоромъ пѣвчихъ изъ оркестра князя Потемкина. Обѣдъ кончился въ исходѣ 2-го часа и Императрица удалилась во внутренніе свои покои.

Въ 5 часовъ опять всѣ собрались: назначена была прогулка въ экипажахъ по городу. Императрица пригласила съ собою въ открытый фаэтонъ графа Фалькенштейна, графиню Браницкую, князя Потемкина, Л. А. Нарышкина, Дмитріева-Мамонова, графа Кобенцеля и принца де Линя. Прогулка по городу продолжалась слишкомъ три часа. Императрица осматривала не только городъ, но и предмѣстіе и разводимые сады де-

[1]) Изъ Камеръ Фурьерскаго Журнала 1787 г.

[2]) Изъ Камеръ Фурьерскаго Журнала 1787 г.

ревъ плодоносныхъ и насажденія для строеваго и дровянаго лѣса (изъ Камеръ-Фурьерскаго журнала 1787 г.). Въ форштадтѣ императрица съ любопытствомъ осматривала товары у одного богатаго купца—грека, а проѣзжая мимо крѣпости, приказала раздать наградныя деньги работавшимъ во рвахъ воинскимъ командамъ. (Тамъ же).

На другой день (14 мая) императрица писала къ графу Брюсу: „третьяго дня къ вечеру пріѣхали мы съ графомъ Фалькенштейномъ благополучно и въ добромъ здоровьѣ сюда въ Херсонъ и къ немалому нашему удивленію узрѣли прекраснаго города въ такомъ мѣстѣ, гдѣ шесть лѣтъ назадъ не было ничего окромѣ голой степи. Здѣсь не только военныя, но и гражданскія строенія всѣ въ лучшемъ видѣ, однимъ словомъ Херсонъ почитать можно между самыми лучшими городами нашими. Сіе дитя много обѣщаетъ: гдѣ сажаютъ тутъ все ростетъ, гдѣ пашутъ тутъ изобилье, строенія все каменныя; мы жары по сю пору не чувствуемъ, всѣ здоровы; здѣшніе люди больнаго вида не имѣютъ и все копышется людство великое и стеченіе людей со всѣхъ край, наипаче же полуденные. Всего описать время не достаетъ“.

(Напечатано съ подлинника въ приложеніи къ Камеръ Фурьерскому Журналу 1787 г.) Н. И. Салтыкову Императрица писала подробнѣе:

„Мы съ удивленіемъ и съ немалымъ удовольствіемъ увидѣли, что здѣсь сотворено. Мы ѣхали сюда степями, по землѣ; степи обѣщаютъ вездѣ изобилье, и онѣ отнюдь не безводны, а здѣсь и пуще всего видно чево быть могутъ, ибо не говоря о строеніи, кои сплошь каменныя и во множествѣ и во всякомъ родѣ по свойству прочны и хороши, гдѣ пашутъ тутъ изобилье, гдѣ сажаютъ тутъ принимается и ростетъ; однимъ словомъ, есть ли приводить или привозить сюда не любящихъ сего краю, думаю, что предубѣжденіе и страсть кончится обозрѣніемъ Херсона. При томъ прошу вспомнить, что шесть лѣтъ назадъ не было ничево. Мы еще жаркаго дня не видали, но при тепломъ воздухѣ вѣютъ вѣтры прохладные, вишни отцвѣли, сирени въ цвѣтахъ подъ моими окошками, есть ли всево отпи-

сать, что здѣсь есть, то тетради надобны; крѣпость нынѣшнимъ лѣтомъ кончается, она не въ примѣръ лучше кіевской. Я живу противу адмиралтейства, изъ оконъ вижу три корабля военные, кои завтра спустимъ на воду; пять церквей каменныхъ я уже видѣла, архитектуры самой хорошей, одна по середи крѣпости. Дома мѣщанскіе таковы, что и въ Петербургѣ не испортятъ ни которую улицу; казармы гораздо лучше гвардейскихъ, понеже каменныя" (См. Р. Арх. 1864 г. стр. 968).

„Въ Херсонѣ, по меньшой мѣрѣ, (пишетъ Екатерина къ барону Гримму) отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всякихъ націй. Въ немъ можно достать все что угодно, не хуже Петербурга..... Однимъ словомъ, благодаря попеченіямъ князя Потемкина, этотъ городъ и этотъ край, въ которомъ при заключеніи мира не было ни одной хижины, теперь сдѣлался цвѣтущимъ городомъ и краемъ, которые будутъ процвѣтать изъ года въ годъ. (Изъ писемъ Екатерины II къ барону Гримму. Р. Арх. 1878 г., стр. 141 и слѣд.).

Сегюръ въ своихъ запискахъ оставилъ намъ довольно подробное описаніе тогдашняго Херсона:

„Послѣ проѣзда четырехсотъ верстъ по степямъ, насъ неожиданно и пріятно обрадовалъ своимъ видомъ Херсонъ. Но и безъ этой случайности, мы не могли не дивиться, видя столько новыхъ величественныхъ зданій. Мы увидѣли почти уже оконченную крѣпость, казармы на двадцать четыре тысячи человѣкъ, адмиралтейство со всѣми магазинами, въ арсеналѣ шестьсотъ пушекъ; два военные корабля и фрегатъ, снаряженные къ спуску, нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, наконецъ цѣлый городъ, уже торговый, съ 2000 домовъ и съ лавками, наполненными товарами, привезенными изъ Греціи, изъ Константинополя и изъ Франціи, въ гавани непрестанное оживленіе и движеніе отъ прихода и ухода судовъ коммерческихъ. Если присоединить къ этому дѣятельность 18,000 рабочихъ, блестящее войско, съѣздъ нѣсколькихъ иностранныхъ министровъ, консуловъ и путешественниковъ въ край, пріобрѣтенный Россіею только со времени Кайнаржійскаго міра, только три года предъ тѣмъ освобожденный отъ татарскихъ набѣговъ,

то дѣлается весьма понятнымъ, до какой степени такая картина должна льстить самолюбію Императрицы, и внушать удивленіе ея спутникамъ, которые спѣшили превозносить дарованія и дѣятельность Потемкина.

Правда, что это первоначальное, минутное удивленіе наше нѣсколько охладилось размышленіемъ. Разсмотрѣвъ Херсонъ вблизи и подробно, мы замѣтили, что его мѣстоположеніе дурно выбрано, что корабли вообще не могутъ подыматься по Днѣпру иначе, какъ безъ груза, а военные суда, здѣсь построенныя, не могутъ свободно спускаться по рѣкѣ безъ помощи камелей. Не устроено ни набережной, ни пакгаузовъ для товаровъ; судебныя мѣста отправляютъ дѣла медленно и дурно, наконецъ испаренія болотъ и островковъ, наполненныхъ тростниками, возлѣ города не только вредно дѣйствуютъ на здоровье жителей, но нерѣдко и смертельны.

Замѣчанія эти я слышалъ отъ многихъ купцовъ, и сообщилъ Потемкину, который призналъ ихъ справедливыми. Чтобы поправить дѣло, князь предполагалъ устроить торговую гавань въ 30 верстахъ ниже по Днѣпру, учредить карантинъ, построить набережную и магазины, преобразовать суды и осушить сосѣднія болота. Онъ уже истребовалъ и получилъ деньги, нужныя для нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ. Но высушка болотъ мнѣ казалась невозможною; для этого нужно было истребить весь тростникъ, необходимый для топки и покрышки домовъ въ этомъ краю, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ не было и лѣсу“ [1]).

14 мая императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и всею свитою, водою, на катерахъ, и шлюпкахъ, сдѣлала прогулку за 15 верстъ отъ Херсона въ дер. Бѣлозерку, принадлежавшую графу А. А. Безбородку. Послѣ обѣда, которымъ Безбородко угощалъ свою дорогую посѣтительницу и 37 человѣкъ гостей, Императрица возвратилась въ Херсонъ не водою, а сухимъ путемъ въ фаэтонѣ.

---

[1]) См. Mem. d. Segur. T. III. p. 121—123.

Въ этотъ день Императрица приказала: 48 человѣкъ сосланныхъ за разныя преступленія на работу въ Херсонъ избавить отъ каторжной работы, а ежели кто изъ нихъ наказанъ былъ тѣлесно, тѣхъ покрыть знаменемъ и поселить въ удобномъ мѣстѣ по благоразсмотрѣнію кн. Потемкина [1]).

Въ оффиціальныхъ записяхъ Камеръ-фурьерскаго журнала 1787 года имя французскаго посланника графа Сегюра въ Херсонѣ не упоминается въ числѣ лицъ, приглашаемыхъ императрицею вмѣстѣ съ нею въ карету или на партію въ карты или шахматы. Причиною было неудовольствіе императрицы на графа Сегюра, какъ на посланника того правительства, которое, по ея мнѣнію, подстрекало турокъ къ войнѣ съ Россіею, и потому она считала увѣренія Сегюра о дружбѣ Франціи къ Россіи неискренними и убѣжденіе это усилилось въ умѣ императрицы особенно въ Херсонѣ, когда почти одновременно съ пріѣздомъ ея въ этотъ городъ въ устье Днѣпра, въ лиманъ, близъ Очакова, прибыла турецкая эскадра, состоявшая изъ 4 кораблей, 10 фрегатовъ, а въ Очаковъ въ тоже время пріѣхали нѣсколько французскихъ офицеровъ.

Въ придворномъ кругу появленіе въ эту минуту турецкаго флота было встрѣчено негодованіемъ: „Непонятно, говорили люди придворные и близкіе, непонятно, какъ именно въ то время, когда только что подписанъ былъ дружественный трактатъ съ Франціею и когда французскій посланникъ сопровождаетъ императрицу, удостоившую его особымъ вниманіемъ и довѣріемъ, и въ это то время французскіе инженеры занимаются распоряженіями по устройству турками артиллеріи и военныхъ кораблей и помогаютъ врагамъ Россіи приготовляться къ войнѣ съ нею?“

Потемкинъ тоже объяснялся съ Сегюромъ о подстрекательствѣ Франціею турокъ,—но Сегюръ отвѣчалъ ему: „Наше поведеніе всегда и постоянно было откровенно, мы всегда объявляли, что хотя король старается всѣми средствами объ удовлетвореніи справедливыхъ жалобъ Россіи, однакоже, руковод-

---

[1]) См. Камеръ Фурьер. журналъ 1787 г.

ствуясь высокими цѣлями, рѣшился употребить съ своей стороны всевозможныя средства, чтобъ охранять цѣлость и независимость оттоманской имперіи. Не слѣдуетъ удивляться, что, не смотря на мирныя и конечно искреннія увѣренія Россіи, Порта принимаетъ благоразумныя предосторожности. Поставьте себя на ея мѣстѣ". (Mem. de Segur. T. III. p. 125).

Потемкинъ призналъ справедливость возраженія гр. Сегюра. Холодность Императрицы въ обращеніи съ Сегюромъ начала уменьшаться и продолжалась еще нѣсколько дней...

Въ субботу 15-го мая назначенъ былъ спускъ кораблей. Въ 11-ть часовъ утра собрались въ дворецъ вся свита, посланники и графъ Фалькенштейнъ. Императрица не заставила себя дожидаться и явилась передъ собраніемъ въ „морскомъ флотскомъ мундирѣ", и поздоровавшись со всѣми, въ сопровожденіи ихъ послѣдовала пѣшкомъ при пушечной пальбѣ въ адмиралтейство [1]). Здѣсь приготовлены были къ спуску: 80-ти пушечный корабль *„Іосифъ II-й"*; 60 пушечный *„Владиміръ"* и 50 пушечный фрегатъ „Александръ" [2]). Во время спуска производилась пушечная пальба—а народъ кричалъ „ура".

Спутникъ Екатерины графъ Фалькенштейнъ постоянно отзывался съ нехорошей стороны о томъ, что онъ видѣлъ у насъ; о спущенныхъ въ его присутствіи въ Херсонѣ корабляхъ онъ писалъ къ своему фельдмаршалу:

„Спущенные корабли изъ очень сыраго лѣса, годятся только на показъ. Мачты очень плохи и нѣтъ ни канатовъ, ни парусовъ; все это предполагаютъ привезти сухимъ путемъ изъ Кронштадта въ Херсонъ". (См. Joseph II und Katharine von Russland. Wien 1869. Стр. 359).

Потомъ императрица съ графомъ Фалькенштейномъ на катерѣ проѣхала мимо спущенныхъ кораблей до греческой пристани, гдѣ ожидалъ ее фаэтонъ, въ которомъ она и возвратилась во дворецъ.—Здѣсь во внутреннихъ покояхъ графиня Браницкая представила ей дамъ: генералъ-поручицу Самойлову и

[1]) См. К.-Ф. ж. 1787 г.

[2]) См. Морской Сборникъ 1855 г. Апрѣль

генералъ-маіоршу княгиню Вяземскую; государыня пожаловала ихъ къ рукѣ.

Обѣдъ былъ на 63 куверта. „Вмѣсто дессертныхъ филейныхъ штукъ поставлены были на столъ модели кораблей и фрегатовъ". Обѣдъ кончился въ исходѣ 2-го часа.

Вечеромъ передъ выходомъ въ залу, во внутреннихъ покояхъ императрица принимала отъ купели новорожденную дочь генералъ-поручика А. Н. Самойлова, по матери роднаго племянника кн. Потемкина. Потомъ кн. Потемкинъ представлялъ купцовъ и мѣщанъ, торгующихъ въ Херсонѣ.

На другой день, въ праздникъ св. Троицы, въ 11-мъ часу всѣ съѣхались во дворецъ для привѣтствованія съ праздникомъ, а въ 12 часовъ съ графомъ Фалькенштейномъ и съ нѣкоторыми лицами свиты императрица въ фаэтонѣ выѣхала къ обѣднѣ въ Екатериненскій соборъ.

Вся прочая свита слѣдовала въ каретахъ. Въ соборѣ императрицу встрѣтилъ съ крестомъ архіепископъ Амвросій.

До начатія литургіи, императрица въ церкви крестила бывшихъ до того въ магометанствѣ двухъ депутатовъ осетинскаго народа, которымъ наречены были имена одному Петръ, другому Павелъ; новокрещенные во все время продолженія литургіи стояли въ церкви; передъ причастіемъ императрица сама подводила ихъ прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ, а потомъ и къ св. Причащенію; на вечернѣ во время колѣнопреклоненія цвѣты подавалъ Императрицѣ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

По возвращеніи во дворецъ Императрица возложила орденъ св. Александра Невскаго на командовавшаго днѣпровскою флотиліею вице-адмирала Петра Ивановича Пущина, а всему экипажу, бывшему на судахъ во время путешествія по Днѣпру, приказала выдать, не въ зачетъ, въ награду, полугодовое жалованье.

Въ этотъ день императрица была очень щедра на милости: Командующему артиллеріею генералъ-аншефу Ив. Иванов. Меллеру и бригадиру и херсонскому оберъ-коменданту Александру Соколову пожаловано по 300 душъ изъ полоцкой экономіи.

Черноморскаго флота капитанъ 1-го ранга Николай Мордвиновъ и графъ Марко Воносовичъ произведены въ контръ-адмиралы, капитаны 1-го ранга: Панагіотти, Алексіано и Θедоръ Ушаковъ въ капитаны бригадирскаго чина; капитаны 2-го ранга: Степанъ Вельяшевъ, Гавріилъ Голенкинъ и Павелъ Пустошкинъ въ капитаны 1-го ранга. Находившійся при строеніи города Херсона подполковникъ Николай Корсаковъ въ инженеръ полковники и пожаловано ему 450 душъ изъ полоцкой экономіи и орденъ св. Владиміра 3 степени. Сынъ контръ-адмирала Пущина, флота-капитанъ-лейтенантъ Иванъ Пущинъ пожалованъ въ капитаны 2-го ранга [1]).

Иностранцы разсказываютъ, что въ этотъ день всѣ просили о наградахъ и всѣмъ давали. Императрица будто бы спросила Суворова не желаетъ ли и онъ чего нибудь?—Онъ отвѣчалъ, что желаетъ, чтобъ заплатили его долгъ за наемъ квартиры 200 руб. [2]).

Въ этотъ день сопутствовавшій Императрицѣ съ самаго начала ея крымскаго путешествія изъ С.-Петербурга, вице-президентъ государственной адмиралтейской коллегіи графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ былъ уволенъ за границу, вмѣстѣ съ его дочерью графинею Екатериною Ивановною.

Причиною удаленія его были придворныя противъ него интриги; онъ высказался объ этомъ откровенно другу своему бывшему оберъ-камергеру князю А. М. Голицину въ письмѣ изъ Херсона отъ 17 мая:

„Я принужденъ былъ удалиться; господа, заправлявшіе путешествіемъ, чтобъ оскорбить меня, хотѣли продѣлывать со мною то, что они дѣлали со многими: они хотѣли заставить меня или скакать впереди Государыни за 24 часа или послѣ нея черезъ сутки, ссылаясь на недостатокъ лошадей, которые давались семейству Потемкина или его свитѣ, какъ напримѣръ принцу Нассау и другимъ. Два дня къ ряду они дѣлали мнѣ эти предложенія и настаивали объ моемъ согласіи. Я отвѣчалъ имъ, что нахожусь при Императрицѣ въ путешествіи не по моей прось-

[1]) См. К.-Ф. жур. 1787 г.

[2]) Taurische Reise. Koblenz. 1799, стр. 121.

бѣ, а по ея приказанію, то отъ нее зависитъ приказывать мнѣ ѣхать ли впередъ или оставаться въ Херсонѣ и я въ точности, безпрекословно исполню ея приказанія".

„Желая же узнать отъ самой императрицы о разпоряженіяхъ по дальнѣйшему путешествію изъ Херсона, я пошелъ къ ней и сказалъ ей: я слышалъ ваше величество, что мое имя не поставлено въ спискѣ лицъ, имѣющихъ счастье сопровождать ваше величество. Она на это отвѣчала мнѣ: такъ какъ вы постоянно не здоровы, то вы свободны ѣхать куда и когда вамъ угодно. Ясно было, что все уже было устроено, чтобъ я не принадлежалъ болѣе къ свитѣ и потому я отвѣчалъ: „я дѣйствительно боленъ, и разъ мнѣ предоставляется свобода распоряжаться собою, то, не принадлежа болѣе къ свитѣ, я прошу отпустить меня за границу". Императрица очень удивилась. Куда? воскликнула она, за границу? что тамъ дѣлать?—Брать ванны, отвѣчалъ я.—Какія ванны?—Сперва близь Вѣны въ Баденѣ.—Это еще болѣе ее удивило. Въ Вѣну? — Точно такъ, ваше величество, но ежели ванны эти мнѣ не помогутъ, какъ я ожидаю, то поѣду въ Неаполь.—Богъ съ вами! сказала на прощанье Императрица. Въ слѣдующій день, *день отъѣзда* со мною обошлись еще холоднѣе.

Сознаюсь вамъ, мой почтеннѣйшій и уважаемый другъ, что болѣе всего меня огорчило, что молодой человѣкъ Мамоновъ, на дружбу котораго я считалъ въ правѣ надѣяться, оказался за одно съ кн. Потемкинымъ, который не переставалъ меня преслѣдовать, и всегда не явно, также и граф. Безбородко".

Князь А. М. Голицынъ получилъ это письмо, живя въ деревнѣ подъ Москвою, и черезъ брата своего, посланника въ Вѣнѣ, послалъ графу Чернышеву отвѣтъ: „Вамъ слѣдовало бы удалиться отъ дѣлъ поранѣе изъ Петербурга и изъ Кіева потому что не прилично ѣхать въ такія мѣста, гдѣ вы, нося еще на себѣ званіе перваго и главнаго члена Адмиралтейства, прежде командовали, а теперь быть безъ дѣла и уваженія. *Прать противъ рожна трудно;* и такъ, почтеннѣйшій другъ, надобно уже наконецъ принять безъ отлагательства свои мѣры, сходныя съ своимъ положеніемъ, и искать поправленія своему здоровью, которое по

вашему усердію и рьяности въ службѣ пришло въ крайнюю разстройку. Гр. Кириллъ Григорьевичъ, для свиданіе съ которымъ ѣздилъ я нарочно въ городъ, объ васъ съ особливою дружбою со мною разговаривалъ. Онъ, не понимаю я для чего, принялъ намѣренія ѣхать зимовать въ Кіевѣ, будто бы московской климатъ ему не столько здоровъ быть бы могъ; по моему же мнѣнію, нашего рода и лѣтъ люди не могутъ нигдѣ инде съ лучшимъ покоемъ, благопристойности и пользою свое пребываніе основать какъ въ Москвѣ. Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій поклонъ вамъ сказываетъ. Онъ, кажется, совсѣмъ забылъ дворъ и свои претензіи употреблену при немъ быть. Теперь, единственно упражняясь въ своей экономіи, купилъ домъ, исправляетъ оный, будучи совсѣмъ расположенъ жить здѣсь".

Посылая это письмо въ Вѣну, кн. А. И. Голицынъ просилъ брата вручить вѣрно, ежели Чернышевъ еще въ Вѣнѣ находится или доставить оное къ нему, гдѣ онъ обрѣтается. „Его скорый и неожидаемый отъѣздъ изъ Херсона къ цѣлительнымъ водамъ и банямъ, писалъ князь къ брату, меня много удивилъ. Я сожалѣю, что онъ оной прежде не предпріялъ, не выѣзжая еще изъ Петербурга, а паче изъ Кіева, гдѣ онъ очень нездоровъ былъ. Его слабое и болѣзненное состояніе здоровія, а притомъ и его домашнія обстоятельства давно требовали отъ его дѣлъ и большихъ трудовъ отдыхновенія, вы найдете его весьма дряхла и состарившагося и черезъ то подумаете вы, что здѣсь люди скорѣе старятся, нежели у васъ; дочь его миловидна, пріятна, любезна и разумна. Я всегда находилъ въ дружбѣ графа І. Гр. больше чистосердечности и надежности, нежели въ дружбѣ покойнаго брата его фельдмаршала, который однако же считался мнѣ короткимъ пріятелемъ. Гр. І. Гр., могу я сказать, что онъ всегда искалъ моей дружбы и старался при случаѣ оную мнѣ доказывать. И такъ я прошу васъ, его увѣдомить, что я таковымъ образомъ объ немъ къ вамъ изъяснялъ и рекомендовалъ его, яко добраго моего пріятеля, въ возобновленіе дружбы вашей къ нему" [1]).

---

[1]) Письма гр. Чернышева къ кн. А. М. Голицыну, отвѣтъ послѣдняго и пись-

Императрица, наградивъ щедро флотскихъ и херсонскихъ чиновъ, 16 мая объявила, что завтра отъѣзжаетъ въ Крымъ и въ тотъ-же день написала графу Брюсу въ Петербургъ:

„Мы всѣ здоровы. Здѣсь погода ни холодна, ни жарка, но весьма умѣренная; вчерась здѣсь спущены на воду два корабля военныя, да одинъ фрегатъ. Завтра поѣдемъ отсѣлѣ въ Бериславль, откуда, переправясь черезъ Днѣпръ, поѣдемъ въ Тавриду. Графъ Фалькенштейнъ ѣдетъ съ нами. Здѣшній край черезъ десять лѣтъ будетъ изъ изобильнѣйшихъ, все растетъ, все принимается; онъ отнюдь не безводный и надѣюсь, что съ весьма малымъ раченіемъ будетъ и съ лѣсомъ, я сама взяла тысячу десятинъ, на коихъ по лѣсному регламенту приказала сѣять строительнаго и дровянова лѣсу; черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ скажутъ спасибо, я весьма рада, что видѣла все сіе своими глазами; не тетки, ни бабки, не старушечки мужскаго и женскаго пола басни не наточать, здѣшной край есть рай земной. Графъ Чернышевъ ѣдетъ въ Вѣну къ водамъ, если онъ сіе дѣлаетъ въ опасеніе знаменитыхъ предпріятій, какъ и прежде дѣлывалъ, то сіе опасеніе еще рановременно, et lui qui aime a' mistifier ne manquera pas de l'etre. Mais surtout mistifiet-il sa fille par ce voyage. Херсонъ 16 ч. мая 1787".

Въ концѣ письма императрица приписала: „Я посылаю къ вамъ три куска красной кисеи; одинъ кусокъ для вашей вел. кн. Маріи Павловны, а прочіе для ея сестры но не отдавайте ихъ тѣмъ прежде, нежели окончать оспенный карантинъ" [1]).

При отъѣздѣ изъ Херсона, по приказанію Императрицы, выданы были слѣдующія награды: Маркизу де-Галло 1000 червонныхъ, свитѣ графа Фалькенштейна 2000 червонныхъ, Софроніевской пустыни игумену Ѳеодосію 300 руб. и братіи 300 руб., архіепископу Евгенію 2000 руб., епископу Кириллѣ 1000 руб., вице-адмиралу Пущину для раздачи флотскимъ офицерамъ, быв-

---

мо его кн. Дмитр. Мих. Голицыну въ Вѣну выписаны изъ бумагъ главнаго архива М. И. Дѣлъ въ Москвѣ. Письмо гр. Чернышева писано на французскомъ языкѣ.

[1]) Выписано изъ приложеній въ Камеръ Фурьерскому журналу 1787 года, мы сохранили правописаніе подлиника.

шимъ на галерахъ отъ Кіева до Кайдака 8245 руб., первому секретарю гр. Фалькенштейна перстень цѣною въ 2800 р., второму секретарю въ 2275 руб., лейбъ-хирургу въ 1300 руб., духовнику въ 1100 руб., генералу графу Кинскому въ 4775 руб., Потемкину для раздачи крестившимся депутатамъ осетинскихъ подарковъ 1830 руб.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ ЖИТОМІРѢ.

(ПО ПОВОДУ ЕЯ 25-ТИ ЛѢТІЯ).

Мысль о губернскихъ публичныхъ библіотекахъ возникла очень рано и принадлежитъ графу Н. С. Мордвинову, который, будучи президентомъ вольно-экономическаго общества, выработалъ проектъ распространенія въ Россіи полезныхъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній посредствомъ публичныхъ библіотекъ. Проектъ этотъ былъ изложенъ въ письмѣ графа къ министру внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскому. Министръ отнесся къ проекту сочувственно и немедленно вошелъ въ сношенія объ этомъ съ губернаторами. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ только получилъ донесенія „о готовности дворянства и купечества содѣйствовать видамъ правительства въ столь полезномъ дѣлѣ“ [1]). Были впрочемъ и такіе, которые отнеслись не такъ оффиціально къ предложенію министра. Такъ напр., смоленскій губернаторъ Н. И. Хмѣльницкій, человѣкъ образованный и писатель, получивши циркуляръ Закревскаго, на собственныя средства и отчасти на частныя пожертвованія устроилъ публичную библіотеку въ Смоленскѣ и для пополненія ея обращался съ просьбой къ писателямъ и издателямъ, между прочимъ къ А. С. Пушкину [2]). Съ такою же просьбой обращался къ нимъ и самъ Закревскій, но получилъ далеко не ото всѣхъ сочувственные отвѣты. Приведемъ два наиболѣе характерныхъ

---

[1]) Энциклопед. лексиконъ, 1836 г., т. V, стр. 514.

[2]) „Къ новоселью одесск. публичн. библіотеки въ Одессѣ“. В. А. Яковлева, 1883 г., стр. 14.

отвѣта, которые заимствуемъ у г. Яковлева[1]). Н. Полевой увидѣлъ въ предложеніи Мордвинова и министра „споспѣшествованіе отеческому просвѣщенію“ и „патріотическое дѣло“, а потому согласился совершенно безплатно пожертвовать въ каждую изъ предполагаемыхъ библіотекъ по пятидесяти экземпляровъ всѣхъ своихъ изданій, въ томъ числѣ и „Московскій Телеграфъ“. Иначе отнесся къ предложенію министра Ѳ. Булгаринъ. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ онъ заговорилъ „о необходимости упрочить сначала бѣдственное положеніе литераторовъ, а потомъ уже обращаться къ нимъ за содѣйствіемъ“, и увѣрялъ, что редакціи потеряютъ отъ пожертвованія болѣе, чѣмъ по 30000 руб., а литераторы, участвующіе въ его журналѣ, даже онъ съ Гречемъ, кусокъ хлѣба. Не ограничиваясь этимъ, онъ напалъ на самого Мордвинова, упрекалъ его „въ пожертвованіи чужаго добра, въ разладѣ его мнѣнія съ дѣломъ и въ заключеніе обозвалъ его даже любимцемъ фортуны“[2]). Такъ отнеслись къ предложенію представители русской прессы, образованной части русскаго общества. Если среди нихъ могли имѣть мѣсто люди, подобные Булгарину, то что же говорить о другой гораздо большей части общества, отъ которой, собственно говоря, главнымъ образомъ, и зависѣло осуществленіе проекта графа Н. С. Мордвинова. Одни, подобно Хмѣльницкому, принялись за дѣло горячо, другіе—нехотя, ex officio, а въ результатѣ оказалось, что „многія изъ открытыхъ въ тридцатыхъ годахъ библіотекъ вскорѣ прекратили свое существованіе, другія же существовали даже—только на бумагѣ“[3]). Что представляли собой существовавшія такимъ образомъ библіотеки, можно судить по слѣдующему извѣстію объ одной изъ такихъ библіотекъ: „Во многихъ городахъ губернскихъ и уѣздныхъ давно положено основаніе

---

[1]) Ibid., стр. 13.

[2]) На этомъ письмѣ А. Закревскій написалъ: „Не ожидалъ отъ него такого отвѣта, а тѣмъ болѣе съ укоризною другихъ; могъ просто отказаться и тѣмъ дѣло кончено, но давать нравоученія не его дѣло. Очень сожалѣю, что къ нему обращался“. В. Иконниковъ. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, Спб. 1873 г., стр. 494. Отъ Булгарина, впрочемъ, этого должно было ожидать.

[3]) „Къ новоселью городск. публичн. библ.“ Яковлева, Одесса, 1883 г., стр. 14.

библіотекамъ, составлявшимся впрочемъ рѣдко съ цѣлью общественной. Сюда складывались частными жертвователями собранія книгъ сомнительнаго достоинства, устарѣвшихъ и вообще книги почему бы то ни было ненужныя тому, кто ихъ складывалъ..... Самыя библіотеки были „публичныя“ только по отчетамъ. Труденъ ли былъ доступъ къ нимъ, или виною тому равнодушіе общества? Намъ кажется и то, и другое. Около 10 или 12 лѣтъ назадъ, въ одномъ изъ старыхъ городовъ, намъ никакъ не удалось проникнуть въ существовавшее тамъ книгохранилище, хотя мы знали, что оно находится при дворянскомъ собраніи и дѣйствовали черезъ лицо, высоко стоявшее въ обществѣ“ [1]). Въ тридцатыхъ годахъ существовала также библіотека въ Житомірѣ, но что она изъ себя представляла, какія въ ней были книги, наконецъ куда исчезли эти книги, мы положительно не знаемъ. Изъ статьи „Куда дѣвалась бывшая въ Житомірѣ публичная библіотека“, мы только узнали, что пользовались книгами безплатно и что ни одна изъ книгъ не вошла въ составъ существующей въ настоящее время библіотеки [2]). Такое печальное положеніе библіотекъ, впрочемъ, вполнѣ понятно: еще въ 50-хъ годахъ такіе народолюбцы, какъ Даль, были даже противъ народной грамотности [3]).

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ начинаютъ опять раздаваться особенно часто голоса, настаивающіе на необходимости учрежденія библіотекъ не только въ губернскихъ городахъ, но даже селахъ, почти во всѣхъ газетахъ и журналахъ печатаются свѣдѣнія и извѣстія объ открывающихся и уже открытыхъ библіотекахъ [4]), обсуждается степень важности и значенія такихъ учрежденій. Причины, выставляемыя pro и contra, интересны въ томъ отношеніи, что прекрасно рисуютъ среду, представитель которой брался за обсужденіе этого вопроса. Всѣхъ разсужденій такого рода мы приводить не будемъ, ука-

---

[1]) Самарск. Губ. Вѣдом. 1859 г., № 6, стр. 47.

[2]) Волынск. Губ. Вѣдом.

[3]) „Вѣстн. Европы“ 1884 г., т. VIII, стр. 676.

[4]) „Указатель библіотекъ въ Россіи“ г. Геннади, Спб. 1864 г.; „Сѣверн. Почта“ 1864 г., № 119 и стр.

жемъ лишь наиболѣе характерныя, около которыхъ группируются, съ которыми по основной мысли схожи всѣ другія. Одни, напримѣръ, говорили: „Теперь въ провинціальныхъ городахъ общественныхъ развлеченій весьма мало. Въ праздникъ, напримѣръ, при выходѣ изъ церкви, послѣ литургіи вы всегда увидите десятки физіономій съ выраженіемъ недоумѣнія. Оно заключается въ вопросѣ: куда дѣваться съ временемъ до обѣда? Вотъ тутъ то и необходимо общественное мѣсто, гдѣ можно было пріятно и съ пользой провести дообѣденный часъ, *и этимъ мѣстомъ ничто иное можетъ быть, какъ библіотека.* За неимѣніемъ такого убѣжища, провинціальные жители отправляются, одни на рынокъ, гдѣ пересматриваютъ вывезенный для продажи разный хламъ..., другіе отправляются къ знакомымъ и тамъ тотчасъ, послѣ выпивки и закуски, садятся за карты. Тутъ забывается все: семья, напрасно ожидающая къ обѣду, потребности завтрашняго дня, обязанности и часто проигрывается доходъ не только одного мѣсяца, но и цѣлаго года. Чиновникъ, получившій жалованье, не всегда можетъ быть увѣренъ, что онъ принесетъ его домой, потому что, еслибы онъ самъ и не захотѣлъ зайти, то зазовутъ его, да и скука загонитъ поиграть въ карты. И какое его потомъ ожидаетъ положеніе: цѣлый мѣсяцъ безъ денегъ, долженъ занимать, унижаться—и по необходимости, если встрѣтится случай, лихоимствовать. Карточная игра неразлучна съ виномъ: одни пьютъ для храбрости, другіе отъ горя, при несчастьи, третьи отъ радости, при счастьи. При этомъ еще непремѣнно принуждаютъ пить другъ друга: нигдѣ такъ охотно не имѣютъ дѣла съ пьяницами, какъ въ картахъ... При существованіи же въ городѣ библіотеки дѣло шло бы совершенно иначе“ [1]). Другіе же, болѣе далекіе отъ картъ, выпивокъ и тому подобныхъ развлеченій относились къ дѣлу нѣсколько иначе. „Многіе, говорили они, жаждутъ чтенія, но всѣ они, большей частью, или не имѣютъ средствъ выписывать журналы и газеты, или, если и имѣютъ средства, то не имѣютъ охоты платить дорогія цѣны за журналы и другія періодическія изданія, чтобы

[1]) С.-Петербургск. Вѣдом., 1859 г., № 263, стр. 1170.

по прочтеніи отложить ихъ въ сторону и оставить навсегда безъ употребленія и потому остаются людьми отсталыми, не идущими въ уровень съ современностью"[1]). Были также люди еще болѣе серьезно смотрѣвшіе на библіотеки, видѣвшіе въ этихъ учрежденіяхъ „пособіе для научныхъ занятій въ пользу края" и „единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ народной массѣ"[2]). Послѣднихъ, конечно, было очень немного. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ. Для насъ важно установить тотъ фактъ, что вопросъ о библіотекахъ разсматривался со всѣхъ сторонъ, былъ признанъ всѣми вопросомъ важнымъ, а учрежденіе библіотекъ—дѣломъ необходимымъ. Казалось бы послѣ такого единодушнаго рѣшенія послѣдуетъ не менѣе единодушное открытіе библіотекъ, но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Библіотеки правда открывались, но далеко не единодушно. Одни, напримѣръ, радовались, что „библіотеки открываются уже мало по малу и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать ихъ"[3]). Другіе, и такихъ другихъ было, по всей вѣроятности, большинство, признавая значеніе библіотекъ, ихъ важность и пользу, относились къ этому дѣлу слишкомъ индифферентно: „Да не соблазняютъ не коротко знакомыхъ съ провинціальной жизнью пышныя статьи губернскихъ вѣдомостей объ открытіи публичн. библіотекъ и высказанномъ при этомъ горячемъ участіи губернскаго или уѣзднаго общества:—горячее участіе это не продолжается далѣе горячаго обѣда, за которымъ высказывается, и скоро простываетъ, такъ что пожертвованія, предложенныя въ пылу воодушевленія, произведеннаго тостами, потомъ обращаются, вмѣсто библіотеки, на предметы болѣе существенные, напримѣръ улучшеніе буфета (въ примѣчаніи: „фактъ не вымышленный"[4]). Нѣкоторые же относились съ ироніей къ самой мысли открытія библіотекъ: „Намъ случилось, говоритъ одинъ изъ такихъ господъ, бесѣдовать съ однимъ человѣкомъ, власть

---

[1]) Черниговск. Губ. Вѣдом., 1859 г., № 42, стр. 316

[2]) Основа, 1861 г., іюль, стр. 145.

[3]) Дѣло идетъ объ открытіи библіотекъ въ станицахъ: Усть-Медвѣдицкой, Нижне-Чирской и Урюпинской.—Донск. Войсков. Вѣдом., 1861 г., № 20.

[4]) Кіевскій Телеграфъ 1859 г., № 38, стр. 164.

имѣющимъ", о провинціальной жизни вообще и о просвѣщеніи въ уѣздныхъ городахъ въ частности. Онъ говорилъ между прочимъ: „Я убѣжденъ, что доколѣ въ каждомъ городѣ не будетъ публичной библіотеки, дотолѣ просвѣщеніе не двинется впередъ, поэтому и употребляю всѣ усилія, чтобы открывались библіотеки". Съ человѣкомъ власть имѣющимъ спорить намъ не приходилось....... Наилучшимъ образомъ составленныя библіотеки не послужатъ ни къ чему". Для автора этой замѣтки (Арк. Эвальда) кажется страннымъ, какъ это „точно чудомъ, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, окажутся способными наши почтенные граждане читать и понимать „Русскій Вѣстникъ", который и образованному то, но не вполнѣ, дается не совсѣмъ легко" [1]). Положимъ, что это мнѣніе лица, которому даже „Русскій Вѣстникъ" дается „не совсѣмъ легко", но во всякомъ случаѣ это—„писатель", представитель извѣстной партіи, а потому и съ мнѣніемъ его приходится считаться. Причина такого страннаго на первый взглядъ отношенія къ мысли, признанной всѣми чрезвычайно важной, уже въ то время находила себѣ совершенно вѣрное объясненіе. По нашему мнѣнію, справедливо объясняли это явленіе недостаткомъ вниманія къ общественнымъ интересамъ, неумѣніемъ соединиться для общаго дѣла, недостаточностью энергіи частной инииціативы. „Каждый изъ насъ, говорили, ждетъ, чтобы само правительство приняло на себя исполненіе всякаго общеполезнаго предпріятія или явился какой нибудь благодѣтель, который одинъ пожертвовалъ бы своимъ капиталомъ для общаго блага" [2]). Правительство, дѣйствительно, оправдало надежды общества и почти цѣликомъ взяло на себя это дѣло. Такимъ образомъ публичныя библіотеки въ нашихъ губернскихъ городахъ пережили два періода: 1) время до 60-хъ годовъ, когда библіотеки возникали по частному почину и 2) послѣ 60-хъ—періодъ административный, въ который была основана большая часть библіотекъ, существующихъ до настоя-

---

[1]) Московск. Вѣдом., 1860 г., № 205, стр. 1624.

[2]) Молва, 1857 г. № 21, стр. 250; Книжн. Вѣстн., 1860 г, № 17—18, стран. 206.

щаго времени. Въ своемъ бѣгломъ очеркѣ, который мы сочли нужнымъ предпослать замѣткѣ о житомірской библіотекѣ для того, чтобы поставить открытіе и вообще исторію библіотеки въ Житомірѣ въ связь съ открытіемъ библіотекъ въ Россіи, со всеобщимъ стремленіемъ къ образованію, мы конечно не могли дать полной исторіи библіотекъ въ Россіи, хотя такая исторія была бы чрезвычайно интересна и поучительна, какъ мѣрило развитія всего русскаго общества. Не могли же мы взяться за такой трудъ, благодаря недостатку подготовительныхъ работъ по этому вопросу и общихъ замѣтокъ по исторіи отдѣльныхъ библіотекъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены сообщить нѣсколько данныхъ о житомірской библіотекѣ, наиболѣе намъ извѣстной, оканчивающей 25-лѣтній періодъ своего существованія, надѣясь этимъ подготовить и облегчить работу будущаго изслѣдователя по общей исторіи русскихъ библіотекъ.

Житоміръ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ ничѣмъ не выдавался изъ среды другихъ губернскихъ городовъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ „не выдерживалъ, по выраженію одного путешественника, ни малѣйшаго соперничества съ метрополіями другихъ провинцій“ [1]). Здѣсь не было ни порядочныхъ мостовыхъ [2]), ни сноснаго освѣщенія, ни даже гостинницъ, а пріѣзжающіе останавливались въ частныхъ еврейскихъ домахъ, носившихъ названіе „станцій“ [3]), которое удержалось и до настоящаго времени. Жителей за этотъ періодъ времени въ Житомірѣ было отъ 30 до 40 тысячъ при чемъ и эти 30, 40 тысячъ представляли изъ себя замѣчательную „смѣсь племенъ, народовъ, состояній“. Здѣсь были и поляки, и русскіе, евреи, татары и нѣмцы [4]). Все это—населеніе, имѣвшее между собой слишкомъ мало общаго, почти ничего.

---

[1]) Сынъ Отечества: „Изъ поѣздки въ Житом.“ Ив. Мещерина. 1865 г., № 235.

[2]) „Kilka ulic brucowanych, reszta pozbawiona nawet trotuarów“—Wołyń i jego mieczkańce w r. 1863, przez F. N. Drezno 1870 r., стр. 17.

[3]) Сѣверн. Пчела, 1850, № 193.

[4]) Wołyń, przez F. N, стр. 68; „.... Wołyń zajmując sam środek ziem Ruskich, liczy, pomiędzy swoimi mieszkańcami największy procent Rusinów; po nich idą ze względu na liczbę Żydzi, dalej Rossyanie, Niemcy, Holendrzy i Tatary“.

Поляки, будучи даже въ это время народомъ сравнительно болѣе образованнымъ, съумѣли поставить себя во главѣ общества, такъ что чиновники, пріѣзжавшіе сюда на службу изъ великорусскихъ губерній, въ скоромъ времени усваивали польскій языкъ [1]), считавшійся тогда „паньскимъ“ [2]), старались сблизиться съ польской интеллигенціей. И въ этомъ стремленіи нѣтъ ничего удивительнаго. Среди пріѣзжихъ чиновниковъ, а также и мѣстныхъ жителей, встрѣчались сплошь и рядомъ люди образованные, для которыхъ нужно было подходящее общество, подходящія развлеченія, нѣсколько отличныя отъ тѣхъ, за которыми убивала свои досуги другая часть житомірцевъ. Скорѣе всего они могли найти искомое среди поляковъ, для чего конечно нужно было знать польскій языкъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ кого состояло въ это время житомірское общество? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ одной изъ газетъ: „Житомірское общество, говоритъ газета, состоитъ изъ домовладѣльцевъ преимущественно поляковъ и евреевъ,—изъ евреевъ торговцевъ (безучастныхъ и къ лунѣ и къ солнцу),—изъ такъ называемаго низшаго слоя общества, которому не до общественныхъ дѣлъ и, наконецъ изъ самой образованной части общества—чиновниковъ, учителей и другихъ,—если такъ можно выразиться, служилыхъ людей. Почти всѣ служилые люди—русскіе. Какія побудительныя причины заставили этотъ людъ переселиться сюда—съ точностью опредѣлить трудно. Иные пріѣхали изъ убѣжденія—какъ важно пребываніе въ этомъ краѣ русскихъ образованныхъ людей (единицы); другіе—по странной игрѣ случая (десятки) и, наконецъ третьи—изъ разсчета на 50% добавку къ жалованью (сотни)“ [3]). По своему образованію и развитію выше всѣхъ этихъ группъ стояла польская. У нея былъ

Тѣ же народности только въ меньшемъ количествѣ находимъ и въ Житомірѣ. См „Экономистъ“ 1859 г.. т. II, кн. I, отд. III, стр. 15.

[1]) Volyń. przez. F. N., стр. 69.

[2]) С. Д. Рафаловичъ, жительница Житоміра, хорошо помнящая это время, передавала намъ, что служанка ея, деревенская дѣвушка, удивлялась, „що паны межъ собою говорять по мужыцьки (т. е. по русски), а съ слугамы по паньски“.

[3]) С. Петербургск. Вѣдом., 1867 г., № 12.

свой театръ, существовавшій очень давно (помѣщался на Бердичевск. ул.). Въ этомъ театрѣ, который уже въ 1850 г. былъ *ветхимъ*, давала свои представленія на польскомъ языкѣ труппа г-жи Зѣлинской[1]). Въ 1858 г. въ Житомірѣ былъ построенъ новый театръ, существующій и до настоящаго времени,—очень красивое и сравнительно обширное зданіе. „Жаль только, говоритъ одинъ изъ людей, знакомыхъ съ житомірской жизнью, что со дня его открытія никогда не было порядочной труппы и г.г. антрепренеры больше заботились о труппѣ польской, нежели русской, которая никогда не была въ блестящемъ состояніи" [2]). Фактъ этотъ какъ нельзя лучше доказываетъ ту невысокую степень развитія русской части житомірскаго общества, благодаря которой русскій театръ находился въ жалкомъ состояніи и „кое какъ слѣпленная труппа, несущая сценическій трудъ съ спеціальной цѣлью быть сытой... не удовлетворяла самымъ умѣреннымъ запросамъ вкуса" [3]). Да какъ ей было и „удовлетворять", если въ этомъ удовлетвореніи никто не нуждался, если „узелъ наслажденія житомірскаго бомонда сложившагося изъ чиновничьихъ семействъ завязывался и развязывался въ гостинныхъ здѣшнихъ корифеевъ, гдѣ тянется копѣечный король за ухо и приносятся жертвы Терпсихорѣ" [4])... Такая характеристика житомірскаго общества подтверждается также состояніемъ книжной торговли въ Житомірѣ. Въ это время здѣсь было „нѣсколько книжныхъ лавочекъ, но только польскихъ и французскихъ"... Русскихъ книгъ въ продажѣ не было и „жители должны пополнять недостатокъ выпиской изъ столицъ. Между тѣмъ въ Житомірѣ могла бы существовать книжная лавка, только для успѣха нужно соединить вмѣстѣ русскія, польскія, нѣмецкія и французскія книги" [5]). Велико-же должно быть число „жителей", желавшихъ пополнять недостатокъ въ русскихъ книгахъ выпиской ихъ изъ столицъ, если русскихъ

[1]) Сѣверн Пчела 1850 г., № 193.

[2]) Кіевскій Телеграфъ 1863 г., № 69.

[3]) Сынъ Отечества 1865, № 235.

[4]) Ibid.

[5]) Экономистъ, 1859 г., т. II, кн. I, отд. III, стр. 29.

книгъ даже въ „продажѣ не было“ и если для существованія русской книжной лавки необходимо было набить ее книгами на всѣхъ языкахъ. Изъ сказаннаго видно, насколько польская часть общества по своему развитію и образованію стояла выше русской. Такимъ образомъ, русское общество должно было разбиться на двѣ части: одна часть, болѣе образованная, не находя себѣ удовлетворенія въ условіяхъ житомірской жизни русскаго человѣка, примыкала къ полякамъ, другая-же отдалялась отъ нихъ и существовала, убивая время за картами, попойками и т. п. занятіями. И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ, когда „житомірскій бомондъ, сложившійся изъ чиновничьихъ семей“ „тянулъ за ухо копѣечнаго короля“ и „приносилъ жертвы Терпсихорѣ“, представитель этого бомонда, волынскій губернскій предводитель дворянства Микуличъ получилъ слѣдующее письмо отъ графа В. Плятера, перепечатанное потомъ во многихъ газетахъ и журналахъ: „М. Г.! Съ нѣсколько необыкновенной просьбой, писалъ графъ Плятеръ, я обращаюсь къ вамъ; но мысль постоянно меня занимающая, ревностное желаніе сдѣлать добро для своего края, заставляютъ меня вѣрить, что мое настоящее намѣреніе найдетъ у васъ и покровительство, и сочувствіе. Давно уже я намѣревался собрать разныя пособія для научныхъ занятій въ пользу нашего края. Просвѣщеніе въ странѣ есть первый и единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ цѣлой массѣ; пока оно задержано, пока не вполнѣ развилось, до тѣхъ поръ всѣ усилія нѣсколькихъ человѣкъ не могутъ разбудить остальныхъ отъ бездѣйствія. Понимая эту простую мысль и зная, что только настоящее образованное общество можетъ оставить неизгладимое вліяніе на своей эпохѣ,—*я посылаю вамъ планъ публичной библіотеки.* Надѣюсь, что мысль моя не останется заброшенной, и я встрѣчу къ ней доброе вниманіе ваше. Нашъ императоръ милостиво заботится о распространеніи просвѣщенія; мы постоянно видимъ новыя учрежденія; замѣтки въ русскихъ газетахъ указываютъ на проектированныя библіотеки по всѣмъ городамъ имперіи. Ужели одни мы должны отступать и исчезать въ тѣни? Считая, что тридцатилѣтнее существованіе есть наименьшая проба для убѣж-

денія въ пользѣ извѣстнаго учрежденія (потому что только по прошествіи этихъ лѣтъ можно сказать, что оно годится и должно существовать, или же рука основателей отшатнется отъ него, какъ отъ дѣла пустаго и—чего не дай Богъ, безплоднаго), я желалъ бы, чтобы сдѣлали тридцатилѣтнюю складку на публичную библіотеку въ Житомірѣ. Я полагаю, что 3500 руб. въ годъ (3000 съ губерніи и 500 съ города) достаточны на усовершенствованіе и постоянное ея содержаніе (наемъ дома, отопленіе, библіотекарь и его помощникъ, прислуга), эти 3500 руб.—небольшая сумма на 1300 кв. миль губерніи; если отнимемъ отъ этой цифры казенныя имѣнія, все таки на остальное 3000—не много. Въ случаѣ какихъ нибудь неожиданныхъ перемѣнъ, или распоряженій правительства, складка прекращается теперь-же, или по истеченіи нѣкотораго времени, а пріобрѣтенныя вещи могутъ быть проданы въ пользу общества или съ благотворительною цѣлью. Но, желая поскорѣе видѣть начало этого учрежденія, (котораго будущую судьбу представляю вашему покровительству), я отдаю во временное владѣніе библіотеки, послѣ первой складки, часть моей библіотеки—7000 томовъ. Если состояніе ея упрочится, я охотно увеличу свой вкладъ; но въ случаѣ какихъ нибудь перемѣнъ или по прошествій тридцати лѣтъ, я хочу, чтобы начальники края дали мнѣ ручательство, что книги будутъ мнѣ возвращены въ цѣлости. Я полагаю, что и другіе не отказались бы способствовать основанію библіотеки одолженіемъ книгъ лѣтъ на десять, на пятнадцать, или по желанію вкладчика,—по истеченіи которыхъ они должны быть возвращены къ прежнему владѣльцу, его роднымъ или наслѣдникамъ. Г.г. Левковичи обѣщали даже подарить библіотекѣ собраніе картинъ, а я предлагаю только одолженіе на время. Нѣкоторые менѣе важные вопросы по этому предмету легко можно было бы уяснить потомъ. Теперь прошу васъ покорнѣйше, м. г., чтобы извлеченіе изъ моего письма или цѣлое письмо разослать г.г. уѣзднымъ предводителямъ дворянства и другимъ помѣщикамъ извѣстнымъ по благороднымъ стремленіямъ и благоразумнымъ намѣреніямъ. Ваше сочувствіе и участіе можетъ довольно скоро привести дѣло къ окончанію, а

наше правительство теперь вѣрно препятствовать не будетъ. Свѣтлую и дорогую память оставили бы вы, м. г., въ краѣ, осуществивъ мое скромное намѣреніе, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ могло бы принять большіе размѣры; по крайней мѣрѣ прошу васъ дать ходъ этой мысли" [1]).

Симпатичное письмо графа Плятера произвело свое дѣйствіе и гг. Микуличъ и Невмѣржицкій, особенно послѣдній, на первыхъ порахъ горячо взялись за это дѣло, хотя въ концѣ концовъ тотъ-же Невмѣржицкій, бывшій въ это время уѣзднымъ предводителемъ дворянства житомірскаго уѣзда, назвалъ это дѣло пустякомъ [2]). „Библіотека не состоялась, замѣчено по этому поводу въ „Основѣ", и гг. Невмѣржицкій и Микуличъ могутъ утѣшать себя тѣмъ, что имена ихъ долго не забудутся и въ Житомірѣ, и въ литературѣ". Врядъ ли, впрочемъ, виноваты здѣсь Микуличъ и Невмѣржицкій въ той степени, какую имъ приписываетъ авторъ статьи. „Сочувствуя мысли графа Плятера, многіе изъявили готовность, говоритъ тотъ-же авторъ, пожертвовать для общественной пользы свои библіотеки, музеи, картины.... Значитъ и начало было и сочувствіе общества.... и все таки библіотека не состоялась, потому что встрѣтила въ тѣхъ, кому сначала была предложена,—странное непониманіе и даже недоброжелательство". Намъ кажется, что при всемъ своемъ „недоброжелательствѣ" и „непониманіи", хотя этого нельзя сказать о Невмѣржицкомъ, эти два человѣка не могли бы остановить дѣла, къ которому сочувственно отнеслось общество и начало которому было уже положено. Очевидно, что и часть общества и г. Невмѣржицкій, „взявшійся сначала, по словамъ корреспондента, охотно помогать дѣлу", боролись нѣкоторое время съ равнодушіемъ большинства и въ концѣ концовъ оставили это дѣло, назвавши его „пустякомъ". Но пустякомъ здѣсь была названа не идея, а желаніе осуществить ее въ Житомірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, много ли было здѣсь людей образованныхъ, которые могли бы сознательно отнестись къ идеѣ графа Пля-

[1]) Основа 1861 г. іюль, стр. 145 и сл.

[2]) Ibid.—Кіевск. Телеграфъ, 1860, № 55.

тера и своимъ сочувствіемъ поддержать это дѣло? Раньше мы уже имѣли случай замѣтить [1]), что самую образованную часть общества составляли поляки и небольшой кружокъ русскихъ, примкнувшихъ къ полякамъ. Польская часть общества не нуждалась въ такомъ учрежденіи, да кромѣ того была занята въ это время своими дѣлами. Это было время польскаго возстанія, подготовительныя работы къ которому начались еще съ 50-хъ годовъ. Главной цѣлью всѣхъ этихъ работъ было—возможно тѣсное сближеніе всѣхъ классовъ польскаго общества между собой. Средоточіемъ работъ на Волыни былъ г. Житоміръ. Здѣсь являются разнаго рода благотворительныя учрежденія, какъ напр. общество благотворительности, учредившее ремесленную школу, общество Качковскаго, имѣвшее свою типографію и выпускавшее дешевыя польскія изданія для распространенія въ народѣ, общество врачей, агрономическое общество, представлявшее собой сколокъ съ такого-же общества, учрежденнаго въ Варшавѣ спустя нѣсколько дней послѣ 19 февр. 1861 г. [2]) и др. Въ это-же время, въ Житомірѣ строился памятникъ Мицкевичу [3]). Результатомъ такой дѣятельности явились тѣ манифестаціи, о которыхъ еще сохранились у мѣстныхъ старожиловъ живыя воспоминанія и которыя тогда-же были занесены на страницы нѣкоторыхъ изданій [4]). Все это, конечно, не могло не отвлекать поляковъ отъ осуществленія мысли гр. Плятера. Что касается до остальной части общества, то она не обратила даже вниманія на проектъ, къ котому отнеслась такъ же, какъ нѣсколько позже къ правительственной библіотекѣ „Кто у насъ, спрашиваетъ какой то мѣстный житель, читаетъ русскіе книги? Ужъ никакъ не поляки или ополяченные жильцы житомірскіе: они если и читаютъ что, такъ развѣ такія изданія, какъ консервативные листки

---

[1]) См. ссылку № 26 и 27.

[2]) Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865 a., par Alexandre de Moller, Paris 1865 a., p. 239.

[3]) Спб. Вѣдом. 1860 г., № 148, стр. 762. Единственная замѣтка, которую намъ удалось найти объ этомъ памятникѣ.

[4]) „Житоміръ въ 1861 въ 1866 годахъ“, см. „Русск. Вѣстн. 1866 г., т. 61, стр. 585 и сл.

„Вѣсти,“ какъ разъ приходящіеся по здоровой головѣ пана-поляка. Евреи тоже не особенные любители чтенія: громаднѣйшая часть ихъ дальше своихъ кармановъ ничего не видитъ и не желаетъ видѣть (мы не говоримъ о здѣшнемъ раввинскомъ училищѣ, которое даетъ достаточное количество читателей). Третій, низшій слой въ погонѣ за насущнымъ хлѣбомъ даже не знаетъ, существуютъ ли на свѣтѣ библіотеки и что такое за чудовища эти библіотеки. Остается, значитъ, четвертая часть. Для нея и предназначалась русская библіотека, какъ средство къ удовлетворенію ихъ умственнаго запроса. Но эта часть общества (служилые люди) отнеслась, если не враждебно, то въ высшей степени индифферентно къ библіотекѣ, какъ это показало празднованіе годовщины“ [1]). Значитъ гг. Микуличъ и Невмѣржицкій здѣсь не причемъ, а виноваты исключительно: во первыхъ, неразвитость русской части общества, а во вторыхъ страшная рознь между различными элементами, изъ которыхъ состояло въ это время житомірское общество. Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что библіотека не была открыта и проектъ графа Плятера не осуществленъ.

Польскій мятежъ нѣсколько измѣнилъ дѣла въ юго-западномъ краѣ, заставилъ правительство отнестись нѣсколько иначе къ полякамъ и позаботиться объ увеличеніи въ странѣ русскаго вліянія. Для этого оно воспользовалось тѣми-же средствами, какія употребляли поляки для развитія польскаго. Правительство начало устраивать школы, издавать книги, выдавать субсидіи нѣкоторымъ мѣстнымъ русскимъ органамъ, открывать библіотеки. Единственной цѣлью всѣхъ этихъ мѣръ было „противодѣйствіе полонизму и поддержаніе русскаго дѣла: сколь возможное усиленіе русскаго элемента, расширеніе его вліянія и т. д., словомъ то, что называютъ обрусеніемъ края“ [2]) Библіотекамъ юго-западнаго края придавалось такимъ образомъ большое значеніе, на нихъ возлагалась большая миссія, а потому и открывались

[1]) С.-Петербургск. Вѣдом. 1867 г., № 112.

[2]) С.-Петербургск. Вѣд. 1867 г., № 112. Тотъ же взглядъ приводится и въ статьѣ: „О публичн. библіот. въ уѣздн. городахъ:“ „... Уѣздныя библіотеки, хорошо устроенныя могутъ быть въ рукахъ правительства сильнымъ политическимъ ору-

онѣ не такъ легко, какъ раньше, слишкомъ осторожно [1]). Въ Житомірѣ была открыта библіотека въ одно время съ кіевской и каменецъ-подольской по мысли ген.-губернатора Анненкова [2]). Предварительно, въ письмѣ отъ 11 апр. 1864 г., начальникъ края высказалъ волынскому губернатору М. И. Черткову свои мысли относительно учрежденія библіотеки въ Житомірѣ „для поддержанія и развитія въ населеніи образованія на началахъ русской народности", просилъ изыскать средства для осуществленія этой мысли. Чертковъ взялся за дѣло горячо и въ скоромъ времени сообщилъ Анненкову свой проектъ. „Помѣстить ее предположено въ лѣвомъ флигелѣ при губернаторскомъ домѣ, и на приспособленіе помѣщенія предполагалось 500 руб.; первоначальное-же обзаведеніе библіотеки, по приложенному разсчету, требовало около 2800 руб. Разсчитывая, что при недостаточности средствъ здѣшняго русскаго просвѣщеннаго общества и при малой его численности" сборъ добровольныхъ пожертвованій не будетъ превышать и 800 руб.,—слѣдовательно недостающую сумму „придется позаимствовать изъ иного источника,"—губернаторъ заключаетъ свои соображенія мнѣніемъ, что учрежденіе библіотеки „настолько полезно, что если правительство будетъ дѣлать на нее нѣкоторую затрату,—сумма на этотъ предметъ окупится пользою, которую принесетъ библіотека" [3]). Генералъ-губернаторъ представилъ эти соображенія въ министерство внут-

---

діемъ для повсемѣстнаго въ городахъ водворенія русскаго образованія и руководства умовъ въ данномъ направленіи..." Виленск. Вѣстн. 1866 г.. № 14. Также Кіевлянинъ 1864 г., № 23 и мн. др.

[1]) Любопытна судьба слонимской библіотеки, которой авторъ замѣтки не „осмѣливается" назвать *публичной.* Библіотека эта была устроена кружкомъ православн. священ. по иниціативѣ мироваго посредника (Виленск. Вѣстн. 1866 г., № 66). „На первыхъ порахъ, сказано въ статьѣ, имъ хотѣлось дозволить и другимъ русскимъ участвовать въ этой складчинѣ и сдѣлать библіотеку доступною для всѣхъ; но это не было дозволено администраціей изъ опасенія, чтобы въ эту складчину не втерлись и поляки, которые самое благое и чистое учрежденіе могли постараться обратить въ политическій клубъ и въ орудіе своей пропаганды". Виленск. Вѣстн. 1866 г., № 14.

[2]) Кіевлянинъ, 1864 г., № 8, стр. 3[illegible].

[3]) „Десять лѣтъ Житомірской Публичной Библіотеки." И. Рудченко, Житоміръ, 1876 г., стр. 5 и сл.

ренних дѣлъ, испрашивая на учрежденіе русской публичной библіотеки—единовременнаго фонда и ежегодныхъ субсидій, а губернатору въ видахъ усиленія средствъ библіотеки предложилъ пригласить жителей къ посильнымъ пожертвованіямъ деньгами и книгами [1]). Проектъ встрѣтилъ одобреніе въ Петербургѣ и, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало уже высочайшее соизволеніе на отпускъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для осуществленія проекта публичныхъ библіотекъ. Средства эти разрѣшено выдать въ тѣхъ размѣрахъ, какіе указаны были, по приблизительнымъ соображеніямъ, генералъ-адъютантомъ Анненковымъ. Для первоначальнаго устройства трехъ библіотекъ (житом., кіевск., подольской) ассигновано 9000 руб., для поддержанія ихъ и дальнѣйшаго укомплектованія въ теченіи трехъ лѣтъ разрѣшено выдавать въ видѣ субсидій отъ 1000 до 2000 р. с. на каждую библіотеку ежегодно [2]). Такимъ образомъ, правительство положило твердое основаніе библіотекѣ въ Житомірѣ. Необходимы однако были еще сочувствіе и помощь самого общества. „Какъ ни щедро назначеніе отъ правительства, говорилъ губернаторъ, справедливость и польза дѣла, требуютъ, чтобы и городское общество приняло въ немъ участіе добровольными пожертвованіями.“ Однако, общество, на которое возлагались такія надежды, и теперь осталось вѣрнымъ самому себѣ и выказало полнѣйшее равнодушіе, какъ къ библіотекѣ, такъ и къ призыву губернатора [3]). Это показало какъ нельзя лучше празднованіе годовщины библіотеки: „Здѣсь предполагался выборъ новыхъ членовъ, но желающихъ оказалось всего 23—25 человѣкъ. Всего было собрано пожертвованій 426 руб.“ [4]). Да кромѣ того, еще большой вопросъ, дѣйствительно ли эти нѣсколько членовъ sua sponte желали быть членами. Съ увѣренностью можно сказать—нѣтъ, и вотъ почему. Губернаторъ, какъ попечитель библіотеки, ежегодно обращался къ служащимъ лицамъ съ приглашеніемъ записаться въ члены

[1]) Кіевлянинъ, 1864 г., № 8, стр. 31.

[2]) Кіевлянинъ, 1864, № 23, стр. 92.

[3]) Волынск. Губернск. Вѣдомости, 1866 г., № 33, стр. 254.

[4]) С.-Петербургск. Вѣдом. 1867 г., № 112.

ея. Съ 1869 года самъ комитетъ библіотеки сталъ разсылать въ присутственныя мѣста такого рода приглашенія. Волей не волей, приходилось значитъ „выражать желаніе". Мѣра эта, говоритъ г. Рудченко,—скажутъ нѣкоторые, отзывается какимъ-то зазываніемъ, напрашиваніемъ. Быть можетъ это отчасти и справедливо, но, тѣмъ не менѣе, мѣра эта, при нашихъ условіяхъ жизни необходима. Безъ нея, при нашей разрозненности, при отсутствіи сознанія общихъ интересовъ, библіотека, *или вовсе не имѣла бы членовъ, или же имѣла бы такое незначительное число, какимъ неоднократно жаловалась библіотека въ Кіевѣ* [1]). Такимъ образомъ, не смотря на правительственную субсидію, библіотекѣ пришлось бороться съ индифферентизмомъ общества; только теперь это уже было не такъ трудно и мало по малу библіотека одержала верхъ.

Открылась библіотека для публики однако не сейчасъ по утвержденіи проекта, такъ какъ не было еще приготовлено помѣщеніе, недоставало нѣкоторыхъ необходимыхъ книгъ, библіотекаря. Что касается до помѣщенія, то въ пользу библіотеки предоставленъ былъ губернаторомъ одинъ изъ флигелей, принадлежащихъ губернаторскому дому, въ которомъ библіотека помѣщается и въ настоящее время. Это была чрезвычайно важная поддержка, особенно на первыхъ порахъ, когда средствъ библіотеки едва хватало на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ ея нуждъ [2]). Когда все было болѣе или менѣе устроено, получены выписанные журналы и газеты на 1866 г., 10-го апрѣля 1866 г. библіотека была открыта: „въ присутствіи многочисленной публики, говорится въ отчетѣ, состоящей изъ лицъ всѣхъ сословій, со-

[1]) „Десять лѣтъ Жит. Пуб. Библ.", стр. 14. Въ первый годъ существованія кіевск. библ. имѣла болѣе 60 членовъ, а въ 1871—2 г.,—всего 3, въ 1876—одного (Кіевлянинъ, 1876 г., № 51).

[2]) Волынь, 1889 г., № 47. „Должно сказать правду, говорится въ отчетѣ за 1885 г., что безъ субсидіи правительства и даровой квартиры... существованіе библіотеки было бы крайне шаткое, не обезпеченное и она, истративши накопленныя ею средства, годъ за годомъ приходила бы въ упадокъ и городъ лишился бы одного изъ самыхъ полезныхъ образовательныхъ учрежденій".

вершено было молебствіе съ водосвятіемъ. Потомъ предсѣдатель распорядительнаго комитета прочелъ рѣчь, въ которой изъяснилъ весь ходъ дѣла по устройству библіотеки, наличныя ея средства и главныя правила для чтенія." Правила эти въ первоначальномъ своемъ видѣ были такого рода. Будучи читальней, житомірская библіотека въ тоже время выдаетъ книги на домъ. Она открыта ежедневно (кромѣ трехъ дней страстной, трехъ святой недѣли, трехъ дней Р. Хр. и новаго года) съ 9 ч. утра до наступленія сумерекъ. Входъ въ нее свободенъ каждому безъ различія пола и званія, кромѣ дѣтей моложе 14 лѣтъ. *За чтеніе въ библіотекѣ никакой платы не полагалось.* Подписчики-же желавшіе брать книги на домъ, уплачиваютъ: подписчики 1-й категоріи на годъ—10 р., на полгода—5 р. 50 к. и въ мѣсяцъ по 1 р.; подписчики 2-й категоріи—годовые по 6 руб., полугодовые—по $3^1/_2$ р. и мѣсячные—по 60 к., за журналы и книги, выдаваемые подписчикамъ суточнымъ, взимается по 10 коп. за каждый томъ въ сутки. Члены-учредители [1]) пользуются правами подписчиковъ 1-й категоріи, а остальные члены—правомъ безплатнаго чтенія въ самой библіотекѣ. Первая категорія подписчиковъ читаетъ текущіе журналы въ первый мѣсяцъ ихъ полученія въ библіотекѣ, а вторая—спустя мѣсяцъ по полученіи. Книги выдаются подписчикамъ: 1-й категоріи не болѣе 3 томовъ въ одинъ разъ, 2-й категоріи—2 томовъ, а однодневнымъ—по одному тому. Текущіе журналы отпускаются по одному номеру, а газеты, глобусы, географическія карты и вообще всѣ справочныя книги на домъ вовсе не отпускаются. Книги, выданныя изъ библіотеки, не могутъ задерживаться болѣе 10 дней, а журналы—одной недѣли. За просрочку положенъ штрафъ: за № журнала—30 к., за книгу—10 коп. въ сутки, и до уплаты причитающагося штрафа подписчикъ теряетъ право получать книги изъ библіотеки. Въ обезпеченіе возврата книгъ и бережнаго съ ними обращенія, под-

---

[1]) Членами библіотеки считаются лица, вносящіе ежегодно по 5 руб., а членами учредителями—внесшіе единовременно 100 руб.

писчики обязаны вносить не менѣе 5 р. залога [1]). Исключеніе допущено только для людей „небогатыхъ“ имъ могутъ быть выдаваемы книги безъ залога, но не иначе, какъ подъ поручительство одного изъ членовъ распорядительнаго комитета. Въ тѣхъ видахъ, чтобы выдача книгъ на домъ не лишала возможности пользоваться текущими новостями въ самой библіотекѣ, установлено: на столѣ, устроенномъ для читателей, должна находиться въ одномъ экземплярѣ послѣдняя книжка всякаго журнала, послѣдній номеръ еженедѣльной газеты и три послѣднихъ №№ ежедневныхъ газетъ, которыя выписываются библіотекою (И. Рудченко, стр. 9 и сл.). Что касается до управленія библіотекой то для этого былъ учрежденъ распорядительный комитетъ изъ 5-ти лицъ: 2-хъ по назначенію губернатора, трехъ, избираемыхъ ежегодно членами изъ своей среды и одного „непремѣннаго“ члена—директора мѣстной гимназіи (съ 1869 г.). Комитету поручены были прежде всего хозяйственныя дѣла, заботы о пополненіи библіотеки, разсмотрѣніе заявленій читателей и наконецъ замѣна или устраненіе нѣкоторыхъ постановленій выработаннаго вначалѣ устава. Непосредственное же завѣдываніе библіотекой возложено было на библіотекаря. Эту должность занялъ И. Шинкевичъ, который въ продолженіи 25-ти лѣтъ безпрерывно занималъ это мѣсто, исполняя массу самыхъ разнообразныхъ дѣлъ: онъ и книги выдавалъ, и велъ счетъ деньгамъ, полученнымъ съ подписчиковъ, дѣлалъ статистическія замѣтки и т. п. Только съ 1885 г. былъ назначенъ ему помощникъ г. Власенко [2]). Дѣятельность комитета за разсматриваемое нами 25-лѣтіе выразилась массой постановленій, изъ которыхъ мы только укажемъ на слѣдующія измѣненія, какъ на болѣе важныя.

1) 8-го іюля 1866 г. постановлено было открывать библіотеку 2 раза: съ 9 до 2-хъ и съ 4-хъ до 8-ми часовъ, а въ празд-

---

[1]) Въ настоящее время подписчики 1-й кат. вносятъ 5 руб., а второй—3.

[2]) Пользуюсь даннымъ случаемъ, чтобы выразить свою благодарность г. Шинкевичу и г. Власенко за ту помощь и участіе, которое они выражали къ моей работѣ, снабжая меня необходимыми матерьялами, не смотря на массу ихъ собственныхъ занятій.

ничные отъ 2-хъ до 8-ми часовъ, для того, „чтобы дать возможность служащимъ лицамъ пользоваться библіотекой послѣ обѣда.“

2) 15-го ноября 1866 г. комитетъ „призналъ полезнымъ“ взимать съ посѣтителей за чтеніе—въ годъ по $1^1/_2$ р., а въ мѣсяцъ по 15 коп.

3) Въ октябрѣ 1868 г. для того, чтобы дать возможность небогатымъ чиновникамъ пользоваться библіотекой, постановлено было вмѣсто залога требовать отъ такихъ лицъ удостовѣреній отъ лицъ, подъ начальствомъ которыхъ они служатъ.

Срокъ, на который выдавались книги, измѣнялся два раза: 26-го апр. 1867 г. разрѣшено было книги „серьезнаго содержанія выдавать вмѣсто 10 на 14 дней; въ маѣ 1871 г., вслѣдствіе часто заявляемыхъ неудовольствій читателей, было постановлено: тѣ книги, что выдавались на 10 дней, отпускать на 14, а выдававшіяся на 14—отпускать на 21 день. Штрафы были также понижены: за просрочку журнала съ 30 к. на 10 к., а книги—съ 10 на 5 к. въ сутки.

Что касается до средствъ, которыми располагала библіотека, то, помимо правительственной субсидіи [1]), они составлялись изъ членскихъ взносовъ, подписной платы, штрафовъ за просрочку книгъ и разнаго рода доходовъ, получаемыхъ съ процентныхъ бумагъ, продажи каталога и др. Доходы эти были довольно значительны, что дало возможность библіотекѣ, не смотря на всѣ расходы, составить въ теченіе 25-ти лѣтъ основной капиталъ въ размѣрѣ 12000 рублей.

Деньги свои библіотека расходовала, главнымъ образомъ, на пріобрѣтеніе книгъ. Большинство этихъ книгъ представляютъ собой популярныя сочиненія по разнымъ отраслямъ наукъ и всѣ важнѣйшія произведенія русской литературы. Слишкомъ спеціальныхъ, древнихъ и библіографически-рѣдкихъ изданій

[1]) Правительственная субсидія первые 3 года выдавалась въ размѣрѣ 2000 р., а затѣмъ—800 руб.

здѣсь нѣтъ, но главнѣйшія, капитальныя сочиненія здѣсь можно найти по всѣмъ отраслямъ знаній, особенно по русской исторіи. Здѣсь есть и Карамзинъ, и Соловьевъ, изданія лѣтописей, изданіе актовъ кіевской и с.-петербургской археографической коммиссіи и др. Вообще „библіотека, по словамъ г. Рудченко, можетъ всегда удовлетворить не спеціалиста, а просто образованнаго человѣка, ищущаго въ чтеніи полезныхъ знаній, умственныхъ и эстетическихъ наслажденій [1]).

Книги эти поступали въ библіотеку постепенно: большая часть была куплена, другая меньшая пожертвована учеными обществами и частными лицами.

Значеніе такой библіотеки и степень сочувствія къ ней общества какъ нельзя краснорѣчивѣе доказывается количествомъ подписчиковъ и требованій на книги, выразившимся слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Членовъ.	Подписч.	Посѣтител.	Годы.	Членовъ.	Подписч.	Посѣтител.
1866	85	476	59	1878	23	1628	1045
1867	56	673	587	1879	22	1730	780
1868	47	800	592	1880	26	1847	886
1869	95	742	505	1881	29	2050	934
1870	60	843	775	1882	33	1999	750
1871	47	917	514	1883	24	2128	697
1872	32	1213	712	1884	25	1962	869
1873	31	1269	633	1885	23	675	928
1874	21	1436	565	1886	23	837	869
1875	27	1006	375	1887	17	908	804
1876	29	1500	620	1888	18	890	701
1877	25	1586	1157				

При бѣгломъ обзорѣ даже этихъ небольшихъ статистическихъ данныхъ, невольно бросается въ глаза довольно значительное уменьшеніе числа членовъ и, что неожиданнѣе всего, подписчиковъ къ концу 25-ти лѣтняго періода. Что касается

---

[1]) „Десять лѣтъ"... И. Рудченко, стр. 36. По отдѣламъ книги распредѣляются слѣдующимъ образомъ: I. По богословію и истор. церкви—124. II. По философіи, психологіи и логикѣ—109. III. По педагогикѣ—197. IV. По правовѣдѣнію и политич. наукамъ—278. V. По технологіи и сел. хозяйству—161. VI. По исторіи всеобщей и русской—882. VII. По географіи, этнографіи и статистикѣ—308. VIII. По

до членовъ, то причины такихъ колебаній понятны: записывались люди не совсѣмъ добровольно, какъ мы уже говорили объ этомъ раньше, и потому при первомъ удобномъ случаѣ старались сбросить съ себя непріятныя для нихъ обязательства. Но чѣмъ объяснить убыль подписчиковъ, которые прибываютъ „не ради увѣщаній и симпатій, а съ исключительной цѣлью пользоваться библіотекой?“ Намъ кажется, что это явленіе находится въ тѣсной связи съ открытіемъ нѣсколькихъ библіотекъ частныхъ, при книжномъ магазинѣ, военномъ клубѣ и др. Безъ сомнѣнья эти библіотеки отвлекли часть читателей библіотеки публичной, но, какъ показываетъ статистика требованій, которую мы приводимъ ниже, читатели эти по всей вѣроятности не особенно много читали, такъ какъ, не смотря на ихъ удаленіе, число требованій почти не уменьшилось. А между тѣмъ подписчиковъ ушло болѣе 50%. Количество требованій было слѣдующее:

Годы.	На книги научныя.	На книги беллетристическія.	На періодическія издан.	Всего.	Годы.	На книги научныя.	На книги беллетристическія.	На періодическія издан.	Всего.
1866	2179	6943	1658	10780	1878	3949	9871	5922	11742
1867	1543	6024	2210	9777	1879	4954	9390	5934	19778
1868	1441	7909	2969	12319	1880	2577	9398	5908	17883
1869	777	4410	2728	7915	1881	2208	9465	9137	20810
1870	1012	5319	2787	9118	1882	3270	9018	8757	20850
1871	1296	5488	3263	10547	1883	2372	9488	7116	18976
1872	1496	6389	3175	11060	1884	2807	8113	7260	18180
1873	1833	7586	3478	12897	1885	4217	9913	7480	21600
1874	2064	8016	3407	13487	1886	2974	8524	8281	19779
1875	1933	7793	3168	12894	1887	3116	6717	7969	17802
1876	2424	7880	4740	14870	1888	2156	7884	5810	15850.
1877	3333	9915	5600	18848					

Къ сожалѣнію, неполнота и неточность отчетовъ библіотеки не позволяютъ намъ дать болѣе точныя свѣдѣнія о посѣтителяхъ библіотеки, распредѣлить ихъ по сословіямъ и націо-

естеств. и математич. наукамъ—375. IX. По медицинѣ—69. X. По воен. и морскимъ наукамъ—46. XI. По искусствамъ—83. XII. По словесности русской и переводной—1775. XIII. По справочнымъ книгамъ и словарямъ—55.

нальностямъ. Тѣ данныя которыми мы располагаемъ въ данномъ случаѣ позволяютъ намъ лишь сказать, что болѣе 50% всѣхъ читателей составляли и составляютъ евреи. Что касается до женщинъ, то въ стѣнахъ библіотеки они читаютъ рѣдко и комната, предназначенная для нихъ, почти всегда бываетъ пустой—книги же берутъ читать на домъ; въ послѣдніе годы число читательницъ, впрочемъ, доходитъ до 50%, что представляетъ собой уже большой прогрессъ сравнительно съ прежними годами. Вообще, нужно замѣтить, что посѣтители житомірской библіотеки съ каждымъ годомъ все больше и больше прогрессируетъ въ своемъ развитіи. Это, во первыхъ, доказывается большимъ спросомъ на книги и притомъ сплошь и рядомъ на книги серьезнаго содержанія, а во вторыхъ, отчасти, „книгой заявленій“, находящейся при библіотекѣ для записи заявленій читателей, и „установленной съ цѣлью выслушивать замѣчанія о недостаткахъ библіотеки, способахъ ея улучшенія“. Въ первые годы своего существованія книга совершенно не соотвѣтствовала своему назначенію. Большинство замѣчаній, вписанныхъ въ нее, по выраженію одного изъ посѣтителей помѣщались „съ легкомысліемъ“, съ спеціальной цѣлью „внести и свою строку въ книгу“. Понятно, что такого рода заявленія не имѣли, да и не могли имѣть никакого смысла. Другія заявленія отличались полемическимъ характеромъ, указывая главнымъ образомъ на ту рознь среди житомірскаго общества, о которой мы говорили уже раньше. Рознь эта, какъ и вездѣ, особенно обнаруживается въ полемикѣ евреевъ съ русскими. Приведемъ два примѣра такихъ полемическихъ выходокъ, занесенныхъ въ „книгу“, которые заимствуемъ у г. Рудченко[1]. Одинъ изъ посѣтителей г. К., въ довольно скромныхъ выраженіяхъ, пожаловался, что нѣкоторые изъ посѣтителей смотрятъ на библіотеку „какъ на мѣсто, если не равное, то похожее на публичныя гулянья“, причемъ указалъ на еврея Г., вслѣдствіе чего послѣдній разразился страшной филиппикой, причемъ желая разжалобить читателя, называлъ себя „жидомъ“, угнетеннымъ,

---

[1]) „Десять лѣтъ Житом. Публ. Библ.“ И. Рудченко, стр. 52.

безпомощнымъ. Съ другой стороны и русскіе давали совѣты „въ видахъ приличія, воспретить входъ въ библіотеку въ запрещенныхъ (?) костюмахъ и съ пейсами“.. Съ теченіемъ времени, однако, такого рода заявленія встрѣчаются рѣже и рѣже. Со стороны читателей заявляются лишь ихъ нужды, просьбы выписать ту или другую книгу и только изрѣдка встрѣчаются жалобы и заявленія какихъ нибудь личныхъ неудовольствій. Сплошь и рядомъ встрѣчаются требованія, повторенныя нѣсколько разъ и поддержанныя нѣсколькими лицами; это уже показываетъ, что заявленіе было сдѣлано не „съ легкомысліемъ“, а вполнѣ сознательно. Изъ числа такихъ заявленій можемъ назвать просьбу выписать журналъ „Восходъ“, высказанную конечно еврейской партіей, и почти всеобщее требованіе „обѣщаннаго“ каталога. Такое отсутствіе ненужныхъ „легкомысленныхъ“ заявленій, личныхъ и партійныхъ споровъ, доказывая большее развитіе читающей публики, подаетъ надежду, что когда нибудь и, быть можетъ, въ самомъ недалекомъ будущемъ, всѣ эти разрозненные и до сихъ поръ враждебные элементы сольются въ одно цѣлое, во имя науки сознаютъ свои общіе интересы. А между тѣмъ многое нужно, да и можно было бы сдѣлать, если бы общество дошло наконецъ до такого сознанія.

Прежде всего необходимо устроить при библіотекѣ общедоступную *безплатную* читальню, такъ какъ такого рода читальни, по мѣткому замѣчанію одного англичанина, также нужны для общественнаго блага, какъ и общественные фонари, доставляющіе всѣмъ безплатное уличное освѣщеніе. При самомъ основаніи нашей библіотеки мысль эта уже прекрасно сознавалась и генералъ-губернаторъ Анненковъ выразился въ томъ смыслѣ, что „безплатное пользованіе книгами—conditio sine qua non всякой публичной библіотеки [1]). Дѣйствительно, сначала библіотека нашла возможнымъ допустить безплатное чтеніе, и хотя, впрочемъ, только въ стѣнахъ библіотеки, за книги же взятыя на домъ нужно было платить. Но, спустя нѣ-

---

[1]) Кіевлянинъ, 1864 г., № 23, стр. 92.

сколько мѣсяцевъ (15-го ноября 1866 г.), пришлось платить и за чтеніе въ стѣнахъ библіотеки, потому что распорядительный комитетъ „призналъ полезнымъ взимать съ посѣтителей за чтеніе въ годъ $1^1/_2$ р., а въ мѣсяцъ по 15 коп.“ [1]), что производится и до настоящаго времени. Плата, положимъ, не особенно большая, но во всякомъ случаѣ могутъ найтись, да и находятся люди, для которыхъ и такая плата представляется довольно значительной. Кромѣ того, по словамъ проф. Янжула, „люди начинаютъ читать, когда могутъ получить книгу даромъ; разъ-же вкусъ къ чтенію развился они охотно платятъ за его удовлетвореніе“ [1]). Вслѣдствіе этого, въ данномъ случаѣ, гораздо было бы лучше предоставить читателямъ дѣлать добровольные взносы въ пользу читальни. Такимъ образомъ достигалась бы и та, и другая цѣль: читальня была бы безплатной для тѣхъ, кому затруднительно платить и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляла бы доходъ библіотекѣ, быть можетъ, только на первыхъ порахъ нѣсколько меньшій того, который доставляетъ теперь. Наконецъ, своимъ 25-ти лѣтнимъ существованіемъ библіотека какъ нельзя лучше доказала, какое значеніе имѣетъ она для города и мѣстнаго населенія, а потому городъ хоть теперь долженъ былъ бы принять участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ это давно уже устроено, напримѣръ, въ Англіи, по инціативѣ Юарта. Сущность англійскаго законодательства о библіотекахъ заключается въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ.

Во всякомъ городѣ королевства, имѣющемъ населеніе болѣе пяти тысячъ душъ, или даже части города и даже приходѣ, если таковой будетъ заключать не менѣе того-же, узаконеннаго количества населенія, достаточно заявленіе десяти совершеннолѣтнихъ плательщиковъ городскихъ налоговъ для того, чтобы потребовать общаго собранія для баллотировки вопроса о принятіи „акта о городскихъ общественныхъ библіотекахъ“ [3]).

---

[1]) „Десять лѣтъ Жит. Публичн. Библ.“ И. Рудченко, стр. 15.

[2]) Слово, 1880 г., январь. „Вопросъ о городскихъ публичн. библіотекахъ“, 15.

[3]) Актъ этотъ былъ изданъ въ 1850 г. и положилъ твердое начало мѣстному существованію библіотекъ въ Англіи, имѣющихъ громадное вліяніе на народное образованіе.

На собраніе это въ Англіи и Ирландіи имѣютъ право являться всѣ плательщики налоговъ, а въ Шотландіи всѣ домовладѣльцы. Это собраніе плательщиковъ налоговъ рѣшаетъ вопросъ баллотировкой, и въ случаѣ, если окажется въ пользу принятія закона двѣ трети голосовъ, то актъ считается принятымъ и обязательнымъ для города со всѣми его послѣдствіями. Первое дѣйствіе принятія акта выражается въ томъ, что съ этого дня устанавливается въ городѣ *специальный „библіотечный налогъ“*, который или составляетъ особый налогъ, или дополненіе къ одному изъ существующихъ городскихъ сборовъ (что у французовъ называется centimes additionnels). Во всякомъ случаѣ размѣръ этого налога не долженъ превосходить одного пенни на каждый фунтъ стерл. налога съ собственности. Для управленія и завѣдыванія будущей библіотекой, въ теченіи мѣсяца, дума обязана выбрать „библіотечный комитетъ“ не менѣе, какъ изъ 20 человѣкъ, на половину изъ членовъ думы или городского совѣта, а на половину изъ постороннихъ лицъ, плательщиковъ налоговъ или домовладѣльцевъ. Чтобы имѣть возможность немедленно приступить къ основанію библіотеки, комитетъ имѣетъ право заключать для нея займы, погашаемые постепенно будущими сборами библіотечнаго налога. Въ виду того, что этотъ библіотечный налогъ постоянный и будетъ существовать, пока существуетъ самъ городъ, недостатка въ капиталистахъ, желающихъ ссудить для этой цѣли деньги, никогда не бываетъ. На полученныя деньги комитетъ, если городъ не можетъ предоставить библіотекѣ для постояннаго пользованія опредѣленнаго помѣщенія, или нанимаетъ его, или, большей частью, покупаетъ землю въ центрѣ города, и строитъ для библіотеки особое зданіе, снабжаетъ ее книгами по всѣмъ отраслямъ знанія и нанимаетъ нѣсколько лицъ для завѣдыванія библіотекой. Далѣе акты устанавливаютъ правила отчетности, контроля и ревизіи библіотекъ, порядокъ ежемѣсячныхъ собраній членовъ комитета, и т. п. Принятіе акта о городскихъ общественныхъ библіотекахъ дѣлаетъ, кромѣ заведенія библіотеки для города, обязательнымъ, если только будетъ найдено возможнымъ тратить на это часть денегъ, собираемыхъ библіотечнымъ нало-

гомъ, основаніе также и музея для распространенія въ городѣ свѣдѣній „по наукамъ и искусствамъ". Во всѣхъ актахъ, *основнымъ принципомъ поставлено непремѣнное условіе вполнѣ безплатное, даровое пользованіе библіотеками и музеями во всѣхъ случаяхъ* и никакихъ денежныхъ залоговъ—какъ для чтенія книгъ въ помѣщеніи библіотеки, такъ и у себя на дому. Единсвенныя деньги, которыя эти библіотеки имѣютъ право требовать съ публики, это штрафъ не свыше 5 ф. стерлинговъ каждый. Что касается до наказаній, установленныхъ закономъ за злоумышленую порчу книгъ или предметовъ, принадлежащихъ городской библіотекѣ или музею, или воровство ихъ, то законъ устанавливаетъ весьма строгія наказанія, въ томъ числѣ тюремное заключеніе срокомъ до шести мѣсяцевъ, безъ или даже съ тяжелой работой и съ обязательствомъ вознаградить учрежденіе за весь причиненный убытокъ [1]).

Не трудно было бы Житоміру воспользоваться этими правилами и примѣнить ихъ къ своей библіотекѣ. Въ настоящее время въ городѣ насчитываютъ около 70,000 жителей (это чуть-ли не въ 15 разъ больше англійск. 5000, необходимыхъ для устройства библіотеки). Кромѣ того, библіотека уже не только существуетъ, но, можно сказать, даже процвѣтаетъ: обладаетъ довольно порядочнымъ и большимъ составомъ книгъ, а также значительнымъ капиталомъ. Такимъ образомъ, городу въ настоящее время остается только помочь библіотекѣ обзавестись собственнымъ зданіемъ приспособленнымъ специально для библіотеки съ читальней и для находящагося при ней мѣстнаго музея, о которомъ скажемъ нѣсколько ниже. Нужда въ такомъ помѣщеніи сказывается съ каждымъ годомъ все больше и больше. Помимо того, что библіотека находится вслѣдствіе этого всегда въ зависимости отъ личнаго произвола и рискуетъ очутиться на улицѣ, само это зданіе уже близится къ разрушенію и, кромѣ того, не вмѣщаетъ всѣхъ книгъ, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ уже приходилось продавать газеты и журналы за старые годы для того, чтобы очистить мѣсто для новыхъ.

---

[1]) Слово, 1880 г., № 1, стр. 6. и сл.

Явленіе очень не желательное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ естественное и даже неизбѣжное при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится библіотека въ настоящее время.

Далѣе, сама библіотека должна позаботиться о томъ, чтобы быть *волынской* не только de nomine и loco, но и de facto, другими словами, ей необходимо устроить мѣстный отдѣлъ, въ которомъ бы находилось все, касающееся Волыни, въ области исторіи, археологіи, этнографіи и др. наукъ. Этотъ отдѣлъ нашей библіотеки въ настоящее время чрезвычайно бѣденъ. Въ немъ нѣтъ всѣхъ трудовъ, вышедшихъ даже на русскомъ языкѣ. Существуетъ довольно обширная польская литература, посвященная Волыни, но въ библіотекѣ вы не найдете ни одного польскаго сочиненія по этому вопросу. И это очень жаль. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, занимающемуся, положимъ, мѣстной исторіей, естественнѣе всего искать матеріаловъ по интересующему его вопросу, какъ не въ мѣстной библіотекѣ. Распорядительному комитету, намъ кажется, слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе на этотъ предметъ и съ теченіемъ времени восполнить этотъ пробѣлъ, для чего, конечно, нужно слѣдить за новой литературой и покупать, пока еще можно, старые труды, касающіеся Волыни.

Въ заключеніе—два слова о музеѣ, существующемъ при здѣшней библіотекѣ. Мысль о немъ возникла сравнительно давно и принадлежитъ тому-же графу Броэлю Плятеру, который хлопоталъ объ открытіи библіотеки въ Житомірѣ. Плятеръ предполагалъ устроить въ немъ три отдѣленія—археологическое, зоологическое и изящныхъ искусствъ" [1]). Но проектъ музея постигла та же участь, что и проектъ библіотеки, т. е. онъ не былъ осуществленъ, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого слышались заявленія, что „польза музеумовъ несомнѣнна." „На первый разъ довольно, говорилъ тотъ же авторъ, если въ музеѣ будутъ, напримѣръ, собранія образцовъ мѣстной природы, модели земледѣльческихъ орудій и др. машинъ" [2]). Осуществлена эта

[1]) Библіографическія Записки, 1861 г., т. III, № 16, столб. 504.

[2]) Волынск. Губ. Вѣдом. 1866 г., № 33.

мысль была, однако не скоро—чуть въ 1874—75 году [1]). Основаніе музея положилъ М. И. Чертковъ, попечитель библіотеки, пожертвовавшій 48 экземпляровъ мѣстныхъ горныхъ породъ и минераловъ. „Эта небольшая коллекція хранилась въ библіотекѣ, говоритъ г. Рудченко, какъ рѣдкость и какъ бы наводила на мысль о музеѣ.“ Спустя нѣкоторое время, по иниціативѣ П. А. Грессера, къ этой коллекціи присоединили другую, собранную Г. Оссовскимъ, объѣхавшимъ по порученію статистическаго комитета всю волынскую губернію. Коллекція, собранная г. Оссовскимъ, не смотря на свое богатое внутреннее содержаніе не была открыта ни для публики, ни для спеціалистовъ, такъ какъ хранилась въ закупоренныхъ ящикахъ, не разобранная, не приведенная въ порядокъ. Соединивши эти двѣ коллекціи въ одну, П. А. Грессеръ образовалъ такимъ образомъ довольно полный мѣстный музей, который послѣ старался, насколько это отъ него зависѣло, поддерживать и пополнять. Такъ, въ 1875 г., предпринявши поѣздку по волынскому Полѣсью, П. А. Грессеръ собралъ около 100 экземпляровъ мѣстныхъ породъ и присоединилъ ихъ къ музею. Нашлись лица, сочувственно отнесшіяся къ этому дѣлу и внесшія свою долю. Такимъ образомъ, мало по малу музей обогащался и въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 581 экземпляръ, кромѣ 200 образцовъ почвъ и подпочвъ, доставленныхъ изъ житомірскаго уѣзда. Всю эту коллекцію нужно было привести въ порядокъ. Съ этой цѣлью В. Максимовичъ, предсѣдатель распорядит. комитета занялся анализомъ почвъ и подпочвъ, а „одинъ изъ любителей“ мѣстной геологіи А. С. Стасенко при содѣйствіи К. Л. Ромазановича приведеніемъ въ порядокъ остального матеріала. Результатомъ этихъ работъ—было описаніе музея. Къ сожалѣнію, описаніе это не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, да и самый шкафъ съ коллекціей стоитъ въ одномъ изъ темныхъ угловъ библіотеки, и потому многіе не обращаютъ на него никакого вниманія и даже удивляются, если имъ сказать, что при библіотекѣ существуетъ музей и притомъ довольно богатый.

---

[1]) Десять лѣтъ Житом. Публ. библ., стр. 25.—Волынск. Епарх. Вѣдом. 1876 г., № 16, стр. 559—560.

Наконецъ, пора бы хоть теперь осуществить мысль гр. Плятера въ ея неизмѣнномъ видѣ, т. е. устроить кабинеты— археологическій, которому кстати сказать положилъ уже нѣкоторое основаніе бывшій губернаторъ фонъ Валь, пожертвовавшій въ 1889 г. нѣсколько древнихъ монетъ, и зоологическій, для чего понадобились бы не Богъ знаетъ, какія средства.

Заканчивая свою замѣтку, мы не теряемъ надежды, что наше общество рано или поздно придетъ наконецъ къ сознанію своихъ общихъ интересовъ, къ сознанію той простой истины, о которой давно уже говорилъ Цицеронъ, именно, что concordia parvkae res crescunt, discordia maximae dilabuntur придетъ наконецъ на помощь библіотекѣ, въ значеніи которой врядъ ли кто нибудь и когда нибудь усумнится.

Вл. Боцяновскій.

Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в.

(ДОКУМЕНТЪ 1743 Г.).

Въ августѣ 1743 г., въ дневникѣ Марковича записано: «присланъ изъ С.-Петербурга въ Глуховъ нарочный съ извѣстіемъ о мирѣ съ шведами, Игнатъ Кир. Полтавцевъ, гофъ-фурьеръ, который послѣ по всѣмъ полкамъ малороссійскимъ ѣздилъ съ публикаціею о мирѣ». (II, 195). За это извѣстіе малороссійская старшина поднесла Полтавцеву «въ презентъ», тысячу рублей, которые взяты были заимообразно изъ войсковаго скарба, причемъ для пополненія этого долга произведено было «расположеніе» взятыхъ денегъ на всю старшину по числу находившихся у послѣдней во владѣніи крестьянскихъ дворовъ и «колъ» водяныхъ мельницъ. По этому случаю и собраны были свѣдѣнія—сколько у кого изъ старшины имѣлось въ это время крестьянскихъ дворовъ и мельничныхъ «колъ». Свѣдѣнія эти представляютъ очень интересный матеріалъ для исторіи малорусскаго крестьянства, показывая какое количество послѣдняго успѣла подчинить себѣ козацкая старшина къ половинѣ XVIII в. Въ этой общей цифрѣ старшинскихъ крестьянъ заключаются какъ старинные крестьяне, жившіе въ полученныхъ старшиною отъ гетмановъ маетностяхъ, такъ и крестьяне, посаженные ею на «скуплѣ». Какъ извѣстно, старшина, встрѣтивъ сопротивленіе въ подчиненіи со стороны посполитства, изстари жившаго въ пожалованныхъ маетностяхъ, измыслила особый путь къ установленію своего господства надъ крестьянами: она стала селить бродившихъ по Малороссіи безземельныхъ крестьянъ на купленныхъ земляхъ («скуплѣ»), разсчитывая, что поставленному въ такую обстановку крестьянину прійдется волей-неволей признать надъ собою полное господство собственника занятой имъ земли... Этихъ крестьянъ

старшина пожелала было закрѣпить себѣ и юридическими актами... Первое ходатайство старшины объ установленіи юридическаго господства надъ этими крестьянами, заявлено было, сколько намъ извѣстно, въ гетманство Апостола. По этому предмету мы имѣемъ въ высшей степени интересное свидѣтельство самого гетмана Апостола. Когда старшина обратилась къ нему съ ходатайствомъ—о выдачѣ универсаловъ на крестьянъ, поселенныхъ на скупленныхъ (преимущественно у козаковъ) земляхъ, то въ генеральной канцеляріи родился вопросъ: «якъ въ универсалахъ докладать о подданныхъ, осѣдлихъ на купленныхъ грунтахъ владѣльческихъ?» Вопросъ былъ настолько важенъ, что Апостолъ собственноручно написалъ на него отвѣтъ (8-го октября, 1728 г.) въ журналѣ (діаріушѣ) генеральной канцеляріи. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «*тихъ людей, о которихъ просять п. владѣлцѣ, якие на ихъ купленнихъ осѣдаютъ и осѣли грунтахъ, не мѣютъ онихъ въ свою привлекать вѣчность, но водлугъ правъ и волностей того народа, поки живутъ, могутъ отдавати повинность службы своей доброволне, а не неволне, якъ своимъ владелцямъ, такъ и посполитимъ отчизни повинностямъ*»[1]). Эта замѣчательная резолюція, бросающая извѣстный свѣтъ и на личность ея автора, была уничтожена, какъ извѣстно, съ изданіемъ указа 3 мая 1783 г.

Приводимый здѣсь документъ найденъ нами въ архивѣ генеральной канцеляріи, когда онъ находился въ Черниговѣ, и печатается безъ всякихъ сокращеній. Для удобства справокъ объ именахъ владѣльческой старшины, къ документу прибавленъ алфавитный указатель всѣхъ перечисленныхъ въ немъ фамилій; цифры при фамиліяхъ указываютъ номера ихъ по порядку. А. Л.

Расположеніе о взятихъ зъ скарбу войскового взайми тисячи рублей денегъ и даннихъ въ презентъ присланному отъ височайшого ея императорского величества двору оберъ-каморъ-фуриеру Полтавцову. 1744 г., августа 5 дня.

Настоящая генералная старшина.	Дворѣ.	Кола.
1. Обозній войсковій енералній г. Лизогубъ . . .	368	35
2. Судія енералній г. Горленко	232	20
3. Судія енералній г. Лисенко	415	18

[1]) „Діаріушъ или щоденная записка всякихъ дѣлъ въ енералной войсковой канцеляріи за бытія правленія имѣючихся, отъ начала 1727 году начавшійся".

		Дворѣ.	Кола.
4.	Подскарбій енералній г. Скоропадскій	405	18
5.	Писаръ енералній г. Безбородко.	252	2
6.	Асаулъ енералній г. Якубовичъ	159	2
7.	Асаулъ енералній г. Валкевичъ	239	2
8.	Хоружій енералній г. Ханенко	202	2
9.	Бунчучній енералній г. Оболонскій	65	3

Абшитованная енералная старшина.

10.	Судія г. Забѣла	154	5
11.	Подскарбій г. Марковичъ	250	32
12.	Писаръ суда енералного Пѣковецъ	175	5

Енералной войсковой артилеріи настоящая старшина.

13.	Асаулъ Семенъ Карпѣка зъ братомъ Стефаномъ.	6	5
14.	Хоружий Александеръ Шишкевичъ	4	—
15.	Атаманъ Іосифъ Максимовичъ	—	—
16.	Шафаръ Ефимъ Филоновъ	—	—

Полковники, полковая и сотенная абшитованная старшина.

17.	Полковникъ прилуцкий г. Ґалаґанъ.	377	12
18.	Обозный полку чернѣговского Сахновскій. . .	122	3
19.	Обозный полку кіевского Ханенко	95	—
20.	Обозный полку лубенского Мартосъ зъ синомъ.	71	3
21.	Обозный полку гадяцкого Борзаковскій зъ племенникомъ	34	5
22.	Обозний полку нѣжинского Величковскій . . .	25	4
23.	Судія полку гадяцкого Штишевскій	25	3
24.	Судія полку черниговского Холодовичъ . . .	16	2
25.	Асаулъ полковмй лубенский Слюзъ	58	5
26.	Асаулъ полковий прилуцкій Мовчанъ	45	6
27.	Асаулъ полку стародубского Якимовичъ . . .	15	—
28.	Писаръ полку нѣжинского Кушчичъ	13	6

Здѣсь значится: „сего октоврія 8 числа (1728 г.) собственною его ясневелможности рукою нижейслѣдующое—якъ въ унѣверсаляхъ докладать о подданнихъ осѣдлихъ на купленнихъ ґрунтахъ владѣльческихъ, написано тако:" *(слѣдуетъ приведенная резолюція).*

		Дворѣ.	Кола.
29.	Писаръ полку лубенского Савѣцкій	25	4
30.	Писаръ полку миргородского Воловачъ зъ синомъ.	—	9
31.	Хоружий полковий гадяцкий Кушевскій	13	3
32.	Сотникъ сребранский Троцѣна	131	6
33.	Сотникъ ирклѣевский Славуй Требинскій	112	4
34.	Сотникъ ичанский Стороженко зъ синами	99	19
35.	Сотникъ глинскій Жуковский	58	14
36.	Сотникъ Евстратій Гулакъ	15	—
37.	Сотникъ миргородский Павелко	84	3
38.	Сотникъ Василь Юхименко	15	—

Бунчуковіе и войсковіе товарищи.

39.	Стефанъ Лазаревичъ	13	3
40.	Василь Рославецъ	22	3
41.	Михаило Голембовский	5	—
42.	Іванъ Тарнавіотъ	—	—
43.	Григорий Скорупа зъ синами	59	7
44.	Данило Карпѣка зъ синами	11	2
45.	Василь Лазаревичъ	31	4
46.	Іванъ Себестияновичъ	88	7
47.	Григорій Максимовичъ	6	4
48.	Михайло Домонтовичъ	41	4
49.	Николай Бороздна клюсовскій	35	6
50.	Стефанъ Максимовичъ	9	4
51.	Іванъ Забѣла обтовскій	139	4
52.	Іванъ Новѣцкій	184	9
53.	Федоръ Савичъ	187	13
54.	Афтанасій Покорскій зъ синами	32	4
55.	Демянъ Бутовичъ	57	9
56.	Григорій Плѣшко	19	8
57.	Василь Мовчанъ	—	2

Бунчуковскіе товарищи.

Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.

58.	Яковъ Жураховскій	81	12
59.	Іванъ Пѣроцкій	105	17

	Дворѣ.	Кола.
60. Іванъ Троцкій	19	4
61. Іванъ Омеляновичъ	9	3
62. Федоръ Костенецкій	28	1
63. Данило Кандиба	74	12
64. Григорій Александровичъ	4	2
65. Григорій Шрамченко	17	1
66. Данило Забѣла ревутинскій	8	5
67. Яковъ Марковичъ	96	16
68. Яковъ Карпѣка	—	—
69. Федоръ Чуйкевичъ	14	2
70 Стефанъ Миклашевскій	90	13
71. Василь Жураковскій, Андреевъ синъ	66	5
72. Іванъ Миклашевскій	39	—
73. Іванъ Туранскій	15	2
74. Евстафій Тарасевичъ	14	4
75. Стефанъ Бутовичъ	103	9
76. Маіоръ Банѣнъ	22	1
77. Іванъ Савичъ	51	2
78. Іванъ Костенецкій	26	2

Въ полку лубенскомъ жительствующіе.

	Дворѣ.	Кола.
79. Василь Савичъ	20	—
80. Петро Кулябка	116	21
81. Петро Петровичъ Кулябка	19	—
82. Іосифъ Гамалѣя	25	—
83. Федоръ Гамалѣя	40	—
84. Якимъ Троцкій	14	20
85. Семенъ Чуйкевичъ	41	1
86. Стефанъ Милорадовичъ	63	4
87. Иванъ Михайловъ Гамалѣя	21	—
88. Алексѣй Свѣчка	24	11
89. Михайло Андрѣяшевичъ	48	1
90. Александеръ Гамалѣя	17	—
91. Петро Савичъ	30	3
92. Федоръ Кулябка	—	3

		Дворѣ.	Кола.
93.	Зъ дому бунчукового товарища Федора Заборовского	58	9
94.	Еремѣй Корсунъ	76	9
95.	Антонъ Григоровичъ	—	—

Въ полку стародубовскомъ жительствующіе.

96.	Зъ дому іллирическихъ графовъ Владиславичовъ.	520	15
97.	Петро Искрицкій	47	2
98.	Іванъ Чарнолуцкій	9	2
99.	Петро Борозна	15	1
100.	Николай Бороздна лопазійскій[1])	27	1
101.	Григорій Гамалѣя	23	—
102.	Григорій Борозна	32	3
103.	Михайло Борозна	30	1
104.	Павелъ Дублянскій зъ синомъ	17	2
105.	Василь Гудовичъ	278	9
106.	Михайло и Василь Корсаки	513	15
107.	Іванъ Слубановскій	14	—
108.	Федоръ Корецкій	30	1
109.	Александръ Корецкій	58	1
110.	Лаврентій Бороздна	19	2
111.	Михайло Пилатовичъ	14	2
112.	Іванъ Бороздна медведовскій	83	8
113.	Іванъ Гамалѣя юдиновскій	115	2
114.	Іванъ и Василь Кутневскіе	39	—
115.	Федоръ Ширай	203	11
116.	Андрей Миклашевскій	208	10
117.	Демянъ Рубецъ	44	—
118.	Петро Чорнолуцкій	24	2
119.	Владимеръ Романовскій	30	—
120.	Максимъ Турковскій	139	4
121.	Василь Завадовскій зъ синомъ	53	1
122.	Зъ дому Івана Турковского	42	19

[1]) Изъ с. Лопазны, мглинскаго уѣзда.

		Дворѣ.	Кола.
124.	Василь Березовскій	30	—
125.	Зъ дому умершого бунчукового товариша Жу-		
123.	Григорій Силевичъ	37	4
	равки, что нынѣ за капитаномъ Ланкомъ. . .	202	10
126.	Василь Романовичъ	12	—

Въ полку черныговскомъ жительствующіе.

127.	Іванъ Скоропадскій	84	4
128.	Тимофѣй Скоропадскій	26	3
129.	Зъ дому Стефана Шуби.	23	10
130.	Зъ дому Івана Тополнѣцкого	5	4
131.	Павелъ Ломиковскій	20	6
132.	Василь Дорошенко козляницкой	29	4
133.	Федоръ Лисенко	5	—
134.	Андрей Полуботокъ зъ племянникомъ	1269	36
135.	Зъ дому Андрея Дунѣна-Борковского	382	36
136.	Андрей Стаховичъ.	86	17
137.	Владимеръ Полонѣцкій	37	2
138.	Матвѣй Линевичъ.	1	2
139.	Іванъ Сандурскій	20	2
140.	Григорій Стаховичъ	35	2
141.	Іванъ и Михайло Долѣнскіи	23	3
142.	Яковъ, Димитрій, Тимофѣй и Романъ Затирке-		
	вичи зъ маткою	34	6
143.	Іванъ Лизогубъ.	88	6
144.	Григорій Лизогубъ	102	3
145.	Симонъ Лизогубъ	130	4
146.	Василь Лизогубъ	286	15
147.	Костантій Лизогубъ	127	6
148.	Іосифъ Рашевскій зъ братомъ.	11	2
149.	Іванъ Рашевскій	2	1
150.	Василь Крачевскій	6	—
151.	Іванъ и Павелъ Мокрѣевичи	21	2

Въ полку прилуцкомъ жительствующіе.

152.	Андрей Ласчинскій	14	—
153.	Николай Троцкій	16	6

		Дворѣ.	Кола.
154.	Антонъ Милорадовичъ	15	5
155.	Максимъ Антоновичъ	16	—
156.	Петро Горленко	19	—
157.	Данило Тернавскій зъ братомъ	27	5
158.	Андрей Андреевъ Горленко зъ отцемъ	186	20
159.	Димитій, Михаило, Василь и Андрей Маркевичи.	41	2
160.	Яковъ Тарнавскій	76	3
161.	Яковъ Огроновичъ	—	4
162.	Михайло Стороженко	62	—
163.	Стефанъ Тарновскій	28	—

Въ полку кіевскомъ жительствующіе.

164.	Іванъ Тернавіотъ	—	—
165.	Федоръ Солонина	7	1
166.	Семенъ Солонина	6	—
167.	Іосифъ Солонина	16	—
168.	Григорій Солонина	17	1
169.	Зъ дому Петра Солонини	10	—
170.	Яковъ Шаула	15	—
171.	Семенъ Шаула	—	1
172.	Яковъ и Антонъ Барсуки	12	3
173.	Іванъ Ханенко	8	—

Въ полку переясловскомъ жительствующіе.

174.	Іванъ Берло	12	4
175.	Андрей Дмитрашко	38	6
176.	Стефанъ Томара	142	12
177.	Іванъ Іосифовъ	15	—
178.	Григорій Іваненко	171	—
179.	Димитрій Прохоровичъ	6	—

Въ полку миргородскомъ жительствующіе.

180.	Зъ дому Павла Івановича Апостола	518	8
181.	Іванъ Остроградскій	57	—

Въ полку гадяцкомъ жительствующіе.

		Дворѣ.	Кола.
182.	Федоръ Потребичъ-Гречаній	72	4
183.	Іванъ Чорнишъ	92	15
184.	Іванъ Яновскій	—	—
185.	Іванъ и Владимеръ Велецкіе	49	—
186.	Зъ дому Романа Бороховича, что нинѣ за Еропкиномъ	185	15

Въ полку полтавскомъ жительствующіе.

		Дворѣ.	Кола.
187.	Зъ дому полковника полтавскаго Кочубея	1193	45
188.	Зъ дому бунчукового товариша Григорія Черняка	222	—
189.	Григорій Чуйкевичъ	13	—
190.	Петръ Павловскій	47	—

Войсковіе товарищи.

Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.

		Дворѣ.	Кола.
191.	Андрей Сонзеровскій	27	2
192.	Костантій Островскій	—	2
193.	Василь Трофимовичъ	—	6
194.	Григолій Козловскій	—	1
195.	Романъ Яновъ	19	11
196	Федоръ Козловскій	—	1
197.	Петро Темранскій	2	—
198.	Стефанъ Гацукъ	—	—
199.	Шликевичъ	2	—
200.	Василь Купчинскій	2	—
201.	Симонъ Нарбутъ	—	—
202.	Сава Зенченко	—	—
203.	Іванъ Пуховичъ	—	—
204.	Іванъ Демяновичъ	4	2
205.	Дмитрій Стожко	—	—

Въ полку лубенскомъ жительствующіе.

		Дворѣ.	Кола.
206.	Григорій Ласкевичъ	—	8
207.	Максимъ Жуковскій	—	2
208.	Данило Савойско	—	—

	Дворѣ.	Кола.
209. Дмитро Костирка	—	—
210. Кондрадъ Карнака	—	—
211. Матвѣй Липай	—	—
212. Гаврило Григорiевъ	—	—
213. Василь Звиногородскiй	—	—

Въ полку стародубовскомъ жительствующiе.

214. Кирило Лукашевичъ	15	1
215. Iванъ Косовичъ	—	2
216. Павелъ Фѣялковскiй	—	2
217. Федоръ Чернецкiй	5	—

Въ полку черниговскомъ жительствующiе.

218. Яковъ Оболонскiй	50	1
219. Николай Соколовскiй	50	3
220. Петро Войцеховичъ	41	3
221. Михайло Полонецкiй	35	—
222. Василь Полонецкiй	24	—
223. Мойсѣй Лѣневичъ	—	—

Въ полку прилуцкомъ жительствующiе.

224. Семенъ Бѣлявскiй	—	1
225. Райпольскiй	—	—
226. Федоръ Македонскiй	—	—
227. Василь Шнурко	—	—
228. Стефанъ Прокоповичъ	—	—

Въ полку кiевскомъ жительствующiе.

229. Никита Мандрика	13	—
230. Алексѣй Прутченко	6	—
231. Павелъ Тишкевичъ	—	—

Въ полку переясловскомъ жителствующiе.

232. Андрей Грабовiецкiй	13	—
233. Семенъ Копцевичъ съ маткой	21	11
234. Сава Терлецкiй	—	—
235. Петро Стефановъ	1	2

		Дворѣ.	Кола.
	Въ полку миргородскомъ жительствующіе.		
236.	Яковъ Зарудній	44	5
237.	Данило и Михайло Лазаревичи	—	—
	Въ полку гадяцкомь жительсвтующіе.		
238.	Іванъ Грабянка	43	4
239.	Іванъ Кирста	—	—
	Въ полку полтавскомъ жительствующіе.		
240.	Данило Лаврентьевъ	—	—
241.	Димитрій Левенецъ	12	—
242.	Лука Старицкій	5	—
	Знатніе вдовы.		
	Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.		
243.	Стефанова Забѣлина	19	6
244.	Дарія Діяковская зъ синами	14	2
245.	Сотникова Манковская	5	2
246.	Сотникова Уманцева	21	1
247.	Матвѣева Жураковская	9	3
248.	Дорофіевичева	20	10
249.	Тарасина Забѣла	4	—
	Къ полку лубенскомъ жительствующіе.		
250.	Яковлева Новѣцкая	64	10
251.	Судіина Тетіяна Максимовичова	52	—
252.	Стефанова Гамалѣина съ синами	30	—
253.	Судіина Андреева Жуковская	9	4
254.	Ирина Петровна Жуковская	14	3
255.	Сотникова Ласкевичова зъ синами	41	8
	Въ полку стародубовскомъ жительствующіе.		
256.	Судіина Борозднина зъ синами	61	8
257.	Іванова Миклашевская зъ синомъ	94	7
258.	Семенова Соболевская съ синомъ Василемъ	29	2
259.	Немировичова Данченкова	36	2

		Дворѣ.	Кола.
260.	Михайлова Рубцева	34	—
261.	Обозная Есимонтовская зъ синомъ	47	8
262.	Григоріева Гамалѣина	100	4
263.	Бунчучная енералная далецкая	95	7
264.	Зъ дому Алексѣя Есимонтовского	120	10
	Въ полку черніговскомъ жительствующіе.		
265.	Тимофѣина Булавкина	53	—
266.	Василіева Каневская	68	1
267.	Петрова Войцеховичова зъ синами	51	—
268.	Петрова Бутовичова зъ синами	18	2
269.	Стефанова Войцеховичова	14	—
270.	Павлова Полуботкова, полковниця	53	2
271.	Зъ дому Савичовъ кудровскихъ	146	—
272.	Судіина Мокріевичовая	20	—
273.	Судіина Марія Яциничовна	34	—
274.	Зъ дому Петра Сахновскаго	56	—
	Въ полку прилуцкомъ жительствующіе.		
275.	Судіина Іванова Марковичова	54	3
276.	Федорова Маркевичова, что нынѣ за Сакевичомъ	40	16
277.	Сотничка варвинская Себастіяновичева	26	4
278.	Раковичова зъ синомъ	166	6
	Въ полку кіевскомъ жительствующіе.		
279.	Кирилиха Солонинова	1	1
	Въ полку переяславскомъ жительствующіе.		
280.	Петрова Дмитрашкина	30	—
281.	Василіева Танска	—	—
282.	Іванова Сулимина	39	2
283.	Зъ дому Стефана Сулими	7	1
284.	Евдокія Генриха (?)	7	—
	Въ полку миргородскомъ жительствующіе.		
285.	Полковникова Павлова Апостолова	52	22
286.	Татіяна Ломиковская зъ синомъ Петромъ	77	6
287.	Обозная Родзянчина	96	17

		Дворѣ.	Кола.
	Въ полку гадяцкомъ жительствующіе.		
289.	Полковниця Милорадовичова зъ синомъ Николаемъ	56	15
290.	Стефанида Велецкая	97	11
291.	Андреева Трощинская	11	4
292.	Арсеніева Бугаевская	—	—
293.	Анна Рощаковская	27	7
294.	Сотничка опашынская Корицкая	28	—
	Въ полку полтавскомъ жительствующіе.		
295.	Полковниця Чернякова	41	3
296.	Сотникова Левенцова зъ синомъ Федоромъ	48	—
297.	Писарева-полковая Григоріева Богаевская	63	—
298.	Сотникова Тройнѣцкая	45	—
299.	Сотникова Кованчина	33	—
	Полковники охочокомонніе.		
300.	Василь Часникъ	51	4
301.	Ігнатъ Часникъ	19	2
302.	Григорій Павловъ	16	—
	Войсковіе канцеляристи.		
303.	Старшій войсковій канцеляристъ Матвѣй Холодовичъ	24	—
304.	Матвѣй Сулима	55	—
305.	Василь Кулябка	137	2
306.	Федоръ Мануйловичъ	62	3
307.	Яковъ Чернишъ	92	15
308.	Василь Силичъ	13	—
	Сотники вакансовіе.		
309.	Іванъ Жуковскій	3	—
310.	Павелъ Жуковскій	4	14
311.	Александръ Пилатовичъ	10	1
312.	Іванъ Червякъ	18	—
313.	Андрей Войцеховичъ	23	4
314.	Петро Карповичъ	8	—

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ [1]).

---

[1]) Цифры указываютъ №№ по порядку.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ разсказамъ о Шелудивомъ Бунякѣ. I. Въ *«Кіевской Старинѣ»* за 1887 г., Августъ—Октябрь, помѣщено изслѣдованіе г. П. Кузьмичевскаго, *«Шелудивый Бунякъ въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ»*. Въ изслѣдованіи этомъ между прочимъ было разбираемо одно сказаніе, напечатанное у *Драгоманова «Малорусскіе народные преданія и разсказы»*, 224,—о томъ, что у Буняки внутренности были наружи и что ему приводили красивыхъ мальчиковъ, которыхъ онъ поѣдалъ. Разъ очередь выпала сыну одной вдовы, и эта ухитрилась спасти сына: спекла ему коржики на своемъ молокѣ. Буняка попробовалъ ихъ и потомъ, узнавъ, что это за коржики, не рѣшился съѣсть юношу, ставшаго его молочнымъ братомъ,—но за то юноша убилъ его. Варіантъ этого разсказа, переданный еще въ XVII ст. однимъ польскимъ хронистомъ, который дѣлаетъ изъ Буняки современнаго ему козацкаго вождя, замѣняетъ людоѣдство Буняки убійствомъ товарища, котораго Буняка бралъ съ собой ежемѣсячно купаться.

Г. Кузьмичевскій старался доказать, посредствомъ сравненія украинскихъ варіантовъ съ разными европейскими и азіатскими,—что вышеизложенный украинскій разсказъ есть отголосокъ повѣсти о царѣ фригійскомъ Мидасѣ, которая разсказана была между прочимъ у Овидія и Гигина и оставила по себѣ устные варіанты въ Греціи, Сербіи и разныхъ кельтическихъ земляхъ, въ которыхъ есть подобные разсказы и въ рукописной старинной литературѣ, и наконецъ проникла въ среднюю Азію, гдѣ варіантъ ея вошелъ въ монгольскую книгу Шидди Куръ (*B. Jülg Mongolische Märchen*, 46—51). По мнѣнію г. П. Кузьмичевскаго, украинскіе варіанты представляютъ переработку именно монгольскаго, въ которомъ хотя и нѣтъ у чудовищнаго царя открытыхъ внутренностей, а только ослиныя уши, какъ у Мидаса,

но есть подробность спасенія юноши посредствомъ коржика, которой нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ варіантѣ, кромѣ украинскаго.

Теперь появилось въ печати нѣсколько новыхъ матеріаловъ по данному вопросу.

Въ IV кн. болгарскаго изданія *«Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина»* напечатано два болгарскіе варіанта сказки *о царѣ Троянѣ* съ ослиными или козьими ушами, сходные съ новогреческимъ и сербскимъ, изложенными въ статьѣ г. Кузьмичевскаго. (*Народни умотворения*, 182—183, 185—186). Въ той же книгѣ, въ статьѣ г. *Ив. Шишманова* о *старыхъ путешествіяхъ по Болгаріи* приведено указаніе, что въ XV в. турки, показывая рыцарю Бертрандту де-ла Брокьеру развалины замка Троянополисъ при устьѣ Марицы, говорили, что Троянъ имѣлъ овечьи уши (*Сборникъ* и пр. IV, Наученъ отдѣлъ, 340; ср. *Периодическо списание на болгарско-то книжовно дружство*, 1882, III, 71).

Послѣднее указаніе интересно потому, что показываетъ, что перенесеніе на Трояна особенностей Мидаса принадлежитъ вовсе не однимъ только славянамъ. Сравненіе же двухъ болгарскихъ варіантовъ сказки о Троянѣ интересно для уясненія процесса изложеній одной и той же поэмы въ устныхъ пересказахъ. Такъ въ первомъ варіантѣ, гдѣ царь Троянъ имѣетъ ослиныя уши, онъ снимаетъ голову каждому брадобрѣю, призываемому во дворецъ, но умилостивляется передъ сыномъ вдовы. Когда мальчикъ болѣетъ отъ тайны, которой не смѣетъ никому разсказать, мать совѣтуетъ ему проговорить эту тайну въ глубокой ямѣ. Изъ нея выростаетъ трехствольная бузина, изъ которой пастухи дѣлаютъ дудки, а эти играютъ: «у царя Трояна ослиныя уши». Говоръ доходитъ до царя, который допрашиваетъ юношу-цирюльника; убѣдившись въ истинѣ его разсказа о дудкахъ, прощаетъ его и покоряется судьбѣ, говоря: «такъ, вѣрно, отъ Бога написано!» Во второмъ варіантѣ Троянъ имѣетъ козьи уши, какъ въ новогреческой сказкѣ:—періодическаго убіенія цирюльниковъ нѣтъ, а царя брѣетъ все одинъ, который и обязывается сохранить тайну. Матери цирюльника тоже нѣтъ, а онъ самъ надумался сказать тайну въ пустой колодезь. Изъ колодца выросло дерево, на каждомъ листѣ котораго оказалось написаннымъ: «у царя Трояна козьи уши». Такимъ образомъ дѣло обходится безъ знаменитой дудки, которая является во всѣхъ другихъ европейскихъ варіантахъ исторіи Мидаса.

Впрочемъ все это варіанты сказаній, распространенныхъ въ Южной и Западной Европѣ и нѣсколько отличныхъ отъ украинскихъ.

Но въ III кн. *«Живой Старины»*, въ отчетѣ о засѣданіяхъ петербургскаго *Нео-филологическаго общества* за 1890, встрѣчаемъ тибетскій разсказъ въ изложеніи г. Потанина и въ немъ подробности, вяжущія этотъ разсказъ съ исторіей Мидаса, вмѣстѣ и съ ея новыми европейскими отголосками, и съ монгольскимъ и украинскимъ ея варіантами. Разсказъ этотъ есть эпизодъ въ исторіи построенія Лабрана, резиденціи верховнаго церковнаго служителя въ Лассѣ. Вотъ этотъ разсказъ, по изложенію *«Живой Старины»*.

«На пиршествѣ, устроенномъ по случаю обновленія новаго зданія, призывается благословеніе на всѣхъ, содѣйствовавшихъ успѣшному сооруженію его, но забытъ былъ быкъ, который обиженъ и мститъ: у одного изъ потомковъ царя родился сынъ Ландарма съ бычачьими рогами на головѣ. Возмужавъ и вступивъ на престолъ, Ландарма становится гонителемъ буддистовъ. Опасаясь обнародованія недостатка, которымъ онъ надѣленъ отъ рожденія, Ландарма казнитъ всѣхъ юношей, которые его брѣютъ. Однако одинъ изъ нихъ спасся, благодаря хитрости: онъ далъ царю отвѣдать лепешки, приготовленныя на молокѣ его матери, и такимъ образомъ оказался молочнымъ братомъ царя; послѣдній даруетъ ему жизнь, подъ строгимъ приказомъ соблюсти тайну о рогахъ царя. Тайна мучитъ юношу и, по совѣту матери, онъ рѣшается ее выдать полевой мыши; послѣдняя передаетъ объ ней другимъ звѣрямъ и вскорѣ стало общеизвѣстнымъ, что у Ландарма на головѣ рога быка. Нѣкто Балъ-Доржи замыслилъ извести царя и, переодѣвшись танцовщикомъ, спряталъ въ рукавъ лукъ и стрѣлы; танцуя передъ царемъ, онъ поразилъ его стрѣлой и обратился въ бѣгство. За Балъ-Доржи послана погоня, но юноша спасается, переплывъ черезъ рѣку, причемъ его конь, окрашенный первоначально въ темный цвѣтъ, побѣлѣлъ послѣ переправы, такъ что всадникъ не признанъ». (*Живая Старина*, вып. III, 258—259).

Если предположить, что Балъ-Доржи въ первоначальномъ варіантѣ тибетскомъ былъ одно лице съ юношей, спасшимся отъ смерти при помощи лепешки, то тибетскій расказъ окажется особенно близкимъ съ украинскимъ. Впрочемъ и безъ того онъ даже ближе къ нему, чѣмъ книжный монгольскій, въ которомъ исторія оканчивается благополучно для царя. Не найдется ли варіантъ, посредничествующій между тибетскимъ и украинскимъ, напр. у калмыковъ?

II. Д-ръ Теоф. Окуневскій посѣтилъ въ 1887 г. мѣстности въ Галиціи, около Завалова, къ которымъ пріурочены устные и письменные разсказы о Бунякѣ, разобранные въ I главѣ работы г. Кузь-

мичевскаго. Онъ записалъ тамъ устные разсказы, а также скопировалъ письменныя замѣтки, которыя показываютъ до чего спутаны были историческія свѣдѣнія галицкихъ книжниковъ въ XVII — XVIII вв. о мѣстныхъ событіяхъ и какъ эти свѣдѣнія, къ которымъ присоединялось еще желаніе возвысить значеніе извѣстныхъ мѣстъ (монастырей и пр.), оказали вліяніе и на устные, народные разсказы.

«Я былъ въ Погони,—пишетъ г. Окуневскій, говорилъ тамъ съ двумя стариками и съ тамошнимъ игуменомъ монастыря Василіевскаго Коржинскимъ о Солодовомъ Бунякѣ и узналъ отъ селянъ слѣдующее:

«Цему уже дуже давно, якъ прыйшовъ зъ татарвою якись ихъ паша, недовирокъ, Буньо. Прыйшовъ винъ у наши краи зъ великими ордами, та пидъ Завиловымъ стявъ му князь Романъ Галицкій голову. Голова упала у одинъ бикъ, а тулубъ у другій. Тоди стала голова котити ся. Брови у тои голови були таки довги, що очи скризь нихъ дивити ся не могли. Та якъ разъ пидняла желизними вилами ти брови на стятій голови, и голова подивилася изъ Могилокъ на Городище, то циле те мисто запало ся. Тогди ще Тисьмениці (миста) не було и ажъ вибудовали, якъ городище запало ся. Голова котила ся усе дальше та дальше. Козаки гнали за невъ. Въ Товмачи товмачили еи 70-ма язиками, зъ видти мисто Товмачъ,—та не могли еи розтовмачити. Голова докотила ся ажъ не далеко до нашого села теперишнѐго; тутъ пасла баба товаръ та пряла куделю. Голова каже до баби: «сховай мене!» Баба сила на голову, а тимъ часомъ козаки перелетили. Лишився лишень одинъ, якійсь пъяничка, за полкомъ позаду, та зигнавъ бабу зъ мисця, а голова покотила ся зъ пидъ бабы. Догонивъ козакъ голову ажъ у лиси, та тутъ ѐи на макъ розсикъ. Поховали потимъ козакъ ѐи у могилу, де стоявъ давнище монастиръ, бо инакше була би лыха багато по свиту творила. Тай тому то и назвали наше село Погоневъ, бо тутъ голову дигнали.

«Ми жъ,—сказалъ подъ конецъ селянинъ,—тому таки бидни, що така сатана до насъ залетила!»

Игуменъ о. Коржинскій показалъ г. Окуневскому нѣсколько старыхъ рукописей и между ними нашлась одна переплетенная тетрадь со слѣдующею запискою:

SERIES

HISTORIARUM.

Monasterii Pohonensis
Ex Mandato Per Jllustris Reverendissimi

Domini Josafpat Steblecki
Ordinis Sancti Basilii Magni Abbatis
Ovrucensis Provinciae tituli Protectionis
Beatissimae virginis Mariae Provincialis
Per Vnblem Ardr. Rudum Patrem
Pancretium Dziubinski. O. S. B. Magni
Superiorem ejuisdem Monasterii
Confecta
Die 15. aji 1766-to anno.

De origine Monasterii Pohone, et unde hic
Locus sortitus est Nomen Pohonia.

Monaster ten Pohonia nazwany, iak dawno, od kogo, dla jakiej przyczyny, świdczy xiążka Ruska in quarto w klasztorze naszym Zawałowskim najduiąca się autore A. R. P. Galatowski [1]) Ejus loci Hegumen circa anni X-ti 1600, który opisuiąc pustoszenie kraiu tuteyszego od xiężęcia czili króla węgierskiego [2]) uzmiankuie o Pohoni w ten sposób: iż ten neprziacel poruynowawsczy wiele miast y zamków na Rusi przystąpił nad miasteczko Zawałów, woysko urzykowal na górze, na której teraz klasztor nacz stoi, od zachoda słońca, ex opposito zamka Zawałowckiego, który na drugiey górze za miastem od wschodu słońca, przebyciem tego strasznego goscia mocno strwożony przy maley liczbie ludziy w zamku zostaiący xiąże Jablonowski [3]) imieniem Roman, gorące do Pana Boga wylewał modły aby go ratował w oczywistym niebezpeczeństwie życią y gdy stroskany mało zasnał, od Mikołaja S o przyszley wygrancy we snie upewniony, y upomniony, aby na mieyscu zwycięstwa honor jego był promowowany. Stało się na zajutrz, że spędził nieprzyjacela z góry xiąże [4]) Roman, za pomocą Boską, woysko iedno pobił, drugie pobrał u niewolą, trzecie w rozsypkę poszło y gdy ócigał Pryncypała lasami uchodzęcego do Dniestru y daley za Dniestrem załedwie go w tych lasach Tyśmieniczkich między górami dopędził y głowę odciał, na tym mieyscu gdzie adpraesens ieszcze grób jego, mogiła okręgła niewielka w sadzie naszym starym (który do terazniey-

[1]) Надъ этими словами приписка другою рукою: *cui* titulo—Novoie nebo czili Cuda Matki W.

[2]) Надъ этими словами надписано другою рукою: króla czyli pana tatarskiego imieniem Batya albo Boniaka.

[3]) Надписано другою рукою: Halickiego.

[4]) Надписано др. р.: Halicki.

szego klasztora za góra na Północ stoi pokarnie. Podle tey mogiły kaplicą małą na honor Matki Bożey wystawić kazał xiąże Roman [1]), której teraz znaki tylko okopanie zarosłe widziemy, przy której że mnisi naszi mieszkali ex tradicione nominum constat, drżewa także rodzaie bardzo stare w tym ogrodzie iako y krynica pod górą na południe za sadem niedaleczko dowodzą, że na tamtym mieyscu byl primitive klasztorek nazwany Pohonia od ściganego y dopędzonego tu onego pustoszyciela kraiu Ruskiego, którego pospúlstwo nazywa dotychczas Sołudywym Buyniakiem».

На поляхъ около этой записки приписано слѣдующее:

«Król tatarski Baty czyli Boniak mieczem y ogniem pustoszył Ruskie kraie, któremu się nikt niemógł oprzeyć. Potym ze wszystkiemy ordami wyszedł na Zachonie kraie Polskie y Węgry przeciwko, któremu wyszedł węger król węngerski Władysław, a od Zawałowa był mu wział księże Roman Halicki—dopiero zabity od węgierskiego króla Władysława NB. Czytay Septembra 20 życia Michala księcia Czernihowskiego wyjęte z Synopsy Puczarskiego folio 179 dto, dto, dto te zycia są tu w Pohoni. Tenże Michał księże Czernihowski zabity 1245 anno.

«Którego to xiężęcia Halickiego Romana na swoich kazaniach swiatecznych na sw. Woyciecha wspomina w konkluzyi X Bielecki Soc. Jezu: Jakoby tak mowił: Non possum mella colligi nisi necentur apes, neque principatus teneri nisi pereat nobilitas, te xiężka iest tu w Pohoni.

«Tatarzyn—Tamerlan—albo Boniak pustoszył kraie Ruskie 1096. Patrz v Pateryku Peczerskiem w życiu Błogosłowionego Erazma na krzyżu prybitego: ta księżka jest tu w Pohoni.

Р. Л. Н.

Архивная справка о моровой язвѣ въ г. Кіевѣ въ 1770—71 гг. [2]). Кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ въ маѣ мѣсяцѣ 1770 г. увѣдомленъ былъ главнокомандующимъ нашей арміей гр. П. А. Румянцевымъ о появленіи въ Молдавіи и Валахіи «опасной бо-

[1]) Надписано: *Halickie*.

[2]) Въ кучѣ старыхъ бумагъ, хранившихся въ архивѣ кіев. губ. прав. и представлявшихъ, очевидно, разбитые остатки дѣлъ, спасенныхъ во время пожаровъ и переносокъ, какимъ когда то подвергался этотъ архивъ, мнѣ пришлось встрѣтить нѣсколько документовъ, главнымъ образомъ черновыхъ донесеній генералъ-губернатора Воейкова, относящихся къ постигшему городъ Кіевъ въ 1770 году бѣдствію—

лѣзни», почему и принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности въ пограничныхъ мѣстахъ, усиливъ бдительность карантиновъ.

Уже въ февралѣ мѣсяцѣ въ ближайшихъ къ г. Кіеву селахъ, принадлежавшихъ К.-Печ. лаврѣ, Пироговѣ и Хотовѣ, обнаружилась усиленная заболѣваемость и смертность обывателей, почему туда и посланъ былъ генералъ-губернаторомъ пограничный докторъ Иванъ Полетика, который въ рапортѣ 5-го февр. сообщалъ, что онъ нашелъ въ этихъ селахъ, «нѣкой родъ наносной горячки отъ проходящихъ командъ и въ квартирахъ многимъ числомъ стѣсняемыхъ, но чтобъ сія болѣзнь имѣла силу или свойство настоящей заповѣтренной (отъ чего Боже сохрани) моровой язвы, того утверждать не могу». Полетика не нашелъ никакихъ признаковъ опасныхъ, нашелъ, что умираютъ не скоропостижно, а послѣ 2-хъ или 3-хъ недѣль болѣзни, да и число умершихъ не велико, для «охраненія же и пользованія отъ оной болѣзни» Полетика рекомендовалъ управителямъ этихъ селъ нѣкоторые способы, «ежели только въ томъ К.-Печ. лавра, по бѣдности обывателей оныхъ селъ, отъ себя вспомоществованія учинить не отречется».

Когда генералъ-губернаторъ получилъ послѣдовавшій отъ 27-го августа на его имя Высочайшій указъ объ охраненіи границъ, уже въ самомъ Кіевѣ обнаружились признаки той же «опасной болѣзни», о чемъ онъ немедленно донесъ и въ пр. сенатъ и самой Императрицѣ.

Несмотря на всѣ свои старанія, Воейковъ не могъ «подлинно дойтить, отчего сія болѣзнь начало свое возъимѣла» и только 27-го сентября, на повторенный о томъ запросъ, онъ сообщалъ въ реляціи своей такое свѣдѣніе: бывшіе въ польскомъ мѣстечкѣ Ладыжинѣ для отвозу артиллерійскихъ припасовъ кіево-подольскіе жители, возвращались, и заѣзжая, какъ видно, въ стороннія мѣста, сообщеніемъ съ зараженными или, по глубокой своей глупости и корыстолюбію, тайнымъ провозомъ купленной въ опасныхъ мѣстахъ рухляди, подвергли себя тому несчастному жребію и были первою сему поражающему злу причиною».

О принятыхъ имъ на первыхъ порахъ въ городѣ мѣрахъ Воейковъ въ рапортѣ пр. сенату отъ 9-го декабря сообщалъ такъ: когда

моровой язвѣ. Изъ нихъ то я и извлекъ настоящую „справку“, пополняющую нѣсколько тѣ свѣдѣнія объ этомъ бѣдствіи, какія находимъ въ дневникѣ доктора Лерхе, напечатанномъ въ книгѣ Закревскаго „Описаніе Кіева“ (изд. 1868 г. т. 1 стр. 86—91).

онъ получилъ отъ находившагося на Подолѣ генералъ порутчика Сиверса, а также и отъ войта рапорты, что 2-го сентября въ одномъ мѣщанскомъ домѣ умерло скоропостижно три человѣка и по учиненному чрезъ медицинскихъ чиновъ осмотру найдены въ гнилой заразительной горячкѣ съ пятнами,—я ту же минуту приказалъ всѣхъ въ томъ домѣ оставшихся здоровыхъ за городъ въ отдаленныя мѣста выслать, караулъ къ нимъ опредѣлить, сообщеніе запретить, домъ запереть и найденныя въ немъ вещи сжечь, чего съ домомъ сдѣлать было нельзя, ибо оной находится внутри города и стѣсненной со всѣхъ сторонъ другими строеніями; но сія, хотя весьма благовременно учиненная, осторожность не могла однако жъ совершенно отвратить сего вкравшагося и по видимому во многихъ уже домахъ утаившагося зла; ибо на другой день, т. е. 3-го сентября жъ помянутой г. генералъ-порутчикъ рапортовалъ меня, что и въ другомъ домѣ одинъ тамошній житель скоропостижно умре и по осмотру оказался въ опасныхъ заразительныхъ знакахъ, а потомъ и часъ отъ часу зараженные въ домахъ являться начали, чего для, по призывѣ докторовъ пограничнаго Полетики и находящагося при здѣшнемъ госпиталѣ Митрофанова и прочихъ медицинскихъ чиновъ, велѣлъ мертвыя тѣла и случившихся больныхъ прилежнѣйше осмотрѣть, которые и рапортовали, что сверхъ гнилой заразительной горячки съ пятнами примѣтили они и настоящіе опасные знаки, почему тотъ же часъ и учреждено слѣдующее: 1 е докторъ Митрофановъ съ лѣкаремъ туда опредѣленъ съ наставленіемъ, дабы слѣдовалъ на такіе случаи сочиненному докторомъ Лерхомъ при 2 й арміи описанію, мнѣ жъ отъ главнокомандующаго тою арміею сообщенному; 2-е, какъ сей городъ раздѣленъ на три части, а сія опасность тогда оказалась въ одномъ нижнемъ городѣ, называемомъ Подолъ, разстояніемъ отъ Печерской крѣпости и форштата въ трехъ верстахъ, слѣд. отъ сихъ двухъ и отъ стороны заднѣпрской пресѣчено сообщеніе разставленными въ пристойныхъ мѣстахъ караулами, денными и ночными разъѣздами; 3-е, во всемъ городѣ велѣно опредѣлить десятскихъ, которые должны ежедневно всѣ городскіе домы прилежно осматривать и, буде случатся больные, немедленно доктору давать знать и оказавшихся по осмотру въ опасныхъ болѣзняхъ тотчасъ отсылать въ учрежденной для того внѣ жилья особой лазаретъ, и здоровыхъ въ тѣхъ же домахъ оставшихъ—въ карантинъ.

Всѣ вышеписанныя къ прекращенію такова зла весьма благовременно принятые мѣры не воспрепятствовали однако жъ разпро-

страниться сей пагубѣ и въ протчіи два мѣста сего города, т. е. въ верхній городъ Кіевъ въ печерской форштатъ, и наконецъ и въ самую здѣшнюю крѣпость, чему другой причины найтить нельзя, какъ въ разсужденіи близости вышеписанныхъ мѣръ къ Подолу или тайное, мимо учрежденныхъ карауловъ и бекетовъ, съ подольскими жителями неосторожное сообщеніе и, по глубокой простотѣ и упрямству здѣшняго народа, къ собственной ихъ безопасности служащихъ учрежденій преступленіе. Совершенно сіе доказывается тѣмъ, что и понынѣ большею частію умираютъ все изъ подлости, что происходитъ отъ ненаблюденія какъ въ домахъ, такъ и съ собою никакой, и особливо въ нынѣшнемъ случаѣ нужной, чистоты, хотя и приказано имъ о томъ довольно толковать, а частію къ тому и принуждать. О чемъ отъ меня какъ сначала такъ и отъ времени до времени Высоч. Е. И. В. двору и пр. сенату, въ 1-й деп. почасту доносить не оставлено. Нынѣ жъ, Всевышнему благодаря, болѣзнь во всѣхъ трехъ частяхъ города весьма знатно умаляется, а въ здѣшней крѣпости обстоитъ все благополучно. Почта для проѣзжающихъ изъ арміи курьеровъ и другихъ чиновъ, въ силу Высоч. имен. Е. И. В. указа отъ 19 мин. сентября, переведена внизъ по Днѣпру отъ здѣшняго мѣста въ 25-ти верстахъ въ хуторъ Козинъ и на сей заставѣ опредѣленъ штабъ-офицеръ съ лѣкаремъ для исполненія надлежащей какъ съ курьерами, такъ и съ другими внутрь Россіи чрезъ оную проѣзжающими осторожности».

Въ рапортѣ пр. сенату отъ 29-го декабря Воейковъ писалъ: «Опасная болѣзнь хотя весьма знатно во всѣхъ трехъ частяхъ города утихла, но не совсѣмъ прекратилась, ибо являются еще изрѣдка небольшіе ея слѣды, однакожъ не болѣе какъ по два и три человѣка въ сутки, чему большею частію по примѣчаніямъ приписуется причиною продолжившаяся даже до третьяго дня противу прежнихъ лѣтъ совсѣмъ необыкновенная весьма теплая и съ непрестанными густыми туманами влажная погода».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Кіевъ докторъ Лерхъ, о чемъ сообщалъ въ своей реляціи къ Императрицѣ генералъ-губернаторъ отъ 14-го октября такъ: «Къ немалому при семъ бѣдственномъ случаѣ порадованію предъ двумя днями прибылъ сюда возвращающійся изъ первой арміи кол. сов. и медицины докторъ Лерхъ, который по своей практикѣ и извѣстному въ такихъ случаяхъ искусству охотно себя представилъ и здѣшнему мѣсту помочь и показать опытъ своей неутомленной ревности и усердія, что при помощи Божіей и пода-

етъ не малую надежду къ истребленію сего ворвавшагося зла; чего для и не оставилъ я предписать всѣмъ здѣсь находящимся какъ медицинскимъ чинамъ, такъ и прочимъ, дабы слѣдовали во всемъ его г. Лерха наставленіямъ».

А въ медицинскихъ «чинахъ» былъ крайній недостатокъ, такъ что Воейковъ вынужденъ былъ, какъ видно это изъ одного документа, задержать лѣкаря Прокофія Ромадина, котораго военное начальство требовало къ мѣсту его назначенія въ Тенгинскій полкъ. Командировавъ его въ хуторъ Козинъ для осматриванія курьеровъ и другихъ проѣзжающихъ, Воейковъ донесъ въ военную коллегію, что «за неимѣніемъ въ Кіевѣ лекарей смѣнить оного Ромадина не кѣмъ», а потому и отпустить его не можетъ, «пока въ немъ тамъ нужда обстоять будетъ».

Наличный составъ «медицинскихъ чиновъ» въ борьбѣ съ эпидеміей встрѣчалъ не мало препятствій, между прочимъ, и въ томъ «самоуправствѣ» начальствовавшихъ, но не подчиненныхъ другъ другу лицъ, о которомъ упомянулъ въ своемъ дневникѣ докторъ Лерхъ. Жалуясь на то, что эти лица «не обращая вниманія на общую цѣль, не подчинялись разумной дисциплинѣ», Лерхъ прямо говоритъ, что безтолковыя распоряженія различныхъ начальниковъ были главною помѣхою для медиковъ, при исполненіи ими своихъ обязанностей, и сильно вредили мѣрамъ, предпринимаемымъ для общей пользы». На такое отсутствіе пониманія «общей пользы», между прочимъ, и въ средѣ духовнаго начальства указываетъ переписка, возникшая по поводу устройства карантина въ Кириловскомъ монастырѣ. 20 сентября г. генералъ-губернаторъ сообщилъ кіев. дух. консисторіи, что, согласно мнѣнію медиковъ, необходимо изолировать тѣхъ людей, которые находились въ зараженныхъ домахъ, и что «за неимѣніемъ внѣ города свободныхъ домовъ и за невозможностію для холода высылать на островъ» признано наиболѣе удобнымъ отправлять такихъ людей въ Кириловскій монастырь, выславъ предварительно монаховъ въ другіе монастыри и оставивъ только изъ нихъ нѣсколько человѣкъ «для церковнослуженія и присмотра монастырскихъ припасовъ». Хотя Воейковъ и писалъ, что «тѣмъ однимъ отдаленіемъ отъ незараженныхъ ожидать только можно, при помощи Божіей, совершеннаго той гибели прекращенія», и потому и требовалъ отъ консисторіи, чтобы, «способствуя къ соблюденію всего общества», сдѣлала съ своей стороны распоряженіе о пріемѣ въ Кириловскій монастырь изолируемыхъ обывателей, но консисторія, «не учиня требуемаго исполненія», за-

вела переписку съ архимандритомъ монастыря и, уваживъ представленные имъ резоны противъ исполненія требованій генералъ-губернатора, обратилась въ св. Синодъ за резолюціей.

Св. Синодъ нашелъ, конечно, что «въ такомъ самонужнѣйшемъ требованіи и переписки чинить и исполненіемъ медлить отнюдь оной консисторіи не слѣдовало», и предписалъ ей «учинить непремѣнное исполненіе», а митрополиту кіевскому предписалъ, чтобы онъ, «какъ консисторію, такъ и архимандрита за нескорое по оному г. генералъ-губернатора сообщенію исполненіе и за продоженіе чрезъ непринадлежащіе переписки времени, по своему разсмотрѣнію, безъ оштрафованія не оставилъ» [1]).

Въ реляціи отъ 27-октября Воейковъ сообщалъ о временномъ прекращеніи занятій въ губернской канцеляріи: «въ разсужденіи, что находящіеся при здѣшней губ. канц. служители канцелярскіе, живучи между другими обывателями, нѣкоторые несчастный жребій понесли сами, у другихъ въ собственныхъ ихъ домахъ и квартирахъ такое жъ приключеніе послѣдовало, и иные живутъ между самыми зараженными мѣстами, то я за нужное почелъ присутствіе въ здѣшней губ. канцеляріи для обыкновенныхъ всегдашнихъ дѣлъ на нѣкоторое время отставить; если жъ случится какая либо чрезвычайная надобность, то положилъ въ такомъ случаѣ присутствующимъ по повѣсткамъ въ особливомъ безопасномъ мѣстѣ съѣзжаться и повелѣнное немедленно исполнять». Когда же болѣзнь появилась и въ самой крѣпости, то Воейковъ и самъ, какъ сообщалъ о томъ въ реляціи 11-го ноября, «принужденъ былъ по совѣту доктора Лерха, на нѣкоторое время для перемѣны воздуха переѣхать въ здѣшнюю деревню, которая близостію своею служитъ къ Кіеву убѣжищемъ отъ настоящей опасности, но и не отнимаетъ и малѣйшаго времени въ отправленіи всѣхъ до меня принадлежащихъ дѣлъ». Но пробылъ въ этой деревнѣ генералъ губернаторъ не больше десяти дней и 23-го ноября уже доносилъ о своемъ возвращеніи въ городъ, а затѣмъ отправился въ м. Бровары для свиданія съ маіоромъ Шиповымъ, прибывшимъ по Высочайшему повелѣнію «для воспріятія достаточныхъ мѣръ къ удержанію и совершенному истребленію опасной болѣзни». Туда же при-

[1]) Надо замѣтить, что митрополита въ то время въ Кіевѣ не было: 22-го сентября только лишь былъ назначенъ на кіевскую митрополію архіепископъ петербургскій Гавріилъ Кременецкій, который, въ качествѣ члена св. Синода, вѣроятно, въ Петербургѣ еще узналъ о такомъ отношеніи кіевскихъ духовныхъ властей къ общенародному бѣдствію.

былъ и ген. пор. Сиверсъ, и тамъ «по общему согласію учинено постановленіе» относительно дальнѣйшихъ мѣръ для борьбы съ заразою. Но медики, въ числѣ семи человѣкъ, присланы были изъ Петербурга въ распоряженіе Шипова только въ февралѣ мѣсяцѣ, когда зараза уже въ Кіевѣ прекратилась.

Въ первыхъ числахъ декабря межигорской заставы унтеръ-цольнеръ Сибилевъ рапортовалъ въ васильковскую пограничную таможню, что «по оказавшейся опасности отъ повѣтрія въ той заставѣ четыр объѣздчика съ семействомъ и прочаго званія люди, сколько ни было въ той заставѣ, всѣ померли безъ остатку», а онъ самъ, Сибилевъ, съ канцеляристомъ ушелъ въ лѣсъ и живетъ въ шалашѣ, и что ихъ теперь обратно на заставу не пускаютъ «приставленные кругомъ оной караульные козаки» [1]).

Это усиленіе карауловъ и карантинныхъ строгостей, вообще мѣръ предупредительныхъ, явилось лишь съ пріѣздомъ Шипова, объ энергіи котораго въ этомъ направленіи упоминаетъ и докторъ Лерхъ.

Болѣзнь «по видимому пресѣклась» съ 6-го генваря 1771 г., о чемъ и заявлялъ въ своихъ реляціяхъ Воейковъ, еженедѣльно доносяя въ нихъ о благополучіи города. Только лишь въ реляціи 24-го февраля сообщалъ онъ, что въ г. Васильковѣ, «хотя и не въ самомъ карантинномъ домѣ, въ разныхъ числахъ одинадцать человѣкъ умерло, на которыхъ знаки заразительной болѣзни найдены».

Въ реляціи 28-го марта читаемъ: «въ прибытіе сюда лейбъ-гвардіи маіора Шипова, взирая на прекратившуюся уже болѣе двухъ мѣсяцевъ опасную болѣзнь, здѣшній городъ, къ великой радости всѣхъ живущихъ, отворенъ и свободной въѣздъ и выѣздъ, съ надлежащими однакожъ предосторожностями, дозволенъ». При этомъ генералъ-губернаторъ сообщалъ, что многіе кіевскіе обыватели, желая избѣжать насильнаго выселенія изъ города или же сожженія имущества, во время эпидеміи не только не объявляли о заболѣвшихъ въ ихъ домахъ, но «напротивъ того, по глубокой и не разсудительной простотѣ, таили и потомъ умершихъ скрытно въ огородахъ и домахъ своихъ хоронили», а потому онъ и распорядился «чрезъ нарочно командированныхъ штабъ офицеровъ всѣ дворы и жилища осмотрѣть и, ежели гдѣ такія могилы найдены будутъ, насыпая высоко землю, крѣпко убивать».

---

[1]) О бѣдствіяхъ этой таможенной заставы въ печальную зиму 1770 г. и о негостепріимномъ отношеніи къ ней Межигорскаго монастыря старцевъ имѣется свѣдѣніе въ моемъ сборникѣ „Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр.“ вып. 9-й стр. 25—31.

Въ маѣ же мѣсяцѣ войтъ кіевскій доносилъ генералъ-губернатору, что въ городъ возвратилось болѣе 500 человѣкъ обывателей, которыхъ магистратъ зачислилъ уже въ число умершихъ, но которые, какъ оказывается, въ разное время, когда болѣзнь царила въ городѣ, пробрались изъ него помимо всякихъ карауловъ.

Но «опасная болѣзнь» не совсѣмъ миновала: она возобновилась лѣтомъ по винѣ, какъ сообщаетъ докторъ Лерхъ, гарнизоннаго начальства [1]).

Въ реляціи своей отъ 10-го августа (послѣдней изъ имѣвшихся у меня черновокъ) Воейковъ писалъ: «противу всякаго чаянія, въ началѣ прошлаго іюля мѣсяца сперва оказались здѣсь гнилыя горячки съ пятнами, а послѣ, хотя и весьма изрѣдка, примѣчены и другіе опасной болѣзни знаки; и такъ во уваженіе, что сіе сперва появилось въ предмѣстьяхъ печерской крѣпости въ жилищахъ солдатъ здѣшняго гарнизона, то и не оставлено вывесть оныхъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ въ лагерь, домы же тѣхъ, гдѣ таковые опасно заболѣвшіе находились, со всѣми вещами тотчасъ сожжены».

Возобновленіе болѣзни крѣпко смутило и обывателей, и начальство, на этотъ разъ уже со всею энергіей принявшее всѣ указанныя опытомъ мѣры предосторожности [2]).

Отъ 3-го августа 1771 г. на имя Воейкова послѣдовалъ такой высочайшій рескриптъ:

«Къ великому сожалѣнію, увѣдомились мы, что небреженіе кіевскихъ гарнизонныхъ о своемъ собственномъ сохраненіи было причиною возобновленія у васъ заразы. Частные начальники ихъ видно не имѣли также о сихъ искавшихъ погибель свою людяхъ должнаго попеченія, а тѣмъ и подвергли было себя и весь городъ равной участи. По сему самому заблагоразсудили мы подтвердить вамъ, чтобъ

---

[1]) Помощникъ коменданта маіоръ Раевскій „нерадиво смотрѣлъ за очищеніемъ и вывѣтриваніемъ зачумленныхъ мѣстъ. Въ то же время было дознано, что этотъ маіоръ тайно собралъ изъ зараженныхъ домовъ изрядное количество ящиковъ и сундуковъ съ имѣніемъ и хранилъ ихъ въ какомъ то погребѣ". (Опис. Кіева Закревскаго т. 1, стр. 91). Докторъ Лерхъ 5-го іюля уже выѣхалъ изъ Кіева. Сообщая о его отпускѣ, генералъ-губернаторъ въ своей іюльской реляціи писалъ, что Лерхъ „въ бытность свою здѣсь во время опасной болѣзни, не взирая на старость лѣтъ и потому слабость корпуса своего, оказывалъ не малые труды и радѣтельную прилежность".

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой дѣятельности помѣщены въ моемъ сборникѣ. „Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр." вып. 5-й стр. 169—173.

вы строжайше наказали имъ наблюдать впредь потребную между подчиненными ихъ осторожность и охранять ихъ отъ подобныхъ поползновеній. Мы надѣемся, что вы, содѣйствуя въ томъ обще съ нашимъ гвардіи маіоромъ Шиповымъ, потщитесь, искоренивъ въ конецъ сіе вкравшееся зло, возвратить ввѣренному вамъ городу прежнее его спокойствіе и совершенную безопасность».

Сколько же людей умерло въ Кіевѣ отъ моровой язвы? Едва ли и можно было имѣть точное объ этомъ свѣдѣніе. Докторъ Лерхъ говоритъ, что «число умершихъ, по показанію дневныхъ рапортовъ, простирается почти до четырехъ тысячъ человѣкъ, хотя нѣкоторые число это увеличиваютъ». Упомянутый выше фактъ—появленія болѣе 500 человѣкъ, числившихся уже умершими, достаточно свидѣтельствуетъ о невѣрности этихъ «дневныхъ рапортовъ» и всей вообще оффиціальной статистики смертности.

Послѣ многократныхъ напоминаній со стороны пр. сената о присылкѣ «точнаго численія» умершихъ, послѣ замѣчанія за медленность въ этой присылкѣ, генералъ-губернаторъ только лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1772 года собралъ всѣ имѣвшіяся свѣдѣнія и составилъ вѣдомость о числѣ умершихъ въ г. Кіевѣ, которую и препроводилъ въ пр. Сенатъ при рапортѣ отъ 19-го іюля. Конечно, и она далеко не можетъ быть признана точною. Тѣмъ не менѣе, какъ оффиціальный документъ, она представляетъ интересъ, хотя бы приблизительно опредѣляя размѣры смертности. Изъ этой то вѣдомости (черновой) видно, что во всѣхъ трехъ частяхъ города въ оба періода болѣзни умерло 1829 мужчинъ 1802 женщины, а всего 3631 человѣкъ. По частямъ города движеніе смертности въ вѣдомости представлено такъ:

А) въ первую заразу:

1) *на Подолѣ:*

	мужч.	женщ.
а) гарниз. баталіона и прочихъ военныхъ артиллерійской и инженерной командъ и полевыхъ полковъ	61	27
б) мѣщанъ, козаковъ и разночинцевъ.	397	675
в) духовныхъ	15	
Итого	473	702

2) *въ верхнемъ городѣ:*

а) таковыхъ же воинскихъ.	60	103

	муж.	женщ.
б) малороссіянъ, посполитыхъ и другихъ разночинцевъ	163	160
в) духовныхъ	35	
Итого	198	263
3) въ к. печерской крѣп. и ея форштатахъ:		
а) таковыхъ же воинскихъ.	389	252
б) малороссіянъ, посполитыхъ и др. разночинцевъ.	494	400
в) духовныхъ	11	
Итого	894	652

Б) во вторую заразу:

1) *на Подолѣ*:

	мужч.	женщ.
а) полевой команды солдатъ	1	„
б) жителей	13	23
Итого	14	23
2) *въ верхнемъ городѣ*:		
а) воинскихъ разн. командъ	26	12
б) малороссіянъ посполитыхъ и др. разночинцевъ	2	5
Итого	28	17
3) *на Печерскѣ*:		
а) воинскихъ разн. командъ	162	67
б) малорос. посполитыхъ и др. разночинцевъ . .	60	78
Итого	222	145

Въ той же вѣдомости о началѣ и концѣ эпидеміи показано такъ: Началась болѣзнь на Подолѣ съ 1-го сентября 1770 г., въ верхнемъ городѣ 12-го сент. и на Печерскѣ 19 го, пресѣклась на Подолѣ 19 го генваря 1771 г., а въ другихъ частяхъ 6-го генваря. «Отрыгнулась опасная болѣзнь» во всѣхъ трехъ частяхъ съ 23-го іюня, а пресѣклась на Подолѣ 6-го декабря, въ верхнемъ городѣ 2-го, а на Печерскѣ 20-го того же декабря.

Въ объясненіе того, почему долго не представлялась эта вѣдомость, Воейковъ въ своемъ репортѣ писалъ: «какъ здѣшняя кіевская губернія состоитъ въ одномъ только городѣ Кіевѣ и приписныхъ нѣскольскихъ, состоящихъ въ Малороссіи, раскольническихъ слободокъ и въ самомъ городѣ Кіевѣ жители суть подъ разными вѣдомствами, яко то малороссіяне посполитые и козаки въ малороссійской коллегіи и у здѣшнихъ монастырей, а вѣдомства моего одни

только нижняго города Подола мѣщане и другіе тамошніе жители, также и принадлежащіе къ канцеляріи и гарнизонныхъ баталіоновъ служители, то и принуждено было о числѣ умершихъ людей заимствовать изъ разныхъ мѣстъ; но что во оныхъ по причинѣ таково злово приключенія, въ предосторожность оного и въ сохраненіе жизни каждаго, и чтобъ удалить всегдашнее сообщеніе, чрезъ довольное время въ присутственныхъ мѣстахъ собранія не было и каждой находился въ растройкѣ и замѣшательствѣ, то потому и не безъ трудности было сообразить и собрать счисленіе умершихъ; чрезъ каковыя всѣ причины во отправленіи той вѣдомости и время продолжиться могло».

Ал. Андріевскій.

Къ объясненію малорусскихъ гаданій. *1) Гаданіе по внутренностямъ животныхъ.* Въ § 127 «Культурныхъ переживаній», говоря (на с. 288) о гаданіяхъ по животнымъ, я замѣтилъ, что «въ Малороссіи гаданій по внутренностямъ животныхъ, кажется, нѣтъ въ настоящее время». Мы не говорили были ли они въ Украинѣ въ старину, за неимѣніемъ данныхъ. О существованіи такого гаданія въ Малороссіи можно было предполагать потому, что гаданіе по внутренностямъ животныхъ встрѣчается у болгаръ, весьма распространено и весьма сложно у монгольскихъ народовъ, бытовало у древнихъ классическихъ народовъ. Въ Сборникѣ малорусскихъ сказокъ и повѣрій И. И. Манжуры 1890 г. находится цѣнное и, если не ошибаемся, единственное указаніе, что гаданіе по внутренностямъ кабана существуетъ и нынѣ у малороссовъ въ екатеринославской губ.: «якъ колють къ Риздву кабана замичаютъ косу (селезенку): якъ съ заду товща, ще зима буде товства, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша» (156).

2) Гаданіе по камню. Въ томъ же 127 § «Культурныхъ переживаній» я указалъ на загадочное гаданіе въ одной малорусской пѣснѣ въ «Трудахъ этн.-стат. экспед.» Чубинскаго (V, 145), именно:

Брешить, брешить, вориженьки,
Стоить камень край дориженьки
Припадайте та й гадайте,
Тильки мене не обсуждайте.

Я высказалъ предложеніе, что гаданіе это состояло въ прислушиваніи къ камню и замѣтилъ, что и въ древней Греціи было гаданіе по камню (лиѳомантія), также прислушивались къ дереву

(*Буше-Леклеркъ.* Колд. въ антич. мірѣ I, 151). Ссылка на аналогичное явленіе древняго времени не даетъ однако объясненія малорусскому гаданію, и остается загадочнымъ, какъ происходило это гаданіе, съ какими цѣлями къ нему приступали и, главное, какая таинственная сила должна была дать отвѣтъ въ камнѣ или деревѣ. Въ данныхъ русскаго этнографическаго матеріала мы не находимъ объясненія. Можетъ быть, здѣсь намъ поможетъ ссылка на западно-европейскій фольклоръ. Въ грубыхъ суевѣріяхъ неаполитанскаго простонародья встрѣчаются такія характерныя черты гаданія по камню, которыя, не разъясняя прямо темнаго мѣста украинской пѣсни, даютъ, однако, возможность уяснить основной смыслъ гаданія по камнямъ вообще, въ частности, подойти близко къ пониманію значенія украинскаго гаданія по камню. Гадали первоначально, вѣроятно, только на могильныхъ камняхъ, а потомъ уже на всякомъ камнѣ. Въ южной Италіи и въ Сициліи существуетъ весьма странный культъ казненныхъ преступниковъ, преимущественно повѣшенныхъ. Въ Палермо на кладбищѣ казненныхъ есть церковь, гдѣ сосредоточивается этотъ культъ. Молиться сюда стекаются многіе, иногда изъ далекихъ мѣстностей. Входятъ въ церковь босые и передъ престоломъ Іоанна Крестителя, который считается въ южной Италіи патрономъ казненныхъ, читаютъ молитвы, обращенныя къ казненнымъ, напр. «Вы, души обезглавленныхъ тѣлъ, рожденныя на землѣ, находящіяся въ чистилищѣ, ожидающія рая, молите Бога о нашихъ нуждахъ и молите святыхъ объ избавленій насъ отъ враговъ». Молитва эта въ стихахъ и въ оригиналѣ весьма своеобразна[1]).

По прочтеніи молитвы-заговора подходятъ къ находящемуся возлѣ церкви камню, прикладываютъ къ нему ухо и, если послышится подъ камнемъ шорохъ, значитъ—молитва услышана. По народному повѣрью подъ камнемъ живетъ много душъ обезглавленныхъ и повѣшенныхъ. Повѣрье это отвѣчаетъ римскому, что divi manes жили въ глубинѣ земли. Душамъ казненныхъ (anime dei decollati) молятся также дома ночью

---

[1]) Armuzzi di li corpi decullati
Chi'n terra siti nati,
'N purgatoriu vi stati
'N paradisu siti aspittati,
Prigati l'Eternu Patri
Rili mei nicissitati,
Prigati lu Signi
Chi li nimici mi vennu 'n favuri.

передъ образомъ св. мученика. Молящійся говоритъ сначала молитвы Отче нашъ, ave Maria и др. и затѣмъ высказываетъ просьбу повѣшеннымъ громко и отчетливо: «Высокія души казненныхъ, три повѣшенныхъ, три обезглавленныхъ и три утопленныхъ, всѣ девять идите къ вѣчному Отцу и скажите Ему о моей нуждѣ». Въ это время прислушиваются къ звукамъ на улицѣ и по нимъ опредѣляютъ успѣхъ молитвы-заговора. Хорошимъ знакомъ считаютъ крикъ пѣтуха, лай собаки, звукъ гитары, звонъ колокола, пѣніе людей, стукъ въ двери, быстрый проѣздъ экипажа по улицѣ; дурнымъ—мяуканіе кошки, крикъ осла, шумъ воды. Эти примѣты коренятся въ древнемъ язычествѣ, въ культѣ divi manes (*Trede*, Das Heidentum in der römisch. Kirche, III, 346—348).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Преданіе о крестахъ подлѣ с. Брикова (острожскаго у.).

Недалеко отъ города Острога волынской губерніи есть с. Бриковъ, а въ селѣ крутая, высокая гора. На этой горѣ стоятъ рядомъ три деревянныхъ, почернѣвшихъ отъ времени, поросшимъ мохомъ и покосившихся креста; средній крестъ ниже, два боковыхъ выше. Объ этихъ крестахъ въ селѣ и въ окружности ходитъ среди крестьянъ слѣдующее преданіе. Очень давно, никто еще этого не запомнитъ, жила была въ селѣ крестьянская дѣвушка, какъ говорится, писаная красавица; мѣстные парубки за нею ухаживали всѣмъ селомъ, отъ «сватывъ» не было отбою. Особенно же любили дѣвушку два парня, которые—оба въ одинаковой мѣрѣ и степени нравились красавицѣ. Всѣ же прочіе безжалостно получали «гарбузъ».—И вотъ два влюбленныхъ парня, по преданію, оба красавцы и молодцы,—кровь съ молокомъ—одновременно сдѣлали предложеніе дѣвушкѣ. Красавица рѣшила бросить жребій, чьей быть женой. И вотъ что она придумала: она станетъ на горѣ, парни подъ горою и одновременно, по командѣ, оба бросятся бѣжать на гору, кто первымъ добѣжитъ до красавицы, тотъ и будетъ ея мужемъ.

Парни охотно согласились на такое состязаніе. Въ назначенный день они стояли уже внизу подъ горою, а красавица на горѣ. По командѣ парни бросились бѣжать на гору, но лишь взбѣжали и прибѣжали къ красавицѣ, какъ неожиданно ударилъ въ нихъ громъ, и всѣхъ троихъ убилъ. Здѣсь же ихъ всѣхъ и похоронили—дѣвушку по срединѣ, парней по бокамъ. По другому варіанту того же пре-

данія,—парни, взбѣжавъ на гору, упали у ногъ красавицы бездыханными, а на красавицу это такъ повліяло, что она тоже умерла, и ихъ всѣхъ трехъ тутъ и похоронили, вслѣдствіе предсмертной просьбы (по третьему варіанту) красавицы.

Вообще это преданіе ходитъ съ разными варіаціями.

Сообщилъ **И. Ф. Б—скій.**

Распредѣлительная запись имѣній графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго между его сыновьями. Двумя актами 1800 года, графъ К. Г. Разумовскій распредѣлилъ всѣ свои имѣнія между шестью своими сыновьями, Андреемъ, Алексѣемъ, Петромъ, Львомъ, Григоріемъ и Иваномъ, и при этомъ перечислилъ всѣ свои имѣнія. Несмотря на то, что въ этихъ актахъ перечислены одни только малороссійскія имѣнія, мы видимъ—какія огромныя богатства передавалъ своимъ сыновьямъ бывшій гетманъ. Но не прошло и столѣтія, какъ отъ этихъ богатствъ у наслѣдниковъ гетмана не осталось и четвертой доли. А гдѣ тѣ «дипломы, грамоты рескрипты, указы», о которыхъ говорится въ этихъ актахъ?—Повидимому, и они уже не существуютъ... По крайней мѣрѣ, о нихъ ничего не говоритъ авторъ книги о «Семействѣ Разумовскихъ», въ которой подробно разсказана исторія такъ быстро возвеличившейся и такъ быстро исчезнувшей семьи Разумовскихъ... Записанный въ книги «земскаго повѣтоваго конотопскаго суда» юридическій актъ остается единственнымъ памятникомъ былыхъ богатствъ послѣдняго гетмана...

А. Л.

Тысяча восмисотого года, апреля первого дня. Я нижеподписавшійся, симъ моимъ добровольнымъ, вѣчистымъ уступнымъ записомъ, всѣмъ кому о томъ вѣдать подлежитъ, обявляю: что изъ малороссійскихъ моихъ недвижимыхъ имѣній, Ропскую волость, состоящую въ повѣтахъ Стародубскомъ и Новгородско-сѣверскомъ, въ пяты тысячахъ девяти стахъ тринадцаты душахъ крестьянъ мужеска пола, по послѣдней ревизіи за мною показанныхъ, съ ихъ семействами, и со всѣмъ и всякимъ имуществомъ, какъ то: мѣстечко Ропскъ, села: Хоромное, Хотѣевку, Карповичи, Тимоновичи, Бровничи, Соловьевку, Крапивное, Старый Ропскъ, Сачковичи, Могилевцы, Лобановку, Буду, и деревни: Барановку, она жъ и заводъ Могилицкій, Орликовку, слободу Блешню, да хутора: Кириловской, и Хандабоковской, онъ же и

заводъ Прпборской, со всѣми землями, лѣсами, угодіями, къ тѣмъ мѣстечку, селамъ, деревнямъ, хуторамъ и заводамъ принадлѣжащими, водяные мельницы, вынокуренные и всякаго другаго рода заводы, и хуторныя всѣ строенія со всею движимою наличностію, тамъ имѣющеюся, не исключая изъ того и малѣйше чего либо, что къ той Ропской волости принадлежало, принадлежить и чемъ я владѣлъ и владѣю, но все безъ изъятія (кромѣ одного токмо села Рыкова, которое по отдѣленіи, давно уже состоитъ подъ распоряженіемъ Шептановской волости моей) уступаю и записываю во вѣчное и потомственное владѣніе сыну моему дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру графу Андрею Кириловичу Разумовскому, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ доходы съ той Ропской волости собираемыя, получать мнѣ по смерть мою. По смерти жъ моей, оной сынъ мой графъ Андрей, имѣть будетъ право, по сему моему уступному запису, собирая тѣ доходы употреблять на себя, по волѣ и мыслѣ своей, какъ его собственное вѣчно и потомственно ему принадлежащее. Утверждаю сей записъ собственноручнымъ моимъ подписомъ, съ приложеніемъ печати при свидѣтеляхъ: генералъ фелтмаршалъ графъ Кирила Разумовскій. (М. П.)

На семъ вѣчистомъ уступномъ записѣ по самоличному прошенію господина генералъ фельдмаршала и кавалера Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, во свидѣтельство съ приложеніемъ печатей нашихъ подписалися: вице-канцлеръ дѣйствительной тайной совѣтникъ, дѣйствителній камергеръ и кавалѣръ графъ Викторъ Кочубей (м. п.). Оберъ-шенкъ и кавалѣръ Николай Загряжской (м. п.). Генералъ-маіоръ и кавалѣръ Михайло Гудовичъ (м. п.) 1800 года апреля 13 дня, сей вѣчистій уступній записъ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала и разныхъ орденовъ кавалѣра графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго при прошеніи на всевысочайшее Его Императорскаго Величества имя отъ него написанномъ, представленъ самолично малороссійской губерніи въ нижній земскій конотопскій судъ, съ объявленіемъ предъ урядомъ сего нижнего земского суда какъ о доброволномъ его сіятельства соизволеніи на уступку сыну его господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалѣру графу Андрею Кириловичу Разумовскому во вѣчное и потомственное владѣніе прописанной въ ономъ Ропской волости, такъ и о немогуществѣ его за болѣзнію представить оного записа лично въ земскій повѣта конотопскаго судъ, и что повѣряетъ онъ предъявить сей записъ ковписанію въ земскія вѣчистія книги, провинціялному секретарю Моисею Мар-

кову сыну Ахматову, уполномочивая къ тому его особимъ вѣрующимъ листомъ, нижній земскій конотопскій судъ, будучи въ отправленіи должности своей въ повѣтѣ ему ввѣренномъ въ мѣстечкѣ Батуринѣ, принявъ отъ упомянутаго господина генералъ-фелдмаршала и кавалера вишеозначенное доброволное сознанѣе сего записа, свидѣтельствуетъ какъ въ томъ, такъ и что онъ дѣйствительно находится въ такой болѣзни, что ему невозможно въ путь отправиться ради представленія того записа въ конотопскій повѣтовый судъ и при таковомъ своемъ свидѣтельствѣ возвращаетъ оной обявленному Ахматову для исположенія по данной ему довѣренности. Земскій комисаръ Данило Смѣловскій (м. п.) Въ должности секретаря Федоръ Тарасевичъ. Регистраторъ Лука Швачкинъ. На ономъ записѣ земского повѣтового конотопского суда помѣта такова: вышенаписанный записъ малороссійской губерніи въ земскій повѣтовый конотопскій судъ провинціаль ный секретарь Мойсей Ахматовъ при вѣрющемъ отъкритомъ листѣ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала, сенатора и раз ныхъ орденовъ кавалера графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго ему, Ахматову, данномъ представлялъ, съ прошеніемъ вписавъ оной записъ въ земскіе сего повѣта книги, видать съ онаго на имя его сіятельства вынисъ. И какъ сочинитель онаго записа его сіятельство господинъ генералъ-фельдмаршалъ и разнихъ орденовъ кавалеръ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій предъ нижнимъ земскимъ конотопскимъ судомъ о доброволномъ его соизволеніи на уступку сыну его господину дѣйствителному тайному совѣтнику и кавалеру графу Андрею Кирилловичу Разумовскому имѣнія, созналъ какъ о томъ съ положенной на ономъ записѣ выше сего онимъ судомъ помѣты значится, для того съ учиненнаго въ семъ земскомъ повѣтовомъ судѣ опредѣленія, вписанъ оной записъ въ семъ судѣ на настоящій годъ имѣющуюся книгу подъ № 32-мъ на страницахъ 99, 100, 101 и 102 и съ сею помѣтою съ подписомъ оной урядниковъ земскихъ и съ приложеніемъ судьиной и подсудковихъ печатей, просителю Ахматову для доставленія вѣрителю его, его сіятелству господину генералъ-фелдмаршалу и разныхъ орденовъ кавалеру графу Кириллѣ Разумовскому, при виписѣ слѣдуемомъ по праву книги статутъ, раздѣла 4 артикула 13, выданъ въ Конотопѣ 1800 года апреля 24 дня. Оную помѣту подписали: судья земскій Никифоръ Федоровичъ, подсудокъ земскій Степанъ Семеновъ (м. п.), (м. п.), (м. п.). Земскій писарь Семенъ Торанскій, губернскій регистраторъ Тимофей Тарасенковъ. Таковъ подлинный записъ принялъ провинціальный секретарь Мойсей Ахматовъ.

Тысяча восмисотого году, мѣсяца апреля третьего дня. Да будетъ извѣстно всякому кому о семъ вѣдать надлежитъ, что я ниже на семъ подписавшійся, будучи въ полномъ разумѣ и совершенной памяти, симъ моимъ добровольнымъ записомъ, распредѣляю малороссійскія мои недвижимыя имѣніи на части дѣтямъ моимъ по нижеписанному: *на первую часть, сыну моему графу Алексѣю*: въ повѣтахъ мглинскомъ, стародубовскомъ и новгородско-сѣверскомъ состоящія три волости — почеповскую, бакланскую и шептаковскую (за исключеніемъ съ оныхъ на шестую часть селеній поименованныхъ ниже) да въ пирятинскомъ и переясловскомъ повѣтахъ: волость яготинскую, какъ она нынѣ есть со всѣми оныя волости составляющими селами, деревнями и хуторами, со всякими при нихъ заведеніями, фабриками, конными и скотными заводами и со всѣми вотчинными наличностями и въ Москвѣ домъ на Гороховомъ Полѣ Бахартовской. *На вторую часть, сыну моему графу Петру*: въ повѣтахъ козелецкомъ и пирятинскомъ: волость быковскую (за исключеніемъ на шестую часть, мѣстечка Басани, села Смоши и хутора Мочалинскаго) со всякими при оной волости заведеніями и со всѣми тамъ имѣщимися экономическими наличностями. *На третью часть, сыну моему графу Андрею*: отъ батуринской волости отдѣленныя, въ конотопскомъ повѣтѣ селы Великій и Малый Самборы, Сарановку и Карабутовъ, находящіеся подъ вѣдѣніемъ кошарской моей економіи. Въ конотопскомъ же и роменскомъ повѣтахъ, деревни Кошары и Юрьевку, селы Дептовку и Рубанку, хутора Бельмасовскій и Семяничинъ съ коннымъ при Кошарахъ заводомъ и со всякими по оной въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, заведеніями и наличностью, для того столко сему сыну моему, что я предъ симъ записалъ уже ему особливымъ записомъ ропскую мою волость. Да ему же въ Санктпетербургѣ—загородный на Фонтанкѣ дворъ. *На четвертую часть, сыну моему графу Льву*: въ повѣтѣ полтавскомъ, волость карловскую, во всей ея нынѣшней цѣлости, съ пренадлежащими къ ней селами, деревнями и хуторами съ коннымъ при ней заводомъ и всякими другими заведеніями и наличностію. Заднѣпровскіе дачи съ населенными на оныхъ двумя слободами: Кириловою и Розумовою. Отъ продажи гадяцкого замка оставшіеся въ гадяцкомъ и зѣнковскомъ повѣтахъ селы: Комыши, Павловку, Павловочку и деревню Довжикъ съ хуторами Шиловскимъ и Шаповаловскимъ; да въ роменскомъ повѣтѣ.

село Опанасовку съ коннымъ заводомъ и всякою економическою наличностью; въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ, дворовагo мѣста часть отдѣленная и отданная уже мною въ его распоряженіе, въ городѣ Ромнѣ домъ купленной и въ Херсонѣ мѣсто для дому. *На пятую часть сыну моему графу Григорію*: въ повѣтахъ конотопскомъ и сосницкомъ состоящую волость батуринскую (за исключеніемъ изъ оной на третью часть селъ: Великаго и Малого Самбуровъ, Сарановки, и Карабутова да находящихся подъ вѣдѣніемъ кошаровской економіи деревень: Кошаръ и Юрьевки, селъ: Дептовки и Рубанки съ хуторами Бельмасовскимъ и Семяничинымъ и на шестую часть селъ: Дмитровки, Рябухъ, Савиницъ и Воробьевки) со всѣми принадлежностьми, всякого рода фабриками и заводами и со всякою экономическою наличностію, да въ новгородско-сѣверскомъ повѣтѣ состоящее село Рыково. *На шестую часть, сыну моему графу Ивану*: отъ быковской волости отдѣленныя мѣстечко Басань и село Смошъ и хуторъ Мочалицкія, состоящіе нынѣ подъ вѣдѣніемъ коннозаводской економіи, въ роменскомъ и прилуцкомъ повѣтахъ, селы: Андреевку, Андреяшовку, Ягановку и Ярошовку, хутора Герасимовскій, Графщанскій, и Миреновскій, отъ батуринской волости отдѣленныя, въ конотопскомъ и прилуцкомъ повѣтахъ селы: Рябухи, Дмитровку, Савинцы, и Воробьевку; отъ шептаковской волости отдѣленныя, въ новгородъ сѣверскомъ повѣтѣ селы: Старый Жадовъ, Погорѣлцы и Радомку, слободы Жадовошевченкову, Лосевку и Старогутище, да деревни Олшанку и Жадановку; отъ почеповской волости отдѣленныя, въ мглинскомъ и стародубовскомъ повѣтахъ селы: Большое Староселье, Супрягино, Стригово, Третьяки, Сѣнково и Семешково, деревни Высокое Тарутино, Котелки, Полники, Заполье, Курманово, Шійчи, Огородники, Коренево, Завалипутье, Бѣловенъ, Бибики, Долбежи, Ильюшкино, Малишово, Вязовку, Близницы, Рябцы, Позаново, Шолудки, Свинуху, Сибѣни, Карпово, Толбозино, Чернобабки, Вишнюю, и Нижнюю Злобинки, Машково, Жудилово, Телеши, Надинку, Кушкиново, Колодню, Журавку, Полянку, Рожки, Абаринки, Анушино и Шняки; въ Москвѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, дворовое мѣсто, со исключеніемъ изъ онаго части земли отдѣленной уже и отданной въ распоряженіе сыну моему графу Льву.

Имѣнія вышепоимянованныя, пожалованы суть мнѣ и покойному брату моему генералъ фелдмаршалу графу Алексѣю Григорьевичу отъ Ихъ Величествъ въ Бозѣ почивающихъ Государынь Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны Вторыя и всѣ оныя

имѣніи утверждены мнѣ во вѣчно потомственное владѣніе всевысочайшими грамотами 1782 генваря 7 и 1784 годовъ, мая 13 числа. А между оными есть и таковыя, кои самымъ мною, законнымъ образомъ пріобрѣтены, въ распредѣленіи каковыхъ имѣній по собственному моему произволенію, я имѣю полную власть закономъ мнѣ предоставленную въ правѣ малороссійскомъ Статутовомъ раздѣла 3 въ артикулахъ 40 и 41, да раздѣла 7 въ артикулѣ I, силою котораго права и учинилъ я по волѣ моей вышеизъясненное на части раздѣленіе всего того моего имѣнія къ вѣчнопотомственному сыновьямъ моимъ съ ихъ наслѣдниками владѣнію онымъ и впредь что еще къ тому по правдѣ, по силѣ правъ и по принадлежности присовокуплено и слѣдовать будетъ. Дочерямъ же моимъ никакого участія въ томъ имѣніи не назначаю, ибо онѣ въ полной мѣрѣ отъ меня награждены уже по ряднымъ; а графиня Елисавета и безъ рядной; такъ что должны быть довольными тѣмъ, что имъ до сего отъ меня опредѣлено и отдано. Во всѣхъ моихъ домахъ, какъ въ городахъ, такъ и въ отчинахъ выстроенныхъ, мебели какъ-то: картины, зеркала, люстры, столы, камоды, стѣнныя и столовыя часы, вазы и прочее, что токмо служитъ комнатными уборами, остатся имѣютъ при каждомъ въ своемъ мѣстѣ и принадлежатъ тому изъ сыновей моихъ въ чьей части самыя тѣ домы состоятъ. Такъ какъ покойный братъ мой генералъ-фелдмаршалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ равно и я въ жизни нашей осчасливлены были Высокомонаршими милостьми, то въ достойное памяти сохраненіе оныхъ въ родѣ нашемъ на времена будущія, завѣщеваю оставшіеся по смерти моей дипломы, грамоты, рескрипты и указы Высочайшіе принять подъ сохраненіе свое старшему сыну моему графу Алексѣю. Протчія же сыновья мои могутъ получить себѣ съ оныхъ копіи, если то имъ имѣть нужнымъ разсудится; а документы крѣпостныя и другія дѣла, служащія на имѣнія мною распредѣленныя, да разберутъ сыновья мои, каждой ему слѣдуемыя, по наставленію въ правѣ Статутовомъ, раздѣла 9, артикулѣ 26. Исполненіе по сему моему запису воспріято быть имѣетъ не прежде, какъ по смерти моей, ибо, за жизнь мою я неотъемлю у себя полной воли и власти, какъ во владѣніи всѣмъ тѣмъ распредѣленнымъ нынѣ мною имѣніемъ. такъ и въ случаи непредвидимыхъ обстоятельствъ и надобностей моихъ, въ заклады, продажѣ и дарѣ кому либо по моему благоусмотрѣнію, съ каковой бы то ни было части назначенной въ удѣлъ сыновьямъ моимъ, и тотъ съ коего части что либо мною заложено, отдано, продано и подарено будетъ, по смерти моей не можетъ и не

долженъ будетъ требовать пополненія вышедшаго съ частей другихъ братьевъ своихъ, но да пребудетъ доволенъ токмо тѣмъ, что по власти и волѣ моей ему отъ меня симъ записомъ опредѣлено, и что за убылью, по волѣ моей здѣланною, въ части его по кончинѣ моей останется. А буди бы по разсмотрѣнію моему впредь за благо призналъ я сей мой записъ перемѣнить другимъ, то и въ семъ случаи предоставляю себѣ волю, яко полновластній собственныхъ моихъ имѣній владѣтель и диспозиторъ. Дворовыя люди изъ малороссіянъ, во услуженіи при дѣтяхъ моихъ находящіеся, имѣютъ остатся и принадлежатъ навсегда тому изъ сыновей моихъ у кого кто находится, хотябы по ревизіи написанными были въ части деревень и не тому, а другому сыну моему опредѣленной, и служившимъ при мнѣ и при домахъ моихъ людями, на вѣчную свободу отъ меня отпущеннымъ, коимъ за ту ихъ службу опредѣлена отъ меня пенсія, дѣти мои, всякой по своей части, гдѣ тѣ люди жить будуть, производить имъ оную долженствуютъ безъ отъмѣны. О движимомъ моемъ имѣніи, состоящемъ въ бриліянтовыхъ и золотыхъ вещахъ, въ серебренной посудѣ съ приборами, въ библіотекахъ, оружейныхъ, столовой и всякой посуды съ приборами, екипажахъ съ конскими уборами и в прочемъ, я предоставляю себѣ впредъ здѣлать особливое распредѣленіе. Утверждаю сей записъ собственноручнымъ моимъ подписомъ съ приложеніемъ печати при свидѣтеляхъ. Оной записъ по листамъ подписалъ: къ сему запису руку приложилъ при печати генералъ фелтмаршалъ графъ Кирило Разумовскій (м. п.) На семъ записѣ по самоличномъ прошенію господина генералъ-фелдмаршала и кавалера графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, во свидѣтельство съ приложеніемъ печатей подписалися: вице-канцлеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ графъ Викторъ Кочубей (м. п.) Оберъ-шенкъ и кавалеръ Николай Загряжскій (м. п.) Генералъ-маіоръ и кавалеръ Михаилъ Гудовичъ (м. п.).

1800 года апрѣля дня. Сей вечистый уступный записъ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго при прошеніи на всевысочайшее Его Императорскаго Величества имя отъ него написанномъ, представленъ самолично малороссійской губерніи въ нижній земскій конотопскій судъ съ объявленіемъ предъ урядомъ сего нижнего земского суда какъ о доброволномъ его сіятельства соизволеніи въ росписаніи на части всего его малороссійскаго имѣнія недвижимаго, къ вѣчно потомственному по смерти его дѣтямъ его сы-

новьямъ владѣнію, каждымъ опредѣленнымъ ему удѣломъ по тому запису поименованнымъ, такъ и о немогуществѣ его за болѣзнію представить онаго записа лично въ земскій повѣта конотопскаго судъ, и что повѣряетъ онъ предъявить сей записъ ко вписанію въ земскія вечистыя книги, провинціальному секретарю Мойсею Маркову сыну Ахматову, уполномочивая къ тому его особымъ вѣрющимъ листомъ. Нижній земскій конотопскій судъ, будучи въ отправленіи должности своей въ повѣтѣ ему ввѣренномъ въ мѣстечкѣ Батуринѣ, принявъ отъ упомянутого господина генералъ-фелдмаршала и кавалера вышеозначенное доброволное сознанье сего записа, свидѣтельствуетъ, какъ въ томъ, такъ и что онъ дѣйствительно находится въ такой болѣзни, что ему невозможно въ путь отправится ради представленія того записа въ конотопскій повѣтовскій судъ и при таковомъ своемъ свидѣтельствѣ возращаетъ оной объявленному Ахматову для исполненія по данной ему довѣренности. Земскій коммисаръ Данило Смѣловскій (м. п.). Въ должности секретаря Федоръ Тарасевичъ. Регистраторъ Лука Швачкинъ. На ономъ записѣ земскаго повѣтоваго конотопскаго суда помѣта такова: вышенаписанный записъ малороссійской губерніи въ земскій повѣтовый конотопскій судъ провинціальный секретарь Мойсѣй Ахматовъ при вѣрющемъ отъкрытомъ листѣ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала сенатора и разныхъ орденовъ кавалѣра графа Кириллла Григорьевича Разумовскаго ему, Ахматову, данномъ, прелставлпвалъ съ прошеніемъ, вписавъ оной записъ въ земскіе сего повѣта книги, выдать съ онаго на имя его сіятельства виписъ и какъ сочинитель онаго записа господинъ генералъ-фелдмаршалъ и разныхъ орденовъ кавалѣръ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій предъ нижнимъ земскимъ конотопскимъ судомъ о доброволномъ его соизволеніи на распредѣленіе сыновьямъ его сіятельства, графамъ Алексѣю, Петру, Андрею, Льву, Григорію и Ивану Кирилловичамъ Разумовскимъ въ сходство изъясненныхъ въ томъ записѣ малороссійскихъ правъ, своего имѣнія созналъ (какъ о томъ съ положенной на ономъ записѣ выше сего онимъ судомъ помѣти значится) для того съ учиненнаго въ семъ земскомъ повѣтовомъ судѣ опредѣленія, вписанъ оной записъ въ крѣпостную въ семъ судѣ на настоящій годъ имѣющуюся книгу, подъ № 33, на страницахъ 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108 и 109 съ сею помѣтою съ подписомъ оной урядниковъ земскихъ и съ приложеніемъ судьиной и подсудковыхъ печатей, просителю Ахматову для доставленія вѣрителю его, его сіятелству господину генералъ-фелдмаршалу и разныхъ орденовъ кава-

леру графу Кириллѣ Грогорьевичу Разумовскому, при виписѣ слѣдуемомъ по праву книги Статутъ, раздѣла 4, артикула 13, выданъ въ Конотопѣ 1800 года апрѣля 24 дня. Оную помѣту подписали: судья земскій Никифоръ Федоровичъ. Подсудокъ земскій Семенъ Скаловскій. Подсудокъ земскій Степанъ Семеновъ (м. п.) (м. п.) (м. п.). Земскій писарь Семенъ Торанскій. Губернскій регистраторъ Тимофей Тарасенковъ. Таковъ подлинный записъ принялъ провинціальный секретарь Мойсей Ахматовъ.

Къ повѣрьямъ о „богатыряхъ“. *1. Змѣй уходитъ отъ богатыря въ видѣ бури.* Люде зъ Токмачкы розсказувалы — якъ у ихъ буря йшла. Такъ, кажуть, якъ пиднялась та й полудень повывертала. Отто полуднують воны самымъ хлибомъ, ажъ дывлятся йде до ихъ чоловикъ, такъ наче у монашеському одіянію, у наряди (при оружін) ше й коня веде. Пидійшовъ отто, поздоровкавсь. — А шо, пыта, ничого вы тутъ не бачилы?—Ни, кажуть ему, Богъ мылувавъ, ничого, була тилькы отце страшенна буря.—Знаю, каже, вже *винъ* далеко, та я его нажену.—А чи нема у васъ воды напытысь?—Чому нема, онъ, кажуть ёму, боклагъ.—Та цёго мени мало... Та пишовъ до барыла якъ узявъ ёго за уторы та якъ перехылывъ на себе, та замалымъ усёго и не выпывъ. Тоди подякувавъ, попрощавсь и пишовъ соби. Мы, кажуть ти люде, и бачилы якъ винъ и на коня сидавъ, та не угляделы де винъ дився. — Пишлы воны тоди ёго слидомъ, такъ де винъ, або кинь ступавъ—такъ скризь ажъ у пивъ аршина ямы и зосталысь.

2. Священникъ можетъ узнать богатыря. Разъ на Велыкдень поздоровлявъ насъ батюшка зъ богатыремъ. — Я, каже, якъ винъ прычащается не можу выдержаты ёго духу, та ше якъ наведу причастя пивъ чаши — такъ стане повна, а якъ трохы не повну — такъ ажъ верхъ выжене и не проллется. — Пипъ и зна хто такый той богатырь, такъ ёму запрещено людямъ казаты. Отто якъ батюшка поздоровывъ, тоди и люде сталы помичать якъ той богатырь шуткувавъ. Разъ у знайшлы такого дубка, шо на млынове крыло на рямыно годывся бъ, а винъ его нагнувъ, прывьязавъ кобылу до верщечку та й пустывъ. А удруге — знайшлы тры дубкы, шо одъ одного коринн рослы — такъ ихъ заплетено якъ наче у косу. Та була у насъ за селомъ могыла, а на тій могыли млынъ стоявъ. Такъ винъ було возьме вытягне у ночи млыновый каминь та й коте ёго зъ могылы, а

тамъ настроме на килокъ, пидвьяже якъ торбу на плече та й несе до млына. Такъ хтось пидглядивъ, винъ зъ того часу и пишовъ десь на острова.

3. *Богатырскій конь.* А то разъ у Дурасивскихъ плавняхъ, выще Каховкы (херсонск. губ.), а тамъ Днипръ на шисть верстъ розлывается, пливъ у половодь кинь у наряди. Зибралось на березп тыхъ робочихъ, може чоловикъ на трыста—шобъ того коня пійматы. Такъ винъ тилько доплывъ до берега, та якъ перснувъ—такъ таку хвылю погнавъ на берегъ, шо трохы—трохы усыхъ не потопывъ. Та тилькы отто ёго и бачилы. Це жъ богатырь ёго вызывавъ, а винъ до ёго и добывався.

(Записано въ новомоск. у екатериносл. губ.).

Ив. М—ра.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, т. 3-й Харьковъ 1891 года.

Книги, подобныя настоящей, вызываютъ при своемъ появленіи въ свѣтъ всякій разъ самый живой интересъ въ читателѣ, такъ какъ они служатъ выраженіемъ жизни цѣлаго общества, поставившаго своей цѣлью безкорыстное служеніе наукѣ; на изданіяхъ этого рода всегда необходимо отражаются условія мѣста, дающія направленіе дѣятельности общества и указывающія вопросы, подлежащія его разработкѣ. Стоя вдали отъ территоріи, на которой происходила нѣкогда религіозно-политическая борьба враждующихъ народностей, не будучи центромъ обще государственной жизни, заботясь лишь о совершенствованіи мѣстнаго управленія и хозяйства, харьковскій край ставитъ поэтому задачей своему обществу разработку внутренней, бытовой исторіи во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ; исполненіе этой задачи мы и находимъ какъ въ «отчетѣ о дѣятельности харьковскаго историко филологическаго общества», такъ и въ тѣхъ изслѣдованіяхъ и матеріалахъ, которые составляютъ содержаніе 2-го отдѣла «Сборника».

Обратимся сначала къ *«отчету»*, составленному секретаремъ общества *Н. Ѳ. Сумцовымъ.*

Въ $18^{90}/_{91}$ академическомъ году общество имѣло 13 засѣданій (первое общее, когда былъ выслушанъ лишь отчетъ за предшествующій годъ), въ которыхъ было прочтено 22 реферата; эти рефераты мы распредѣляемъ такъ: по политической исторіи—1, по исторіи церкви—2, по исторіи городовъ—2, по исторіи литературы—2, по исторіи колонизаціи—1, по исторіи козачества—1, по исторіи промышленности—2, по этнографіи—3, по славяновѣдѣнію (государств. право)—2, по археографіи—2, по классической филологіи—1 и, на-

конецъ, некрологовъ прочтено 3. Отсюда мы видимъ, что вопросы бытовые преимущественно были разрабатываемы обществомъ.

Архивъ общества, о которомъ мы уже говорили, разсматривая 2-й томъ «Сборника», въ истекшемъ году обогатился пріобрѣтеніемъ около 21000 старыхъ дѣлъ полтавскаго губернскаго правленія, въ числѣ которыхъ оказалось 18 связокъ знаменитой Румянцевской описи. Если принять во вниманіе, что эти дѣла относятся къ тому періоду, который менѣе всего разработанъ въ наукѣ, то нельзя не признать что это пріобрѣтеніе представляетъ высокую цѣну и важную заслугу общества. Въ истекшемъ году старыми дѣлами архива пользовались шесть лицъ, и не только члены общества, но и посторонніе лица. По предложенію проф. Багалѣя общество приступаетъ къ печатанію *ученой* описи своего архива. Это новое пріятное свѣдѣніе мы почерпаемъ изъ протоколовъ «отчета», пріятное потому, что у насъ вообще появляется мало даже простыхъ описей, а ученыхъ, требующихъ большаго знанія и умѣнья, и еще меньше. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ этихъ ученыхъ описей, которыя, по нашему мнѣнію, сами по себѣ уже являются въ большей или меньшей степени изслѣдованіемъ.

Развивая свою дѣятельность по собиранію и разработкѣ сыраго матеріала, общество въ то же время (по предложенію проф. Сумцова) имѣетъ въ виду ходатайствовать о разрѣшеніи учредить при немъ педагогическое отдѣленіе съ цѣлью развитія и распространенія историко-филологическихъ знаній. Собственно говоря, задачи педагогики такъ важны и такъ широки, что существованіе самостоятельнаго педагогическаго общества былобы вполнѣ разумно и цѣлесообразно. Само собою разумѣется, что историко-филологическое общество ограничиваетъ задачу педагогики лишь предметами, которые оно само разрабатываетъ. Физико-математическое общество также будетъ вполнѣ право, пожелавъ открыть у себя педагогическое отдѣленіе, ибо математическія науки не менѣе историко филологическихъ требуютъ выработки болѣе простыхъ и удобныхъ способовъ преподаванія. Еще важнѣе разработка методы преподаванія различныхъ предметовъ въ низшей школѣ; тогда необходимость самостоятельности общества педагогики явится сама собой. Но такъ какъ въ настоящее время наши педагоги слишкомъ разобщены и едва-ли скоро сплотятся для учрежденія такого общества, то мы вполнѣ сочувственно относимся къ предложенію г. Сумцова, какъ къ первому почину въ такомъ трудномъ и важномъ дѣлѣ, какимъ является у насъ на Руси, гдѣ всѣ «бредутъ врозь», сплоченіе силъ для дѣла народнаго просвѣщенія.

Въ составѣ общества произошли небольшія перемѣны: проф. А. А. Потебня, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя, и на его мѣсто избранъ проф. М. С. Дриновъ. Всѣхъ членовъ въ обществѣ—64.

Не останавливаясь на изложеніи содержанія самихъ рефератовъ, изъ которыхъ одни вошли во второй отдѣлъ настоящаго тома, а другіе появятся въ слѣдующемъ, замѣтимъ лишь о внѣшней сторонѣ протоколовъ, которая весьма неудобна для читателя. Сплошной шрифтъ, употребляемый и для указанія времени засѣданій и для заглавія рефератовъ весьма затрудняетъ читателя, когда онъ имѣетъ необходимость справиться, когда и въ какомъ засѣданіи какія дѣлались доклады.

Переходя къ важнѣйшей части книги, мы прежде всего встрѣчаемъ опытъ историко-критическаго разбора мнѣній «*О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги*» г. *В. Саввы*. Изъ всего сказаннаго авторомъ получается короткій выводъ: «кн. Ольга крестилась въ Кіевѣ въ 955 г., а въ 957 году ѣздила въ Царьградъ съ цѣлью паломничества»,—мнѣніе не новое, но подкрѣпленное лишь нѣкоторыми новыми соображеніями.

Съ гораздо большимъ интересомъ мы относимся къ статьямъ и матеріаламъ, трактующимъ о болѣе близкихъ намъ, а потому и болѣе живыхъ, вопросахъ, а именно—къ двумъ небольшимъ очеркамъ г. *М. Плохинскаго*: «*Бобровники*» и «*Стрѣльцы въ Малороссіи*». Оба очерка служатъ предисловіемъ къ слѣдующимъ непосредственно за ними «*Матеріаламъ для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины*». Судя по широтѣ заглавія, мы вправѣ думать, что авторъ имѣетъ въ виду издать матеріалы, касающіяся не только охоты по рѣкамъ и озерамъ «на водного звѣря» (бобровъ и выдръ) и «добытія» въ лѣсахъ «дикой звѣрины и птаства», но и другихъ родовъ промышленности, а потому и привѣтствуемъ это полезное начинаніе; область промышленности мало изслѣдована и потому всякій новый трудъ получаетъ особую цѣну и интересъ; хотя бобровники и стрѣльцы (охотники) служили лишь нуждамъ гетманскаго двора, тѣмъ не менѣе, уравненные въ правахъ съ козаками вообще, они составляли обособленныя самоуправляющіяся общины, владѣвшія и земельными надѣлами, и хотя охота не составляла уже главнаго занятія массы населенія, тѣмъ не менѣе, какъ остатокъ сѣдой старины, удержавшійся лишь въ небольшомъ кругу лицъ, она имѣетъ полное право на вниманіе изслѣдователя. Коснувшись исторіи охоты по грамотамъ и актамъ, восходящимъ еще къ XIV вѣку, авторъ упустилъ изъ виду,

указать на состояніе въ это время охоты, какъ существеннаго и главнаго занятія всего населенія и на постепенный переходъ его къ земледѣльческому промыслу. Это дало бы поводъ автору намѣтить мимоходомъ и главные моменты въ развитіи земледѣлія. Безъ этого условія многія выраженія древнихъ грамотъ и актовъ и причины пожалованія правъ на охоту становятся неясными и въ трудѣ г. Плохинскаго вслѣдствіе этого рѣшительно не имѣютъ своего raison d'être.

«Матеріалы», которые мы считаемъ главной частью въ трудѣ г. Плохинскаго, названы еще «приложеніемъ». Разъ это «матеріалы», снабженные сравнительно короткими предисловіями, они уже не приложеніе, а самая сущность, которая лишь разъяснена въ предисловіи. Зачѣмъ тогда это новое и ненужное опредѣленіе для цѣлой группы однородныхъ актовъ, живо обрисовывающихъ тотъ предметъ, котораго они касаются? Самое изданіе матеріаловъ сдѣлано не особенно тщательно. Описи при каждомъ актѣ слишкомъ кратки и неопредѣленны, даты обозначены не вполнѣ; актъ № 1 опредѣленъ такъ: «Универсалъ гетмана Брюховецкаго 1669 года о ловлѣ бобровъ». Слѣдовало же его опредѣлить: Универсалъ гетмана Ивана Брюховецкаго о дачѣ посылаемому имъ въ нѣжин., черниговск. и стародуб. полки бобровнику Андрею Кузменку харчей и подводъ подъ охотничьи орудія, а также объ оказаніи ему помощи и подчиненіи вольныхъ бобровниковъ,—20 іюня 1669 г. Длинныхъ заглавій нѣтъ необходимости печатать жирнымъ шрифтомъ; ихъ печатаютъ изъ экономіи петитомъ. Далѣе, напр., № 25—прошеніе бобровниковъ, а о чемъ не сказано. Актъ № 35 названъ «желаніемъ», тогда какъ это—часть постановленія малороссійскаго скарба. Въ правописаніи подлинника удержаны особенности, не имѣющія значенія ни для произношенія, ни для тоговременной орѳографіи; во многихъ мѣстахъ текстъ прямо переданъ невѣрно. Напр. на стр. 54: «аби ему без забави тое усе *било*, *ведлугъ звичаю, даваного давно было,* особливо приказуемъ»; между тѣмъ это мѣсто несомнѣнно читается такъ: «аби ему без забави тое усе, *ведлугъ звичаю давного*, *давано было*, особливо приказуемъ». Или, на той же страницѣ: «Для лѣпшей вѣри Яцко Скиданъ, полковникъ войска его царскаго величества запорожскій Сосницкій *подполковникъ*»; послѣднее слово несомнѣнно читается: *подписуюся*. Не смотря на эти мелкіе недосмотры, матеріалы подобраны умѣло и все существенное извлечено изъ нихъ и обстоятельно сгруппировано авторомъ въ предисловіи.

«Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ», какъ матеріалъ для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда, собранные г. *П. Ивановымъ*, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ продолжаетъ изученіе своего уѣзда, выбравъ на сей разъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ этнографіи. Важность этого отдѣла и достоинства труда г. Иванова, указаны обстоятельно г. *Н. Ѳ. Сумцовымъ* въ его прибавленіи къ труду г. Иванова—небольшой замѣткѣ *«о колдунахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ»*. Къ этой замѣткѣ авторъ прибавилъ указатель 408 статей, касающихся вѣдовства и колдовства; указанія состоятъ не изъ однихъ голыхъ заглавій, но даютъ и краткое содержаніе каждой статьи. Авторъ отмѣчаетъ статьи, помѣщенныя и въ «Кіев. Старинѣ», но какъ нигдѣ безъ упущеній не обходится, то и здѣсь упущенъ изъ виду авторомъ живой интересный разсказъ Н. Н. Оглоблина, составленный на основаніи судебнаго дѣла: «Сожженіе вѣдьмы», помѣщенный въ іюньской книжкѣ нашего журнала за 1886 годъ.

Съ легкой руки г. Сумцова началось въ 3-мъ томѣ «Сборника» печатаніе библіографическихъ указателей. Напр. *Д. И. Багалѣй* напечаталъ рядомъ: критико-библіографическій обзоръ: *«Сочиненій, матеріаловъ, статей и замѣтокъ, относящихся къ исторіи Слободской Украины. Вып. 2-й, 1885—1890 годы. Часть 1-я. Обзоръ источниковъ»*. Изъ этого длиннаго заглавія видно, что авторъ предпринимаетъ большое изданіе, раздѣленное на нѣсколько частей, подраздѣляющихся, въ свою очередь, на выпуски; благодаря обстоятельному разбору перечисляемыхъ книгъ, трудъ г. Багалѣя будетъ, конечно, незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго занимающагося прошлой судьбой Слободской Украины.

Но если г. Багалѣй дастъ возможность изучить исторію своего края безъ затраты времени на разыскиваніе источниковъ, то г. *В. Бузескулъ*, въ небольшой *«библіографической замѣткѣ о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ»*, даетъ матеріалъ для опредѣленія степени, качества и количества умственной дѣятельности юго-востока Россіи.

Въ отдѣлѣ «мелкихъ замѣтокъ» сообщены: г. *Багалѣемъ* матеріалы «для біографіи В. Н. Каразина», весьма интересная «челобитная острогожскихъ старшинъ императрицѣ Екатеринѣ II» и о «раскопкѣ кургановъ въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, произведенной И. М. Бичъ-Лубенскимъ; 2, г. *Плохинскимъ*: «о доставкѣ фруктовъ изъ Малороссіи къ царскому двору», «о гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ» и «описаніе графскаго диплома гетмана Разумов-

скаго»; г. *Бакаемъ*: «Замѣтки о консистентахъ въ Малороссіи» и г. *Сумцовымъ*: «Письма студента харьков. университета И. Я. Тросницкаго 1824—1827 года» и «Три письма В. И. Каразина».

Изъ сдѣланнаго обзора содержанія 3 тома «Сборника» видно, что въ немъ матеріалы преобладаютъ надъ изслѣдованіями, и это явленіе надо считать вполнѣ естественнымъ. Въ то время какъ самостоятельныя статьи находятъ себѣ мѣсто во всякаго рода историческихъ и неисторическихъ журналахъ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, печатаніе матеріаловъ сопряжено съ большими трудностями, а между тѣмъ на юго-востокѣ Россіи до сихъ поръ не было учрежденія (въ родѣ археологической коммиссіи), которое имѣло бы своей задачей изданіе сыраго матеріала, необходимаго не только для самого издателя, но и для другихъ изслѣдователей, ученыхъ, удаленныхъ отъ центра храненія сырья.

Этой потребности, въ силу указаннаго положенія вещей, и удовлетворяетъ «Сборникъ»; ее мы считаемъ насущной и всякій разъ съ благодарностью встрѣчаемъ новый выпускъ.

И. Каманинъ.

К. Елпатьевскій. Учебникъ русской исторіи. Съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-е изданіе исправленное и дополненное. С Петербургъ. 1891 г.

Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ указанной книги. Собственно говоря, по объему своему, она не можетъ служить учебникомъ, но представляетъ хорошее пособіе при изученіи русской исторіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде чѣмъ говорить о достоинствахъ книги г. Елпатьевскаго, мы считаемъ необходимымъ указать на немногія вкравшіяся въ нее погрѣшности, которыя не должны были бы существовать въ такомъ солидномъ, по нашему мнѣнію, трудѣ. Въ изложеніи автора, въ дѣлаемыхъ имъ опредѣленіяхъ, въ фактическихъ указаніяхъ, есть неточности, могущія ввести въ заблужденіе юныхъ читателей. Такъ не точно, по нашему мнѣнію, опредѣленіе, что такое лѣтопись. Яснѣе было бы сказать: «лѣтопись есть письменный памятникъ, заключающій въ себѣ погодную запись событій въ сжатомъ (краткомъ) или подробномъ видѣ». Нельзя также въ настоящее время категорически утверждать, что первоначальныя замѣтки могли дѣлаться только христіанами: есть

данныя, указывающія на существованіе письменности у славянъ вообще и у русскихъ въ частности еще до принятія христіанства. Говоря о сказаніяхъ и повѣстяхъ, авторъ опять употребляетъ, по нашему мнѣнію, неточное выраженіе: «...... о жизни одного лица, прославленнаго своею святостію». Слѣдовало бы добавить: «или вообще о выдающемся дѣятелѣ или отдѣльномъ важномъ событіи». Иначе нельзя подвести сюда сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, Калкской битвѣ и др. Интересно было бы также знать, какія произведенія *русской* литературы XVI в. авторъ называетъ мемуарами? XVII в.—это уже другое дѣло. Касаясь въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги археологическихъ данныхъ, г. Елпатьевскій указываетъ лишь на курганы ю. Россіи, между тѣмъ, какъ эти памятники разсыпаны по всей восточной Европѣ, равно какъ и городища. Благодаря раскопкамъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о культурѣ не только скиѳовъ, но и мери, муромы, сѣверянъ, древлянъ и проч. Кстати тутъ сказать, что, по нашему мнѣнію, точнѣе слѣдовало различить памятники монументальные отъ вещественныхъ, вещевыхъ. Перечисляя волости, полученныя сыновьями Ярослава М., Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, авторъ упустилъ изъ виду, что послѣднему досталось двѣ области переяславская и ростовская. Говоря о видахъ колонизаціи, г. Елпатьевскій пропускаетъ самый важный—докняжескій, благодаря которому племена весь, меря, часть чуди, а отчасти и мурома, въ сильной степени подверглись культурному славянскому вліянію и въ историческое время очень быстро исчезаютъ. При опредѣленіи географическаго положенія волынской земли допущена, по нашему мнѣнію, довольно крупная погрѣшность. Авторъ располагаетъ ее только по р. Припети, совершенно упуская изъ вида основное извѣстіе лѣтописи: «Дулѣбы же живяху по Бугу, где нынѣ волыняне»; «бужане, зань сѣдять по Бугу, послѣ же волыняне». Чтобы не повторяться далѣе, скажемъ здѣсь, что вообще историко-этнографическія сообщенія въ разбираемой книгѣ не отличаются вѣрностью. Такъ мы утверждаемъ, что во время образованія русскаго государства не только половцевъ не было въ восточной Европѣ, но даже печенѣги кочевали еще на ея окраинѣ. Не можемъ также не упрекнуть автора за грубое смѣшеніе тюркскаго племени съ финскимъ. Это двѣ совершенно отдѣльныя вѣтви урало-алтайскаго праплемени, а, можетъ быть, между ними не существуетъ даже никакой этнической связи, если принять во вниманіе факты, выставляемые аріо-финской теоріей. Категорически утверждать, что болгары тюркскаго племени, тоже едвали возможно при современномъ

состояніи науки. Какъ мы увидимъ ниже, авторъ не разъ приводитъ цитаты изъ первоисточниковъ. И для характеристики быта финновъ онъ дѣлаетъ выписку изъ Тацита. Но промежутокъ времени отъ жизни этого римскаго историка и до эпохи образованія русскаго государства очень великъ. Если по даннымъ языка, какъ это находимъ у г. Альквиста, финны при первомъ ихъ столкновеніи съ славянами стояли на весьма низкой ступени развитія, то не нужно забывать, что археологическія и нумизматическія данныя, приводимыя Бэромъ, Крузе, Гревинскомъ и др., доказываютъ, что въ эпоху начала русской исторіи эсты, ливы, стояли на довольно высокой ступени культурнаго развитія. Вслѣдствіе оказаннаго, мы считаемъ невозможнымъ знакомить читателя съ бытомъ финскихъ племенъ лишь на основаніи извѣстій Тацита. Укажемъ также, что свѣдѣнія о языческомъ бытѣ Литвы можно найти не только у ливонскихъ и тевтонскихъ лѣтописцевъ, но и у польскихъ хронистовъ, и въ русскихъ лѣтописяхъ. Мы не замѣтили погрѣшностей въ хронологіи, но должны сказать, что калкская битва произошла не въ 1224 г., а въ 1223 г., что давно уже доказано академикомъ Куникомъ.

Переходя затѣмъ къ другимъ сторонамъ труда г. Елпатьевскаго, остановимся прежде всего на вопросѣ: какія цѣли имѣются въ виду при составленіи пособія? Повторяемъ, книга г. Елпатьевскаго учебникомъ служить не можетъ, по своей обширности. Предвидѣть это, конечно, долженъ былъ и самъ авторъ. Пособія по исторіи могутъ заключать въ себѣ или тексты важнѣйшихъ памятниковъ письменности въ цѣломъ видѣ или въ извлеченіяхъ, или собраніе отрывковъ статей выдающихся ученыхъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Пособія могутъ соединять въ себѣ и то, и другое, какъ напр. «Христоматія по русской исторіи» Аристова или «Исторія среднихъ вѣковъ» Стасюлевича. Но можетъ быть еще одинъ видъ пособій при изученіи исторіи, къ типу которыхъ принадлежитъ и разбираемая нами книга. Ближайшая цѣль тутъ заключается въ томъ, чтобы дать возможность читателю ознакомиться съ бо́льшимъ количествомъ фактовъ, чѣмъ онъ найдетъ ихъ въ учебникѣ. Если подобная книга предназначается для дѣтскаго возраста, то болѣе широкой цѣли тутъ и не требуется: ребенокъ узнаетъ нѣсколько новенькихъ историческихъ фактовъ, которые могутъ его заинтересовать и пріохотить къ дальнѣйшему чтенію по исторіи. Нѣсколько иныя требованія къ пособію подобнаго типа, намъ кажется, должно предъявлять, если оно имѣетъ въ виду старшихъ читателей. Необходимость такихъ пособій не подлежитъ, по нашему мнѣнію, никакому сомнѣнію. Связное, гораздо болѣе обшир-

ное, чѣмъ въ учебникѣ, изложеніе историческихъ фактовъ, переданныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ данное время наукой, постоянныя выдержки изъ первоисточниковъ или въ видѣ пересказа, или въ дословномъ извлеченіи,—все это внушитъ читающему уваженіе къ исторіи какъ наукѣ, породитъ въ немъ интересъ къ болѣе широкому ея изученію, стремленіе ознакомиться лично самому со всѣми этими записками и мемуарами Данилова, Порошина, Манштейна, Шаховскаго и т. д. и т. д., самому лично заглянуть и въ «Домострой», и въ «Наказъ» Екатерины и проч. Вотъ достоинства, какихъ мы въ правѣ требовать отъ подобныхъ пособій, и которыми, дѣйствительно, обладаетъ книга г. Елпатьевскаго. Сказавъ это, можно было бы и покончить нашъ отчетъ объ «Учебникѣ русской исторіи», но мы рѣшаемся сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ измѣненій, которыя мы считаемъ необходимыми для того, чтобы пособіе это вполнѣ удовлетворяло своему назначенію. На стр. 4 й авторъ указываетъ литературу русской исторіи. Намъ кажется, что и самъ г. Елпатьевскій признаетъ, что сдѣланныхъ тутъ указаній далеко недостаточно. Пять или шесть работъ общаго содержанія и двѣ—три работы, посвященныя отдѣльнымъ вопросамъ, не могутъ удовлетворить читателя, заинтересовавшагося русской исторіей и стремящагося познакомиться пошире и поглубже съ ея выдающимися эпохами или дѣятелями. Авторъ самъ дѣлаетъ указанія на выдающіеся труды русскихъ ученыхъ, но это бываетъ весьма рѣдко и притомъ носитъ совершенно случайный характеръ. Между тѣмъ для характеристики отдѣльныхъ явленій г. Елпатьевскій приводитъ выдержки изъ сочиненій Соловьева, Знаменскаго, Костомарова, Павлова, Ключевскаго, Щебальскаго и др. Стоило только каждый разъ при имени ученаго назвать его сочиненіе, и цѣль была бы почти достигнута. Но, по нашему мнѣнію, вообще по всякому данному вопросу слѣдовало указать одинъ—два выдающихся труда русскихъ ученыхъ. Я уже упоминалъ, что въ «Учебникѣ» читатель найдетъ или ссылки или обширныя выписки изъ источниковъ первой руки, какъ Флетчеръ, Котошихинъ и др. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ этотъ фактъ. Въ главѣ «Нравы и обычаи» (въ московскій періодъ) даются и нужныя свѣдѣнія о Флетчерѣ, Бопланѣ и др. Но такое распредѣленіе свѣдѣній не совсѣмъ удобно. Читатель раньше наталкивается на эти имена, недоумѣваетъ и потомъ только значительно позже узнаетъ, совершенно для себя неожиданно, въ указанной главѣ, кто такой былъ Флетчеръ, и почему его сообщенія имѣютъ цѣну.

Намъ кажется, что удобнѣе и цѣлесообразнѣе было бы главѣ о внутреннемъ бытѣ предпослать (непремѣнно крупнымъ шрифтомъ) краткій очеркъ источниковъ, т. е., дать въ сжатомъ, цѣльномъ разсказѣ краткія свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ людяхъ—современникахъ, на которыхъ авторъ потомъ указываетъ въ своемъ изложеніи, въ томъ видѣ, напр., какъ это сдѣлано предъ главою «Нравы и обычаи» (реформы Петра В.) на стр. 255—256.

Одну изъ первыхъ главъ своего труда авторъ обозначаетъ такъ: «Лѣтописные разсказы о началѣ русскаго государства и дѣятельности первыхъ князей». Казалось бы, что здѣсь мы должны найти передачу лѣтописнаго повѣствованія со всѣми преданіями и легендами, вошедшими въ лѣтопись изъ устъ народныхъ. Само собою вслѣдъ затѣмъ ожидается изложеніе событій въ томъ видѣ, какъ въ настоящее время смотритъ на нихъ русская историческая наука. Подобный методъ изложенія русской исторіи могъ бы вызвать со стороны рецензента полное сочувствіе. Въ такомъ пособіи, какъ книга г. Елпатьевскаго, мы въ правѣ желать вслѣдъ за передачей лѣтописныхъ разсказовъ ознакомленія читателя, хоть въ краткихъ, общихъ чертахъ, и съ существующими взглядами на эти разсказы и передаваемыя ими событія. Между тѣмъ выходитъ вотъ что. Обозначивъ главу: «Лѣтописные разсказы...» etc. г. Елпатьевскій приводитъ тутъ же взгляды ученыхъ, напр., Соловьева — на борьбу Владиміра съ Ярополкомъ, Аристова—на значеніе христіанства въ русской исторіи. Это смѣшеніе лѣтописныхъ легендъ съ мнѣніями ученыхъ (не съ критикой лѣтописи), конечно, должно приводить читателя къ убѣжденію, что и всѣ лѣтописные разсказы заслуживаютъ полнаго довѣрія. Между заглавіемъ и содержаніемъ нѣтъ полнаго соотвѣтствія. Разъ поставлено заглавіе «Лѣтописные разсказы...», то затѣмъ надо передать то, какъ на нихъ смотрѣть надлежитъ, или просто поставить: «Начало русскаго государства и дѣятельность первыхъ князей». Но, несомнѣнно, первое, для пособія, является вполнѣ обязательнымъ.

Не можемъ не обратить вниманія и на то, что въ характеристикѣ удѣльно-вѣчеваго періода авторъ взялъ только стороны отрицательныя, но, вѣдь, были и положительныя. Не останавливаясь долго, мы укажемъ лишь на тотъ фактъ, что раздѣленіе на княжества способствовало развитію нашего просвѣщенія и русскаго искусства. Каждый князь старался не уступить другому въ дѣлѣ украшенія своего стольнаго города: одинъ передъ другимъ они спѣшатъ воздвигать

прекрасные храмы, строить монастыри, интересуются переводомъ книгъ. Между князьями идетъ соревнованіе въ поддержаніи дружественныхъ отношеній съ выдающимися своею святостію подвижниками, и когда Изяславъ изгоняетъ св. Антонія, Святославъ приглашаетъ его къ себѣ и отводитъ ему мѣсто для монастыря. Что касается самой сути удѣльно-вѣчеваго порядка, его политическаго значенія, то указать лишь на происшедшую будто бы отъ него слабость земли русской— этого очень мало. Авторъ очень мало коснулся (или лучше, совсѣмъ не коснулся) теорій, выясняющихъ значеніе этого періода въ нашей исторіи. Впрочемъ, это значеніе кроется не въ господствѣ родоваго быта, не въ преобладаніи семейственнаго начала въ тогдашнемъ обществѣ, а въ чемъ то иномъ, лежавшемъ болѣе глубоко въ характерѣ всего славянскаго племени.

Изложеніе событій въ книгѣ г. Елпатьевскаго, по нашему мнѣнію, не оставляетъ желать ничего лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ. Мы считали бы только полезнымъ сказать о нѣкоторыхъ фактахъ немного подробнѣе. Напр., авторъ говоритъ, что Василій II получилъ ярлыкъ на великое княженіе посредствомъ хитрости. Эта хитрость весьма интересна для характеристики времени и новыхъ политическихъ взглядовъ, установившихся тогда на Руси. Вообще исторію борьбы Василія съ дядей и двоюродными братьями слѣдовало изложить подробнѣе, безъ чего разсматриваемыя событія являются малопонятными для читателя, который не найдетъ въ нихъ никакого новаго теченія сравнительно съ междоусобіями дотатарскаго періода. Точно также нѣсколько подробнѣе слѣдовало изложить движенія народныя при Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно возмущеніе Стеньки Разина, указавъ на связь между этимъ событіемъ, народными бѣдствіями въ этотъ періодъ времени и движеніемъ раскола. Въ этомъ случаѣ необходимо было хронологическое распредѣленіе матеріала.

Очеркъ правленія лже-Дмитрія I и его характеристика сдѣланы, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрно, но слѣдовало сдѣлать ихъ полнѣе. Авторъ упустилъ нѣкоторые важные факты правленія лже-Дмитрія, которые еще болѣе способствовали бы какъ уясненію самой личности этого самозванца, такъ и оцѣнкѣ его кратковременнаго царствованія. Что касается вопроса о происхожденіи этого загадочнаго человѣка, то авторъ поступаетъ гораздо осторожнѣе другихъ составителей учебниковъ. Онъ выражается: «по разсказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, это былъ Григорій Отрепьевъ....». Этотъ весь разсказъ слѣдовало передать мелкимъ шрифтомъ, какъ недостовѣрный. Автору, надѣемся,

небезъизвѣстно, что въ настоящее время русская историческая наука пришла пока къ такому рѣшенію: Дмитрій есть самозванецъ, но не Гришка Отрепьевъ. Поэтому для всякаго составителя учебника *обязательно* вести тутъ разсказъ въ такомъ видѣ: «*Въ настоящее время въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, что Дмитрій дѣйствительно самозванецъ, но кто онъ—неизвѣстно. У современниковъ существовали различныя мнѣнія относительно его происхожденія*». Затѣмъ мелкимъ шрифтомъ слѣдуетъ передать (въ сжатомъ видѣ) разсказы русскихъ источниковъ, Бера, Маржерета и др. современниковъ—очевидцевъ, людей безпристрастно смотрѣвшихъ на русскія событія.

Нашъ отчетъ о книгѣ г. Елпатьевскаго вышелъ обширнымъ, а потому мы не можемъ болѣе останавливаться на отдѣльныхъ мѣстахъ и высказывать nostra pia desideria. Еще разъ въ заключеніе скажемъ, что разсмотрѣнное пособіе представляетъ прекрасное, выдающееся явленіе въ нашей учебной литературѣ, и мы отъ души желаемъ ему широкаго распространенія.

П. Г.

Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Съ рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторенія. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1891 г. Ц. 50 к. I—II, 110.

Съ прошлаго 1890—91-го учебнаго года вводятся, какъ извѣстно, новыя программы преподаванія по многимъ предметамъ, вводятся исподволь, не во всѣхъ классахъ; примѣненіе новыхъ учебныхъ плановъ по исторіи опредѣлено начать лишь съ III класса, въ которомъ вмѣсто прежняго эпизодическаго смѣшаннаго курса исторіи Востока, Греціи, Рима, з. Европы среднихъ вѣковъ и Россіи, будетъ теперь проходиться эпизодическій же курсъ одной русской исторіи. Прежніе учебники въ силу этого оказались теперь непригодными, а преподаватели поставлены въ затруднительное положеніе, какой учебникъ выбрать, который и соотвѣтствовалъ-бы новымъ программамъ, и походилъ-бы къ возрасту учениковъ и т. д., и намъ кажется, что въ большей части случаевъ первыя попытки выбора оказались неудачными. Г. Острогорскій, по нашему мнѣнію, вполнѣ выводитъ преподавателей изъ такого затрудненія своимъ трудомъ, заглавіе котораго мы привели выше. Объемъ разбираемаго учебника не великъ; по своему внѣшнему виду это небольшая изящная книжечка, снабженная историческими картами и рисунками въ текстѣ, напечатанная хорошимъ четкимъ

шрифтомъ. Что касается изложенія, языка, подбора фактовъ, то, можно сказать, она не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ предисловіи къ своему учебнику авторъ говоритъ, что онъ стремился къ удовлетворенію дидактическихъ требованій: «излагать факты, не вдаваясь въ сужденія и голыя обобщенія; ограничиваясь важнѣйшими событіями и лицами, очертить ихъ съ достаточною рельефностью; избѣгая безжизненныхъ перечней, вести разсказъ возможно сжато и сосредоточенно; для того, чтобы дать учащимся болѣе полное представленіе объ историческихъ явленіяхъ, восполнить слово изображеніемъ—картиною и географическою картою; сообщая познанія, будить мысль; вызывая интересъ къ минувшимъ судьбамъ родной земли, укрѣплять любовь къ ней въ настоящемъ». Вполнѣ соглашаясь со всѣми этими требованіями, я думаю, что авторъ удачно выполнилъ ихъ. Въ рецензіи своей на учебникъ г. Полеваго я говорилъ уже о важномъ значеніи картъ и пользѣ, проистекающей отъ приложенія ихъ къ учебнику. Чѣмъ младше возрастъ, тѣмъ, конечно, болѣе требованій приходится предъявлять къ книгѣ, для него предназначаемой. Ребенку мало дать что-нибудь вѣрное, точное; ему надо дать изящное и вмѣстѣ съ тѣмъ простое и ясное. И вотъ историческія карты въ учебникѣ г. Острогорскаго вполнѣ удовлетворяютъ потребности ученика III класса, не поражая его множествомъ топографической номенклатуры и вмѣстѣ съ тѣмъ давая ему всѣ необходимыя географическія указанія; не отличаясь пестротой, карты эти въ то-же время красивы. То-же самое должно сказать и объ изображеніяхъ въ текстѣ. По крайней мѣрѣ онѣ стоятъ по выполненію несравненно выше всѣхъ тѣхъ, какія намъ приходилось находить въ другихъ учебникахъ. Мы не совсѣмъ, однако же, можемъ согласиться съ авторомъ относительно выбора рисунковъ. Несомнѣнно, очень полезно иллюстрировать разсказъ рисунками, особенно бытоваго содержанія, чтобы воображеніе представило ребенку историческіе факты въ ихъ дѣйствительной обстановкѣ, но мы не знаемъ, какое значеніе могутъ имѣть рисунки въ родѣ «1812 годъ. Отступленіе французовъ». Чувство изящнаго у ребенка отъ такихъ картиночекъ не разовьется; нравственное вліяніе тоже не можетъ быть въ данномъ случаѣ велико, а главное, хорошо. Если вы дадите ребенку посмотрѣть картины какого-нибудь великаго художника, изображающія выдающіеся моменты историческихъ событій,—это другое дѣло. Тутъ вы будете вліять положительно на развитіе эстетическаго чувства ребенка и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на развитіе его нравственности, ибо изображенныя могучей кистью художника

страданія или радости людскія найдутъ отзвукъ въ нѣжной душѣ ребенка, но для этого нужно именно художественное изображеніе. Вѣдь не для того-же, конечно, прилагаются эти картинки, чтобы ребенокъ съ удовольствіемъ говорилъ: «ага, французики, мерзнете!» Пожалуй, и это поведетъ къ развитію патріотизма, но только какого? Понятно, что выполнить предъявляемое нами требованіе абсолютно невозможно, а потому никакія картинки, представляющія собою фантазію художника, а не историческую дѣйствительность (куликовская битва—дѣйствительность, а то, какъ она изображается, есть фантазія), не должны имѣть мѣста въ учебникѣ. Напротивъ, дайте какъ можно больше изображеній дѣйствительности: вооруженіе, утварь, памятники монументальные и т. д., для точнаго изображенія которыхъ у насъ есть полная возможность, могутъ и должны иллюстрировать усваиваемые ученикомъ факты. Мы присоединяемъ сюда и портреты выдающихся дѣятелей, но опять подъ однимъ условіемъ, чтобы они были вѣрны дѣйствительности: изображенія Олега, Святослава, Іоанна Калиты и т. п.—это фикція, которая должна быть устранена отъ ученика. Г. Острогорскій приложилъ къ своему учебнику портретовъ очень мало: Петра В., Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II и нынѣ царствующаго Государя. Была возможность увеличить ихъ число и познакомить дѣтей съ чертами другихъ выдающихся дѣятелей нашей исторіи. Монументальныхъ памятниковъ также можно было указать гораздо больше и это было бы весьма полезно. Русскій человѣкъ кончаетъ образованіе и идетъ восхищаться западно-европейскими памятниками, не подозрѣвая, что ими богата и родная страна. Поэтому давайте ребенку какъ можно больше изображеній памятниковъ родной старины: при сопровождающемъ ихъ разсказѣ, при объясненіяхъ, они возбудятъ въ немъ любовь къ родинѣ въ ея прошломъ и настоящемъ. Къ несчастью, у насъ нѣтъ для русскихъ монументальныхъ древностей атласа, подобнаго атласу Ланглуа, а все это у насъ разсыпано по разнымъ ученымъ и неученымъ изданіямъ, обыкновенно весьма дорогимъ и потому не всегда доступнымъ даже для библіотекъ учебныхъ заведеній. Не худо было-бы, если-бы и у насъ кто-нибудь взялся составить и издать такой атласъ и притомъ непремѣнно въ двухъ видахъ: въ большомъ—болѣе дорогой и меньшій—для учениковъ. Такимъ образомъ, очень удовлетворительно исполненные рисунки русскихъ памятниковъ могутъ вызвать лишь одну благодарность со стороны рецензента. Жаль только, что этихъ рисунковъ, повторяемъ, мало, и

притомъ странно, что Софійскій новгородскій соборъ есть, а Софійскаго кіевскаго нѣтъ,—Десятинной церкви нѣтъ. А вѣдь исторія русскаго государства и русскаго христіанства началась именно въ Кіевѣ. Не напоминаетъ-ли это пословицы: «старая хлѣбъ соль забывается?» Много изображеній нашихъ памятниковъ было помѣщено въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, какъ «Нива», «Всемірная Иллюстрація» и др. Извлечь ихъ оттуда не представляло-бы особой трудности.

Обратимся теперь къ тексту. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отличаемъ то обстоятельство, что вмѣстѣ съ простотой изложенія, необходимой для дѣтей такого возраста, какъ ученики III-го класса, авторъ съумѣлъ вездѣ почти удержаться на уровнѣ современной науки и передаетъ факты въ томъ видѣ, какъ представляются они въ трудахъ ученыхъ. Я считалъ-бы, впрочемъ, необходимымъ сдѣлать кое-гдѣ поправки. Нѣкоторыя изъ нихъ я беру на себя смѣлость указать почтенному автору. Такъ племя кривичей жило не только по верховьямъ рр. з. Двины и Волги, но и Днѣпра. Бытъ и нравы древнихъ славянъ обрисованы хорошо, но представленная авторомъ картина болѣе относится ко времени Прокопія и Маврикія, а не къ IX в. Жизнь русскихъ славянъ ко времени образованія у нихъ государства значительно развилась, и въ культурномъ отношеніи они стояли гораздо выше, чѣмъ показываетъ авторъ, который въ данномъ случаѣ не обратилъ никакого вниманія на археологическія данныя. Лѣтописную легенду о призваніи князей, по нашему мнѣнію, слѣдовало передать полнѣе.—Кочевники нападали на русскія окраины не «цѣлою ордою», а *небольшими загонами,* за разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чѣмъ, главнымъ образомъ и обусловливался успѣхъ ихъ предпріятій. Исторію перваго столкновенія русскихъ съ татарами нужно было передать точнѣе, а самый фактъ обозначить 1223 г., а не 1224 г.—Къ числу важныхъ промаховъ со стороны автора мы должны причислить наименованіе *гривны* рублемъ, и это сдѣлано не только въ текстѣ, но и въ подписи подъ рисункомъ. Рубль произошелъ изъ гривны, но послѣдняя представляетъ самую древнѣйшую нашу монетную единицу. Тутъ же необходимо замѣтить, что «торговля съ иноземцами началась на Руси давно», но не «при первыхъ князьяхъ», какъ говоритъ почему-то г. Острогорскій, а гораздо ранѣе, на что существуютъ неопровержимыя нумизматическія показанія. Укажемъ еще на неточность выраженія въ подобной фразѣ: «въ нѣсколько лѣтъ онъ (Наполеонъ) *покорилъ* почти всю Зап. Европу, *изгналъ законныхъ государей,* а на мѣсто ихъ *посадилъ своихъ родственниковъ*».

Если авторъ боялся употребить выраженіе «подчинилъ своему вліянію», какъ малопонятное для ребенка, то могъ смѣло сказать: «заставилъ государей подчиниться своимъ желаніямъ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ даже посадилъ на престолъ своихъ родственниковъ».—Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, что забивать голову ученика массой именъ не слѣдуетъ, мы однако же думаемъ, что упоминаніе о такихъ дѣятеляхъ, какъ митрополиты св. Петръ и Алексѣй, Прокопій Ляпуновъ, Михаилъ Скопинъ-Шуйскій—обязательно даже и въ краткомъ учебникѣ русской исторіи. Вообще-же встрѣчающіяся въ разбираемомъ учебникѣ погрѣшности немногочисленны и легко могутъ быть исправлены. Нельзя еще не поблагодарить автора за одну попытку: именно ввести въ разсказъ о событіяхъ отрывки изъ поэтическихъ произведеній русскихъ выдающихся писателей. Мы знаемъ по опыту, какое сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное впечатлѣніе производитъ на дѣтей прочтеніе при изложеніи фактовъ какого-нибудь соотвѣтствующаго стихотворенія. Мы закончимъ нашъ разборъ такимъ-же, какъ и прежде, пожеланіемъ учебнику г. Острогорскаго широкаго распространенія и введенія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

П. Г.

Каталогъ военно-ученаго архива главнаго штаба. Дополненіе къ матеріаламъ о войнахъ, въ которыхъ участвовали русскія войска и матеріалы по исторіи Россіи. Выпускъ III. Спб. 1890. Въ 8 д. л. 81 стр.

Въ военно-ученомъ архивѣ хранится не мало важныхъ и интересныхъ матеріаловъ по исторіи Россіи, въ томъ числѣ и южной. Въ 1871 г. начато было изданіе этихъ матеріаловъ (матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба. Томъ I. Изд. подъ ред. А. Ф. Бычкова. Спб. 1871. Въ 4 д. л., IV+846+28 стр. съ план.), къ сожалѣнію, ограничившееся однимъ томомъ, въ которомъ между прочимъ напечатаны письма къ гетману Скоропадскому: Петра Великаго, императрицы Екатерины Алексѣевны, кн. Меншикова и гр. Головкина.—Изъ 3-го выпуска каталога (первые два выпуска каталога—намъ неизвѣстны) видно, что въ военно-учен. архивѣ главн. штаба хранятся между прочимъ такіе матеріалы для исторіи Малороссіи: 1) Высочайшія грамоты, а также письма разныхъ лицъ на Запорожье, въ царств. Петра I; 2) Высочайшіе указы и письма частныхъ лицъ на имя гетмана Данила Апостола, 1733—34 гг.; 3) указы императрицъ Анны и Ели-

саветы по управленію Малороссіею; 4) Свѣдѣнія объ управленіи Малороссіею гр. Румянцевымъ; 5) дѣло о черноморскомъ козачьемъ войскѣ 1807 г., 2 тома и друг. Въ архивѣ же главн. штаба хранится и подлинный дневникъ извѣстнаго служилаго иноземца Гордона, въ 6-ти томахъ, причемъ въ указаніи обнимающихъ дневникъ годовъ (1635—1659) или вкралась ошибка, или въ главномъ штабѣ хранится не весь дневникъ Гордона, обнимающій, какъ извѣстно, и конецъ XVII вѣка.

А. Л.

«Славянскія извѣстія» 1890 г. о «Заграничной Руси».

«Славянскія извѣстія» (еженедѣльная газета, издаваемая въ Петербургѣ подъ редакціей В. В. Комарова) ведутъ особый отдѣлъ *«Заграничная Русь»*. Подъ этой рубрикой помѣщаются корреспонденціи, замѣтки редакціи и перепечатки изъ австрійскихъ газетъ, главнымъ образомъ по текущимъ вопросамъ жизни южноруссовъ Буковины, Галиціи и Венгріи. Свѣдѣнія 1890 года касаются болѣе системно слѣдующихъ вопросовъ: борьбы политическихъ партій, положенія церкви и школы, голода въ Галиціи и переселенія южноруссовъ въ Америку. Кромѣ того въ «Славянскихъ извѣстіяхъ» за истекшій годъ были помѣщены еще и двѣ отдѣльныя большія статьи, начавшіяся печатаніемъ въ послѣднихъ №№ 1889 года: Θ. «Историческій очеркъ угрорусскаго народа и угрорусской церкви» и «Какъ живется червонноруссамъ» (быль, разсказанная Ценовичемъ). Послѣдняя статья, чрезвычайно общая по своему заглавію, на самомъ дѣлѣ представляетъ разсказъ о частномъ случаѣ перехода въ православіе школьнаго учителя Бѣлецкаго въ галицкомъ городѣ Долинѣ и о борьбѣ, какую выдержалъ Бѣлецкій изъ за этого съ іезуитами, администраціей и пр., закончившейся для него судомъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, раззореніемъ его хозяйства евреемъ ростовщикомъ и эмиграціей въ предѣлы Россіи. Этотъ разсказъ Цѣновича (А. Д. Погодинъ), вышедшій потомъ отдѣльной брошюрой, если и затрогиваетъ жизнь вообще червонноруссовъ, то лишь со стороны религіозной нетерпимости и безправнаго положенія русиновъ не-католиковъ въ Галиціи. Несравненно болѣе интереса представляетъ статья Θ, въ которой, кромѣ детально разсказанной исторіи угрорусской церкви, не мало заключается и историко-этнографическаго матеріала, особенно

въ первыхъ главахъ. Такой же матеріалъ разбросанъ и въ отдѣльныхъ замѣткахъ газеты.

Извѣстно, какъ мало въ русской литературѣ появляется свѣдѣній о южноруссахъ западной Европы, а потому и то немногое, что даютъ «Славянскія Извѣстія» по этому предмету, далеко не безъинтересно, какъ историко-этнографическій матеріалъ, который удобнѣе всего передать въ формѣ сжатой компиляціи.

Изъ трехъ вѣтвей южноруссовъ Австріи (буковинцевъ, галичанъ и угроруссовъ) болѣе обстоятельно могутъ быть обрисованы на основаніи матеріаловъ «Славянскихъ Извѣстій» южноруссы Венгріи.

Въ настоящее время по свѣдѣніямъ «Славянскихъ извѣстій», южнорусское населеніе занимаетъ въ Верхней Венгріи пространство въ 937,041 (?) кв. м. въ 13 округахъ или жупаніяхъ (№ 43, стр. 763). При этомъ сплошное русское населеніе занимаетъ сѣверо-восточныэ Карпаты, а особливо ихъ южные склоны по р. Тисѣ, Бодрогъ и Гернатъ, именно «въ комитатахъ или жупаніяхъ мараморошской русскіе составляютъ 57,81, въ угочанской 38,02, въ бережанской 58,52, въ ужанской 57,19, въ землинской 45,56, въ шарисшкой 48,89, въ спишской 12,05, въ абауйварской 8,68, въ торнянской 5,62 процентовъ всего населенія, но такъ, что они живутъ всѣ одинъ возлѣ другаго и занимаютъ по большей части сѣверныя гористыя части этихъ жупаній» (1889 г. № 50, стр. 1160). Въ другихъ жупаніяхъ южноруссы живутъ разбросанно. Число всѣхъ южноруссовъ можно считать отъ 500,000 (ib.) до 600,000 (1890 г. № 52 стр. 918). Въ церковномъ отношеніи всѣ угроруссы-уніаты и принадлежатъ главной массой къ двумъ особымъ епархіямъ: мукачевской—для восточной части съ населеніемъ въ 317,511 д. и пряшевской для западной части съ населеніемъ въ 146,275 душъ. Кромѣ этихъ двухъ епархій, русскіе живутъ еще въ велико-варадской уніатской епархіи (6000 д.) и въ барчскомъ округѣ, въ городахъ Керештурѣ и Куцурѣ, въ Хорватіи» (№ 43, стр. 763).

Угроруссы, составляя въ общемъ населеніе въ четыре раза меньшее напр. жителей полтавской губерніи, по своимъ этнографическимъ особенностямъ распадаются въ настоящее время на нѣсколько вѣтвей, которыя отличаются такъ рѣзко другъ отъ друга, что «если бы у нихъ былъ не одинъ языкъ, не одна вѣра, не одни обычаи, то легко можно бы считать ихъ чужими другъ другу народцами». (стр. 1161, № 50, 1889 г.). Такихъ вѣтвей три: а) угроруссы, живущіе въ горахъ подъ Бескидомъ, отличаются маленькимъ ростомъ, въ бе-

сѣдѣ употребляютъ *що* вмѣсто *что, лемъ* вмѣсто *лишь* и говорятъ на *і*, напр. кінь, вілъ, вівса (овса) нрава они хитраго, въ обращеніи съ панами раболѣпны, не много вниманія обращаютъ на опрятность и крѣпко прилѣпляются къ своимъ прадѣдовскимъ обычаямъ и вѣрованіямъ». б) Угоруссы, живущіе около Мукачева, на бережанской Крайнѣ на р. Бережавѣ, и на р. Турьѣ, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложеніи, въ бесѣдѣ употребляютъ правильное *что* и *лемъ* вмѣсто *лишь* и говорятъ на *у* и *ӥ* (нѣмецкое), напр. *кунь* или кӥнь, *вулъ* или вӥлъ, *вуса* или вӥса (овса). Они болѣе откровеннаго нрава и не такъ раболѣпны въ обращеніи съ панами... больше вниманія обращаютъ на опрятность, одѣваются съ большимъ вкусомъ, но не такъ настойчиво прилѣпляются къ древнимъ нравамъ и обычаямъ». (стр. 1160, № 50, 1889 г.). Эти двѣ вѣтви угроруссовъ, очевидно, составляютъ однородное населеніе съ *лемками* Галиціи, горцами западнаго конца Карпатскаго хребта (№ 6 стр. 106) и занимающими погорье низкаго Бескида отъ р. Сана до Попрацкой долины въ сяндецкомъ уѣздѣ. (№ 37, 165).

в) Угроруссы, живущіе въ Марамарошѣ, во многомъ походятъ на румынъ. Они крѣпкаго тѣлосложенія, высоки и плечисты; въ бесѣдѣ употребляютъ *что* и *лишь*, говорятъ на *у*; въ нѣкоторыхъ же, съ бережанской и угочанской жупаніяхъ смежныхъ, мѣстностяхъ и на *ӥ* (нѣм.); дикаго нрава, немного вниманія обращаютъ на опрятность, носятъ широкіе чересы, шпрополыя шляпы, зимою даже цѣлыя бараньи шкуры, вмѣсто шапки; крѣпко прилѣпляются къ своимъ прадѣдовскимъ обычаямъ и много употребляютъ такихъ словъ, которыя не встрѣчаются у прочихъ угроруссовъ, придерживаются литературнаго русскаго языка (?) Вообще, говоръ ихъ всего ближе подходитъ къ письменному русскому языку». (стр. 1161 ib).

Недурной иллюстраціей къ указанному развѣтвленію угроруссовъ по говорамъ можетъ служить сборникъ народныхъ пѣсенъ на различныхъ угрорусскихъ нарѣчіяхъ подъ заглавіемъ «Русскій соловей», въ которомъ помѣщено 215 народныхъ пѣсенъ. Этотъ сборникъ, украшенный рисункомъ, представляющимъ керестурскаго русскаго юношу въ національной одеждѣ, и портретомъ угрорусскаго патріота стихотворца священника о. Александра Духновича, составилъ и издалъ народный учитель въ русскомъ селѣ Керестурѣ, въ южной Венгріи, Михаилъ Врабель. На страницахъ «Славянскихъ Извѣстій» (№ 44, стр. 786) приведены и два образца народныхъ пѣсенъ: одна мароморошскаго, а другая бачскаго округовъ. Интересно,

что первая изъ приведенныхъ пѣсенъ составляетъ близкій варіантъ малор. пѣсни полтавской губ. («Доки я була маленька, колысала мя маменька. Го, го, го гоя, гоя, головонька бѣдна моя!» и т. д.).

Этнографическое дробленіе угроруссовъ, по мнѣнію автора «Историческаго очерка угрорусскаго народа и угрорусской церкви», объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что южнорусское населеніе не одновременно явилось въ Венгрію и не съ одного и того же мѣста.

«Одна часть угроруссовъ во время пришествія угровъ находилась уже въ нынѣшней угорской Руси» — это тѣ славяне, которые, по лѣтописи, въ VIII и IX вв. обитали на южномъ и сѣверномъ склонѣ Карпатъ подъ именемъ «бѣлыхъ хорватъ» (1161 стр. № 50 1889 г.). Но затѣмъ русское населеніе возрастало путемъ переселеній извнѣ, которыхъ было нѣсколько. Прежде всего «многіе русскіе вошли въ Угорщину вмѣстѣ съ уграми» (стр. 1198, № 52, 1889 г.). — «Второе прибытіе русскихъ полагаютъ съ королемъ Андреемъ I, который долгое время проживалъ въ Россіи, и когда возвратился на родину, то привелъ съ собою и значительное число русскихъ» (ib).

Русскіе перваго и втораго прихода, поселившись разбросано, со временемъ омадьярились (ib). Третій приходъ въ Угорщину послѣдовалъ изъ Молдавіи: «Это были тиверцы и угличане, большая часть которыхъ при нашествіи татаръ бѣжала въ карпатскія и трансильванскія горы. Часть потомковъ этой тиверской и угличской Руси и доселѣ существуетъ въ самой гористой части Буковины и станиславскаго округа въ Галиціи, въ мараморошскомъ и угочанскомъ жупанствахъ въ Венгріи, гдѣ они извѣстны подъ именемъ мароморошской Руси, числомъ около 100,000. Эта отрасль въ одѣяніи, въ ухваткахъ, нравахъ отличается отъ всѣхъ прочихъ русскихъ племенъ. Они близки къ румынамъ, и только бесѣда ихъ свидѣтельствуетъ, что они русскіе» (стр. 1199). Четвертый приходъ послѣдовалъ въ царствов. короля Сигизмунда, съ княземъ подольскимъ Коріатовичемъ, въ концѣ XIV и началѣ XV в. (Ib.). Кромѣ помянутыхъ переселеній русскіе изъ Галиціи, отъ самыхъ давнихъ временъ, переходили черезъ Бескиды и поселялись на южныхъ склонахъ Карпатъ въ нынѣшней угорской Руси, что доказывается и составомъ населенія: «угроруссы, живущіе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ червоноруссами, подъ Бескидомъ, и въ нравахъ, и въ тѣлосложеніи, и въ чертахъ лица, и въ одеждѣ, и въ бесѣдѣ — вполнѣ сходятся со своими закарпатскими братьями, такъ что подбескидская полоса угорской Руси кажется продолженіемъ Червонной Руси». (стр. 1200.).

«Послѣ пришествія угровъ русскіе составляли пограничную стражу», военную границу «Marchia Ruthenorum», какъ она наз. въ описаніи жизни Конрада, архіепископа зальцбургскаго». При арпадскомъ домѣ правители русскихъ происходилили изъ царствующаго дома; потомъ, послѣ паденія арпадскаго дома въ XIV в., правители назначались изъ среды бояръ, но до второй половины XVII вѣка угроруссы не знали еще крѣпостнаго состоянія (стр. 26, № 2).

Эта русская окраина стала дѣлиться на мелкія части, и русскіе стали подпадать подъ власть отдѣльныхъ владѣтелей лишь при Владиславѣ II и Людовикѣ II, пока наконецъ угроруссы постепенно перешли въ положеніе «кметей» (крѣпостныхъ людей), что утвердилось окончательно при Маріи Терезіи, когда и у угроруссовъ заведенъ «урбаріальный законъ». «Бережская Крайна», состоящая изъ десятка селъ всего долѣе отстаивала свои льготы. Область угроруссовъ была закрѣпощена за отдѣльными фамиліями, по большей части мадьярскими. Крѣпостное право потеряло юридическое существованіе въ 1849 г., къ какому времени относится и національное возрожденіе угроруссовъ (стр. 27), постепенно, впрочемъ, ослабѣвавшее, и особенно потерявшее много съ 1867 г., когда послѣдовало австро-венгерское соглашеніе, въ силу котораго въ Австріи господствующимъ племенемъ сдѣлались нѣмцы, а въ Венгріи—мадьяры (стр. 28). Съ этого времени мадьяризація угроруссовъ дѣлаетъ чрезвычайно быстрые шаги, и на страницахъ «Славянскихъ Извѣстій» помѣщена чрезвычайно пессимистическая замѣтка, стоящая въ довольно рѣзкомъ противорѣчіи со свѣдѣніями другихъ страницъ «Извѣстій». «Закарпатская Русь, читаемъ въ 52 № за истекшій годъ, падаетъ жертвой мадьяризаціи. Мадьярскій языкъ введенъ въ народныя школы съ чисто русскимъ населеніемъ и проникаетъ уже подъ соломенную кровлю крестьянъ. Еще два-три десятка лѣтъ,—и едва ли останутся тамъ слѣды русскаго языка и русской національной жизни. Мадьяризація втиснулась уже въ церковь. Апостолъ, евангеліе по многимъ приходамъ читаются уже по-мадьярски, на томъ же языкѣ поются нѣкоторыя пѣснопѣнія. Борьба немногихъ патріотовъ съ такимъ національнымъ насиліемъ, покровительствуемымъ архіереями, тяжелая. Тамъ уже становится вопросъ: быть или не быть закарпатской Руси? (стр. 916).

Въ процитированныхъ строкахъ угорскаго патріота, конечно, можно видѣть преувеличеніе по вопросу о потерѣ національныхъ особенностей угроруссами въ смыслѣ ассимиляціи съ господствующею

мадьярской національностью, но на страницахъ «Славянскихъ Извѣстій» отмѣчено и другое явленіе, болѣе важное по вопросу о бытіи Закарпатской Руси—это выселенія угроруссовъ изъ своей страны. Въ силу высокихъ податей, недостатка заработковъ, падежей скота, малодоходности своей гористой земли, эксплуатаціи евреевъ—угорскіе селяне обѣднѣли, впали въ долги евреямъ и вынуждены искать заработка въ Америкѣ, и фактъ оффиціально засвидѣтельствованный, что выселеніе угроруссовъ въ Америку растетъ постоянно (№ 2, стр. 29) и идетъ съ областей сплошныхъ поселеній угроруссовъ, напр. изъ землинскаго комитата, заселеннаго исключительно лишь угрорусскими лемками» (ib.). Угроруссы въ Америкѣ поселяются, главнымъ образомъ, въ штатѣ Пенсильваніи (№ 4, стр. 67).

Выселеніе, кромѣ южнорусскихъ областей Венгріи, охватило уже и Галицію, и хотя здѣсь началось сравнительно недавно, но съ каждымъ годомъ замѣтно усиливается, и «есть села, особенно въ Лемковщинѣ, изъ которыхъ почти половина населенія выселилась въ Америку (№ 4 стр. 66). Въ незначительной части южнорусскіе выходцы останавливаются въ Нью-Іоркѣ или его окрестностяхъ, получая занятія на желѣзныхъ дорогахъ или въ портѣ, и немногіе принимаются за торговлю, но главная масса поселяется въ штатѣ Пенсильваніи, находя себѣ работу въ многочисленныхъ копяхъ каменнаго угля». (ib.). Какъ велика уже южнорусская колонія въ Америкѣ, и какъ она быстро разростается, можно видѣть изъ того, что въ прошломъ году было уже семь русскихъ церквей въ Америкѣ: въ Шенандорѣ, Кингстонѣ, Дошпанѣ, Олифантѣ, Минеаполисѣ, Шамокинѣ и Джерсей Цитти съ четырьмя священниками (два изъ Галиччины и два изъ Угорщины); восемь «Народныхъ торговель» (одинъ центральный складъ и семь отдѣленій), между тѣмъ какъ первая церковь была построена въ 1885 году въ Шенандорѣ, а первая русская торговля основана въ 1887 году (ib. стр. 67).

Голодъ, постигшій Галиччину въ 1889—90 г. г. и принявшій громадные и серьезные размѣры (№№ 5, 8, 13, 17), можно думать, еще болѣе усилилъ выселеніе южноруссовъ изъ Галиччины, такъ какъ и безъ этихъ бѣдствій въ областяхъ южнорусскихъ поселеній отмѣчено обѣднѣніе населенія, заставлявшее искать заработковъ далеко за предѣлами страны. Такъ въ Коломыйскихъ горахъ, гдѣ живутъ храбрые русскіе горцы гуцулы, такія села какъ Космачъ, Брустуры, Микуличинъ, Ростоки, Долгополе, Рѣчка и Жабье, славившіяся еще недавно зажиточностью своихъ обывателей, теперь до того обнищали,

что половина ихъ населенія бѣгаетъ изъ своего отечества въ Румынію или Россію, чтобы тамъ заработать какъ для пропитанія себя и своего семейства, такъ и для того, чтобы уплатить цесарю всякаго рода «данки». Въ Россію они отправляются обыкновенно въ Бессарабію—на работу въ лѣсахъ, а въ Румынію идутъ съ плотами «дерабами» по рѣкамъ Черемошу и Пруту, и доходятъ иногда почти до береговъ Чернаго моря, откуда съ заработанными деньгами бѣдный гуцулъ спѣшитъ обратно пѣшкомъ въ несчастные, но дорогіе для него Карпаты» (№ 28, стр. 518).

Галицкая, или Червонная Русь занимаетъ почти $^2/_3$ всей территоріи королевства Галиціи и Володимиріи и числитъ не менѣе 3 милліоновъ душъ, живущихъ въ качествѣ туземцевъ этой земли сплошной массой по селамъ и мѣстечкамъ; въ большихъ городахъ они составляютъ вездѣ меньшинство населенія. Галицкое дворянство ополячилось еще при Польшѣ, завладѣвшей Галицкой Русью въ 1340 г., средняго сословія находится мало, оно вытѣснено евреями, овладѣвшими всею торговлею и промыслами» (№ 52 стр. 915).

Въ послѣднее время, по свѣдѣніямъ газеты «Червонная Русь» въ Галичинѣ числится 6,938,460 душъ населенія, въ томъ числѣ 2,551,594 русскихъ и 3,059,222 поляковъ и евреевъ. (№ 34 стр. 617). При этомъ польское населеніе преобладаетъ въ западной, а русское въ восточной Галиціи; среди послѣдняго обитаетъ масса евреевъ не только въ городахъ, но и въ селахъ, гдѣ они послѣдовательно дѣлаются землевладѣльцами. «До 1867 года евреямъ не было дозволено пріобрѣтать земли, и во всемъ краѣ (Галиччинѣ) было только 38 землевладѣльцевъ евреевъ. Декабрьская конституція 1867 г. установила равноправность и къ 1870 году однихъ крупныхъ землевладѣльцевъ-евреевъ было 68...., къ 1876 году число крупныхъ помѣстій въ еврейскихъ рукахъ возрасло до 289. Въ настоящую минуту ихъ уже 543, т. е. каждый седьмой крупный владѣлецъ Галиціи—еврей» (№ 43, стр. 765). Съ мелкой крестьянской собственностью дѣло стоитъ еще печальнѣе, какъ это можно судить по слѣдующей цифрѣ: съ 1873 по 1883 г. 15973 аукціона при крестьянскомъ банкѣ кончились переходомъ крестьянскихъ усадебъ въ еврейскія руки. Съ 1883 года по настоящій годъ 26000 претензій банка къ крестьянамъ-заемщикамъ были переданы евреямъ (ib.) Кромѣ того, по крайней мѣрѣ въ три раза болѣе чѣмъ черезъ банкъ, крестьяне обезземелены путемъ частнаго пріобрѣтенія. Усиленіе еврейскаго землевладѣнія продолжается съ ужасающей быстротой, и въ настоящее время не проходитъ и

одного мѣсяца, чтобы тотъ или другой еврей не пріобрѣлъ нѣсколькихъ участковъ земли отъ крестьянъ, или же болѣе или менѣе крупнаго имѣнія отъ польскаго помѣщика. Въ Галиціи есть уже села, въ которыхъ большинство населенія составляютъ евреи». (№ 50, стр. 878). Поселяясь въ деревняхъ, евреи не занимаются земледѣліемъ сами, а обращаютъ обезземеленныхъ ими крестьянъ въ своихъ батраковъ, положеніе коихъ гораздо хуже прежнихъ крѣпостныхъ (№ 43, стр. 765). Еврей сбиваетъ заработную плату до minimum'а до 20 или даже до 10 крейцеровъ въ день, опутываетъ крестьянъ всевозможными способами эксплуатаціи и отнимаетъ у нихъ послѣдній достатокъ, такъ что крестьяне попадаютъ положительно въ кабалу къ евреямъ, при этомъ гибнутъ не только матерьяльно, но и нравственно» (№ 50, стр. 8781), особенно путемъ пьянства (№ 28, стр. 518).

Послѣднее тѣмъ болѣе дѣлается возможнымъ, что школа, особенно средняя и высшая, въ Галиціи служитъ для другихъ народностей, а не для русскихъ. Такъ въ 1888 году числилось 30 среднихъ школъ (24 высшихъ гимназіи, 2 гимназіи низшихъ, 3 высшихъ реальныхъ училища, 1 низшее реальное училище); число всѣхъ учащихся достигало цифры 12703, которые по народностямъ распадались на такія группы:

а) поляковъ	въ гимназіяхъ	8444,	въ реальн. училищ.		703	
нѣмцевъ	» »	652	»	»	24	
чеховъ	» »	11	»	»	3	
мадьяръ	« »	1	»	»	2	
остальн. народ.	»	718	»	»	86	
	Итого .	9898	»	»	818	всего 10716
б) русскихъ		1945	»	»	41	» 1986
Итого вмѣстѣ съ русск.		11844	»	»	859	» 12703

Какъ можно видѣть изъ таблицы вѣроисповѣданій, въ № 5 «Слав. Извѣстій», въ числѣ 12703 учащихся лицъ еврейскаго происхожденія 2262, изъ нихъ въ гимназіяхъ 2123, а въ реальныхъ училищахъ 139 (№ 5, стр. 94). Такимъ образомъ оказывается, что въ среднихъ школахъ

русскихъ обучается всего 1986 дѣтей изъ 2500,000 душъ населенія
евреевъ » » 2262 } изъ 3000000
поляковъ » » 7761 }

или иначе—среди поляковъ и евреевъ 1 учащійся въ средней школѣ приходится на 300 душъ населенія, а среди русскихъ—на 1260. По отношенію къ высшему образованію положеніе еще болѣе незавидно.

Въ отношеніи образованія не лучше положеніе русскихъ и въ Буковинѣ, гдѣ мѣстная газета «Буковина», издающаяся въ Черновцахъ на русскомъ языкѣ, указываетъ, что «высшія и среднія заведенія тамъ учреждены для евреевъ, нѣмцевъ и румынъ (№ 35, стр. 634). Такъ, въ гимназіи въ Черновцахъ въ 1889 году числилось 652 ученика, изъ нихъ 370 нѣмцевъ, 109 румынъ, 87 поляковъ, 82 русскихъ, 3 чеха, 1 мадьяръ, или по вѣроисповѣданіямъ: 304 еврея, 147 православныхъ, 128 католиковъ, 48 уніатовъ, 16 евангелистовъ, 9 армянъ (№ 31, стр. 565). Въ Буковинѣ русское населеніе имѣетъ всего только одну 7-ми классную школу въ Коцманѣ и до сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ о преподавательскомъ въ ней языкѣ (№ 47, стр. 823). Между тѣмъ здѣсь южноруссы, которыхъ считается отъ 240,000 (№ 30, стр. 547) до 250000,—составляютъ по массѣ преобладающее населеніе (№ 51—52, стр. 915), но только у нихъ интеллигенція и даже духовенство сильно уже германизировано (ib.).

Такимъ образомъ, изъ данныхъ «Славянскихъ Извѣстій» за прошлый 1890 годъ оказывается, что южноруссы въ западной Европѣ составляютъ экономически и интеллектуально подавленное населеніе: въ Венгріи надъ нимъ господствуютъ мадьяры и евреи, въ Галиціи — поляки съ евреями, а въ Буковинѣ—нѣмцы и румыны, и опять таки евреи, результатомъ чего является потеря національности путемъ мадьяризаціи, германизаціи и полонизаціи и выселеніе изъ своей страны.

Заканчивая обозрѣніе жизни южноруссовъ «Заграничной Руси» по даннымъ «Славянскихъ Извѣстій» за истекшій годъ, я нахожу нужнымъ указать еще на одну интересную историческую справку галицкаго профессора Петрушевича о названіи «Малая Россія» и «Украйна». Названіе «Малая Русь», говоритъ г. Петрушевичъ, «еще съ начала XIV вѣка употреблялось послѣдними галицко-владимірскими князьями, и потому также цареградскіе патріархи титуловали галицкихъ митрополитовъ «τῆς μικρά Ῥωσία». И на западѣ Червонная Русь была извѣстна подъ именемъ «Малой Россіи» — «Russia minor». Богданъ Хмельницкій послѣ подчиненія Малороссіи московскому царю именуетъ Сильвестра Коссова митрополитомъ только «всея Малыя Россіи», и это же названіе употребляетъ и царь Алексѣй Михайловичъ въ пунктахъ о присоединеніи Южной Россіи въ 1654 г. (№ 43, стр. 764). Названіе же «Украйна», по мнѣнію г. Петрушевича, дано поляками Южной Руси по обѣимъ сторонамъ южнаго Днѣпра, такъ какъ упомянутая часть Руси находилась на самой крайней, т. е. юго-восточной границѣ прежней Польши» (ib.).

Ир. Ж—ій.

Отвѣтъ моему рецензенту. Выпустилъ я въ свѣтъ книжку «Опытъ указателя книгъ и статей относящихся къ Херсонской губ.», указавъ въ предисловіи цѣль ея: послужить «хотя небольшимъ пособіемъ для мѣстныхъ дѣятелей, при разработкѣ тѣхъ или иныхъ вопросовъ мѣстной жизни». Далѣе, въ томъ же предисловіи, я предупреждаю, что въ книгѣ моей много недостатковъ и неполноты, почему и прошу всѣхъ лицъ, сочувствующихъ моему труду, помочь мнѣ исправить и дополнить мою книгу.

Казалось бы, что мое предисловіе вполнѣ ясно установило точку зрѣнія, съ которой возможенъ судъ надъ моимъ трудомъ. Всѣ откликнувшіеся печатно или письменно на мою работу, судили ее именно съ этой точки зрѣнія и только своеобразно взглянулъ на мою работу авторъ рецензіи помѣщенной въ январской книжкѣ «Кіевской Старины». Объ этой рецензіи я узналъ спустя много времени послѣ ея появленія, прочиталъ же рецензію еще позже, потому что въ Тирасполѣ нельзя было достать ни одного экземпляра «Кіевской Старины» и мнѣ пришлось выписывать нужную книжку отъ пріятеля изъ Херсона. Я останавливаюсь на этой подробности, потому что она прекрасно характеризуетъ условія, при которыхъ мнѣ пришлось составлять мою книгу.

Мой рецензентъ начинаетъ съ внѣшности моей книги и дѣлаетъ мнѣ строгій выговоръ за повтореніе заглавія на французскомъ языкѣ: «слишкомъ претенціозно». Но г. рецензентъ не принялъ во вниманіе весьма существеннаго обстоятельства: значительная часть херсонскаго морскаго побережья составляетъ пунктъ столкновенія всевозможныхъ народностей; если затруднительно для мѣстныхъ дѣятелей, безъ «указателя», знакомиться съ краемъ, то еще затруднительнѣе это знакомство для иностранца; дать заглавіе на интернаціональномъ французскомъ языкѣ книгѣ, которая можетъ быть полезной и иностранцу—только желаніе болѣе широкаго распространенія книги и простительно каждому автору.

Еще большую странность мой рецензентъ находитъ въ томъ, что я обращаюсь съ просьбою объ исправленіи моей книги къ читателямъ, будучи убѣжденъ въ недостаткахъ ея; г. рецензентъ отказывается понять «какъ рѣшился г. Леонтьевъ обращаться къ читателямъ съ подобной просьбою, не потрудившись самолично освободить свой трудъ отъ недостатковъ и не приводя для того никакихъ оправданій». Прежде всего, зачѣмъ бы я сталъ утруждать читателей просьбою объ исправленіи моей книги, еслибы умѣлъ самъ освободить ее отъ недостатковъ? Слѣдовательно, мое обращеніе къ читателямъ само по себѣ служитъ доказательствомъ, что недостатки моей книги обусловлены причинами для меня неустранимыми; излагать эти причины въ предисловіи и тѣмъ растягивать его, я не считалъ нужнымъ, потому что въ общеполезномъ дѣлѣ, каковымъ считаю свою книгу, достаточно и простаго обращенія за помощью ко

всѣмъ сочувствующимъ этому дѣлу; но такъ какъ г. рецензентъ желаетъ знать эти причины, то я постараюсь ихъ изложить въ кратцѣ.

Мѣстные дѣятели всевозможныхъ профессій постоянно нуждаются въ научныхъ и литературныхъ трудахъ по спеціальности каждаго и притомъ относящихся къ району дѣятельности каждаго; разыскиваніе этихъ трудовъ каждымъ дѣятелемъ въ отдѣльности составлять непроизводительную затрату труда и времени: кромѣ того, многіе дѣятели заброшены въ такіе медвѣжьи углы, гдѣ и достать то многаго нельзя. Только тотъ, кто пробовалъ сознательно работать въ захолустьи, знаетъ сколько приходится испытывать мученій при розысканіи литературныхъ источниковъ; испытавъ лично эти мученія, вслѣдствіе отсутствія указателя книгъ и статей, относящихся къ херсонской губерніи, я рѣшился помочь чѣмъ могъ и какъ могъ всѣмъ, кому суждено попасть въ мое положеніе. Рѣшившись приняться за библіографическій трудъ, я зналъ прекрасно всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ мнѣ прійдется работать и предвидѣлъ обусловленные ими недостатки моего труда, но я разсуждалъ такъ: если люди, спеціально посвятившіе себя наукѣ до сихъ поръ не нашли нужнымъ составить указателя книгъ и статей, относящихся въ херсонской губерніи, то нѣтъ основанія надѣяться, чтобы подобный указатель появился въ скоромъ времени; если же я нахожу, что подобный указатель нуженъ, то долженъ попытаться выполнить эту работу; если повелительная идея моей работы вѣрна, то пускай сама работа будетъ и не вполнѣ удовлетворительна, найдутся люди болѣе меня знающіе, располагающіе бо̀льшими средствами, которые довершатъ начатое мною дѣло. Надобно было положить начало работѣ, въ пользѣ которой никто не станетъ сомнѣваться, я это и сдѣлалъ; дальнѣйшая судьба этой работы покажетъ, на сколько я правъ былъ въ своихъ разсужденіяхъ.

Обревизовавъ внѣшность моей книги, г. рецензентъ переходитъ къ ея плану и выражаетъ «изумленіе», восклицая «въ самомъ дѣлѣ, неудивительно ли, что по классификаціи дѣйствит. члена императ. русск. географ. общества А. Н. Леонтьева математика, механика, астрономія, медицина, ветеринарія, гигіена очутились въ ближайшемъ сосѣдствѣ въ качествѣ естественныхъ наукъ?» Въ отвѣтъ на это, мнѣ остается только напомнить г. рецензенту, что на съѣздахъ естоствоиспытателей всѣ дѣятели перечисленныхъ наукъ сидѣли рядомъ, въ чемъ легко можно убѣдиться, познакомившись съ интересной книгой «VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ» издано подъ редакц. проф. Менделѣева.

Не менѣе удивляетъ г. рецензента, почему я поставилъ педагогію въ концѣ своей книжки? Отвѣтъ мой простъ: начавъ кругъ наукъ богословіей, считалъ приличнымъ завершить этотъ кругъ педагогіей.

Далѣе г. рецензентъ приписываетъ мнѣ открытіе новыхъ наукъ «какой то херсонской богословіи и какой то херсонской политической экономіи». Нѣтъ г. рецензентъ, это вы говорите, я же ничего подобнаго не открывалъ. Тутъ очевидное недоразумѣніе: особыхъ херсонскихъ наукъ нѣтъ, но есть труды изъ той или иной области человѣческаго знанія спеціально относящіеся къ херсонской губерніи; для того же чтобы удобнѣе было пользоваться указателемъ, эти труды и разсортированы по общепринятымъ научнымъ отдѣламъ.

Не возражаю на подозрѣніе г. рецензента, что я не понимаю различія между выраженіями «книги относящіяся къ херсонской губерніи» и «книги напечатанныя въ херсонской губерніи» такъ какъ онъ оговаривается, что это можно подумать только въ «крайнѣмъ случаѣ», я же такого случая не предвижу. Отказывавсь отъ этого подозрѣнія, г. рецензентъ восклицаетъ: «намъ думается, что авторъ недостаточно обдуманно отнесся къ вопросу о томъ, что именно относится къ херсонской губерніи? Какое напр. отношеніе къ херсонской губ. имѣетъ «Сборникъ мѣстныхъ въ Бессарабіи узаконеній по предметамъ гражданскаго права (№ 165)?» и на слѣдующей страницѣ «особенное пристрастіе г. Леонтьевъ имѣетъ къ Бессарабіи, которой посвящены №№ 508—513 и №№ 1062—1065; никакого отношенія къ херсонской губ. не имѣютъ и №№ 1119—1122, 1137». Прежде всего отмѣтимъ, что только часть перечисленныхъ сочиненій относится къ Бессарабіи вообще, №№ же 1063—1065 посвящены спеціально молдаванамъ. Затѣмъ г. рецензенту, вѣроятно, хорошо извѣстны какъ историческій ходъ заселенія херсонской губерн., такъ и ея теперешній этнографическій составъ; извѣстно, вѣроятно, г. рецензенту, что Бессарабія дала значительный контингентъ населенія всѣхъ сословій херсонской губерніи; населеніе это принесло съ собою изъ Бессарабіи свои нравы, обычаи и правовыя воззрѣнія, сохранившіе свою силу и до сихъ поръ, въ особенности въ низшемъ классѣ, такъ что и теперь мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ, напримѣръ, сплошь и рядомъ приходится считаться съ мѣстными законами Бессарабіи. Что касается молдаванъ, то они населяютъ значительную часть херсонской губерніи (въ елисаветградскомъ уѣздѣ 11,3%, ананьевскомъ 16,5%, тираспольскомъ около 9%,—всего числа жителей этихъ уѣздовъ) и до сихъ поръ не только сохранили свои особенности въ одеждѣ, устройствѣ жилищъ, свои домашніе распорядки и свой языкъ, но въ большинствѣ случаевъ не знаютъ даже русскаго языка и живутъ совершенно изолированно отъ остальнаго населенія. Такимъ образомъ, кто пожелаетъ понять характеръ населенія въ особенности сѣверо-западной части херсонской губерніи, тотъ долженъ будетъ обратиться за справками къ сочиненіямъ о Бессарабіи, а кому прійдется возиться съ цѣлыми волостями молдаванъ, тотъ долженъ будетъ пока удовольствоваться приведенными выше сочиненіями

о молдаванахъ, такъ какъ статей, относящихся къ херсонскимъ молдаванамъ почти нѣтъ въ литературѣ.

Напомню, опять таки, что цѣль моего «указателя» послужить хотя небольшимъ пособіемъ для мѣстныхъ дѣятелей, при разработкѣ тѣхъ или иныхъ вопросовъ мѣстной жизни; поэтому то когда не оказывалось по какому либо вопросу литературныхъ источниковъ спеціально относящихся къ херсонской губерніи, я считалъ нужнымъ указывать соотвѣтственные источники изъ общей литературы.

Г. рецензентъ упрекаетъ меня за отсутствіе «указаній на статьи въ мѣстныхъ газетахъ и въ нѣкоторыхъ журналахъ», забывая, вѣроятно, что такая работа потребовала бы громаднаго труда, возможна была бы только въ большомъ городѣ, гдѣ есть публичныя библіотеки и должна была бы затянуться на нѣсколько лѣтъ. Упрекъ этотъ я только и могу понять какъ желаніе, чтобы работа эта была сдѣлана въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Г. рецензентъ упрекаетъ меня за то, что при многихъ сочиненіяхъ нѣтъ «указанія года и мѣста изданія, а иногда и автора, хотя послѣдній извѣстенъ», находятся «указанія неполныя и небрежныя; кому можетъ быть, напр. полезно такое указаніе «Исторія Россіи» Соловьева (№ 550). Тутъ опять таки очевидное недоразумѣніе; г. рецензентъ, вѣроятно, думаетъ, что всѣ перечисленныя въ указателѣ сочиненія я держалъ въ рукахъ, тогда какъ ихъ въ моихъ рукахъ была весьма незначительная часть; названія же остальныхъ взяты частью изъ разныхъ библіографическихъ трудовъ, а частью указаны по сочиненіяхъ разныхъ авторовъ о херсонской губерніи. Такимъ образомъ становятся понятными «указанія неполныя и небрежныя» и мое обращеніе къ читателямъ съ просьбою помочь мнѣ въ исправленіи моего указателя. Что касается Исторіи Соловьева, то подробностей я не считалъ нужнымъ приводить, потому что при ней существуетъ прекраснѣйшій указатель ея содержанія, что г. рецензентъ упустилъ изъ виду.

Повидимому, г. рецензентъ правъ, упрекая меня за то, что въ моемъ указателѣ приведена только часть періодическихъ изданій разныхъ ученыхъ обществъ а позднѣйшіе ихъ труды не упоминаются. Дѣло же объясняется очень просто: я указывалъ только то, что находилъ въ источникахъ, которыми я пользовался и не считалъ себя въ правѣ дѣлать указанія, не основанныя на документахъ, хотя хорошо знаю, что существованіе обществъ не прерывалось и они періодически выпускали въ свѣтъ свои труды. Считалъ же я себя въ правѣ такъ дѣйствовать, потому что смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на «опытъ указателя», который долженъ ежегодно исправляться и пополняться, какъ объяснено въ предисловіи. Такимъ образомъ въ полномъ объемѣ и въ безукоризненномъ видѣ мой трудъ долженъ появиться чрезъ нѣсколько лѣтъ работы и притомъ работы коллективной.

Затѣмъ г. рецензентъ находитъ въ указателѣ «много лишняго» и въ примѣръ приводитъ №№ 494 (соч. Глинки «Описан. пересел. армянъ) 570 (В. Б. Антоновича Ист. литовск. Руси) 642 (Пирогова Собр. литер. статей) 657 (О выборѣ городоваго раввина въ Одессѣ) и пр. и пр. Излишнимъ же признаетъ г. рецензентъ и указанія на рукописныя карты и атласы въ VI отдѣлѣ.

Къ сожалѣнію, и тутъ я не могу согласиться съ почтеннымъ г. рецензентомъ, такъ какъ перечисленныя сочиненія всецѣло принадлежатъ херсонской губерніи. Соч. Глинки трактуетъ о переселеніи армянъ, заселившихъ городъ Григоріополь, тираспольскаго уѣзда, херсонской губ. Н. И. Пироговъ игралъ крупную роль въ исторіи умственной жизни новороссійскаго края, а его рѣчи и статьи въ свое время были событіемъ края; указанная же небольшая брошюрка Н. И. Пирогова и въ особенности помѣщенная въ ней статья «Одесская Талмудъ-Тора» заслуживаютъ быть перепечатанными и въ настоящее время въ назиданіе многимъ общественнымъ дѣятелямъ херсонской губерніи; эта книжка и теперь сохранила всю свою силу и свѣжесть и можетъ заставить сильно задуматься надъ многими явленіями общественной жизни херсонщины, въ особенности если сопоставить слова Пирогова съ характеристикой жителей Херсонщины, помѣщенной въ трудѣ Шмидта «Географія и статистика Херсонской губерніи». Еще могло бы быть сомнѣніе относительно того, помѣщать ли въ указателѣ соч. Антоновича «Исторія литовской Руси», но и тутъ въ пользу этой книги говоритъ тѣсная связь исторіи «Дикаго поля» съ исторіей литовской Руси; а вѣдь «Дикое поле» почти цѣликомъ вошло въ составъ херсонской губ. Не понимаю также, почему не слѣдовало помѣщать книгу «О выборѣ городоваго раввина въ Одессѣ?» Развѣ Одесса не въ херсонской губерніи? Наконецъ я не могу признать лишними указанія на рукописныя карты и атласы въ VI отдѣлѣ; напротивъ, я находилъ нужнымъ напомнить о существованіи этихъ картъ и атласовъ, въ надеждѣ, что рано или поздно найдутъ нужнымъ отпечатать ихъ, и они сдѣлаются доступными мѣстнымъ дѣятелямъ. Кто сколько нибудь знакомъ съ капризами такихъ важныхъ рѣкъ какъ Днѣпръ и Днѣстръ, тотъ согласится со мною, что всякому, на чью долю выпадетъ имѣть дѣло съ этими рѣками, важно ознакомиться съ исторіей всѣхъ причудливыхъ измѣненій ихъ русла, глубины и пр.

Вообще же по поводу упрековъ въ излишествѣ я могу сказать только одно: «сало каши не портитъ» и если я горюю, то исключительно о неполнотѣ моего «указателя».

Резюмирую мой отвѣтъ классическимъ изрѣченіемъ: Quid potui—feci, faciant meliora potentes».

А. Леонтьевъ.

Дозволено ценз. Кіевъ, 17-го августа 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

Зъ лохвицкой	роботы. .	7	тертичн.	пар. .	3	кроковъ	пар. .	7	латинъ	20
Зъ сѣнчан.	„	5	„	„	2	„	„	5	„	10
Зъ лубенской	„	8	„	„	4	„	„	15	„	30
Зъ лукомской	„	6	„	„	3	„	„	5	„	20
Зъ чигир.	„	4	„	„	2	„	„	4	„	15
Зъ город.	„	2	„	„	—	„	„	2	„	10
Зъ чорнуской	„	5	„	„	2	„	„	6	„	—
Зъ пѣрат.	„	8	„	„	6	„	„	6	„	20

Швакгеръ п. Михайла проехалъ черезъ Роменъ. Климъ молодикъ отпущенъ въ Глуховъ до панеи зъ конми 10.

24. Важничого синъ поехалъ въ Гадячъ. Зъ Глухова принесенъ указъ и зъ нимъ сенатскій указъ зъ формуляромъ, якъ судить и якъ чолобитніе принимать.

25. Полковникъ Манштейнъ, зъ Полтави едучи, нарочно заехалъ въ Роменъ и тутъ ночовалъ. Человѣкъ, козакъ хоролскій, отъ сотника тамошнего пріехалъ зъ листомъ о злочинцахъ, проявившихся у футорѣ моемъ. Чернѣцкій Петро, посиланный въ Глуховъ, зъ грамотою и унѣверсалами, въ коллекгію, повернулся назадъ зъ тимъ, будто оніе и показовани и скопіовани въ коллекгіи.

26. Неделя. Полковникъ Манштейнъ обѣдалъ у насъ и долго гулялъ, а потимъ и ночовалъ и всѣ подпіяхомъ. Отдавалъ дочь свою Яковъ, дозорца, за Уманца молодого, въ Глуховъ.

27. Пріехалъ салдатъ зъ Глухова отъ коллекгіи зъ указомъ, чтобъ дать вѣдомость въ коллекгію почему продается водка простая кухва, и сколко въ оной вѣдеръ московскихъ etc. Козакъ хоролскій отправленъ зъ отвѣтомъ до сотника тамошнего, о злочинцахъ. Полученъ листъ зъ Веремѣевки, отъ комисара Шимка Іосифа, о работникахъ, дранѣ и протчемъ увѣдомляючій.

28. Зъ писмами отъ Манштейна пріехалъ дракгунъ. Отправилемъ отвѣти до капитана и Шимка, у Веремѣевку. Послалемъ Алексѣйця, конюшого, въ Токарѣ, чтобъ онъ зъ конми 4, вороностроскатими, ехалъ въ Ахтирку, до князя Голицина. Повернулся назадъ зъ Гадяча Ющенко.

29. Отправилемъ дракгуна отъ Манштейна присланного, зъ конми гнѣдими, въ даръ ему посланними, и зъ писмомъ къ нему писаннимъ. П. п. Федоръ и Демянъ, дядки, пріехали въ Роменъ.

30. Виехалемъ зъ Ромна на ночъ въ Засулле, а потомъ вернулемся назадъ. Братъ п. Андрѣй пріехалъ.

31. Прапорщикъ, квартермистръ, зъ Гадяча пріехалъ отъ Румянцова, а самъ господинъ Румянцовъ зъ Гадяча поехалъ въ Лютенку для сватби, п. Бороховичевой, Юрю Еропкину приговореной. Куріеръ зъ С. П. Бурху до господина Румянцова пріехалъ. Повернулся зъ Глухова Степанъ лубенскій и привезлъ отъ домашнихъ моихъ писма ко мнѣ: отъ господара и панеи о поведенияхъ господарскихъ.

1. Февраль. Виехали на встрѣчъ къ Липовому, противъ брегадира господина Румянцова, и стрѣтили его на границѣ полку гадяцкого, которій въ нашей каретѣ въехалъ въ Роменъ и поздравили его 7 штуками пушокъ. Того жъ вечора просто въехалъ въ домъ нашъ и вечералъ у насъ.

2. Неделя. Рано бувъ я у Протасіева, которій, же его не поткано, много зъ гнѣвомъ виговорувалъ. По службѣ божой брегадиръ велѣлъ всѣмъ намъ къ нему на квартеру его бить, где питался о чолобитной, поданной въ С. П. Бурху імпер. величеству, хто извѣстенъ. Потимъ обѣдалъ у насъ и бувъ до ночи, а после опроважали его до квартери и тамъ играли въ карти, и я програлся.

3. Молебенъ бувъ соборній и стрѣляли зъ 9 пушокъ на день Анни, тезоименитой государини цесаревни, а по молебнѣ въ брегадира обѣдъ кушали и въ карти играли. У вечеру у насъ вечерали и долго просидѣли.

4. Брегадиръ самъ на своей обѣдалъ квартерѣ. Отъ Шимка, комисара, зъ Веремѣевки, получилъ писмо о магазену здѣланномъ. Романъ молодикъ зъ Глухова пріехалъ.

5. Брегадиръ рано далъ указъ и чолобитніе для изслѣдованія. Другій указъ собственно къ мнѣ прислалъ о козакахъ, въ Наружжю будто отъ нѣкоторого старости за караулъ бранихъ и битихъ, на что я отвѣтъ учинилъ, что того не свѣдомъ. Знову повторително указъ далъ мнѣ увѣдомитись самому и потомъ о томъ—было ли или нѣтъ, его репортовать. Обѣдалъ у насъ и виехалъ у вечеру, которого опроважали за Процювку, и тамъ долго пивши, розлучились;

онъ поехалъ въ Глуховъ, а я вернулся и долго блудилъ по дорозѣ, поколь налучилъ въ Роменъ.

6. Сотники дали вотумъ быть Прийме Семену атаманомъ въ Лубняхъ. Прийму за зборщиками послалемъ зъ чорнуской одного, а зъ городиской двохъ вибрать. Потимъ порозездились старшина.

7. Були первій разъ у судовнѣ и супплѣки многихъ изслѣдовали. Алексѣецъ слуга повернулся зъ листомъ отъ князя Голѣцина, зъ Ахтирки. Адамъ отъ родителя повернулся и подпіяхомъ. Отправили Верещаку въ Медвежое, чтобъ онъ виправилъ козаковъ нововписнихъ и старосту Захарія въ Глуховъ.

8. Были такожъ у судовнѣ и вершили нѣсколко чолобытень. Получилемъ знову писмо отъ Шимка, о здѣланномъ магазейну. Указъ отъ брегадира получили о козаку волошиновскомъ Пилипенку, чтобъ ему попадя тамошная кгрунта привернула, а сама за оніи взяла грошей зол. 60, о чомъ ми такъ и указъ дали. П. Федоръ, дядко, отехалъ въ Прилуку. Василь Бажановичъ (?) пріехалъ зъ виномъ, зъ Кіева. Получилъ я писмо отъ правителей о вистатченню 100 подводъ въ Гадячъ, подъ провіянтъ, для запроваження оного въ Ахтирку, о чомъ симъ сотнямъ, смѣловской, роменской и глинской, указами и предложилемъ. Отписалемъ до Шимка, жебы деревню, якая отъ магазену останется, здалъ атаману веремѣевскому зъ роспискою.

9. Неделя. Принесенъ ко мнѣ отъ правителей листъ о зборщикахъ въ глинскую сотню, зъ Ромна вибраннихъ, что будто они не писменніе. П. Кочубей зъ Засулля поехалъ въ Глуховъ. Обозній и писаръ писали ко мнѣ о челобитчикахъ зъ доткливостю.

10. Атаманъ хоролскій пріехалъ ко мнѣ зъ листомъ обозного миргородского о злочинцяхъ, у хуторѣ моемъ проявившихся. Неспалемъ ночь для алтерації сонной.

11. Капитанъ Юрій Федор. Яропкинъ пріехалъ въ Роменъ зъ Гадячого. Атамана хоролского отправилемъ зъ отвѣтнимъ до обозного писмомъ. Староста сухоносовскій пріехалъ и явился мнѣ. Знову отъ Шимка получилемъ писмо о магазену додѣланомъ.

12. Рано зъ Яропкинымъ видѣлься. Писалемъ до Занковского, чтобъ онъ зъ атаманомъ горошинскимъ розискалъ о козакахъ наруж-

скихъ, о которихъ господинъ брегадиръ писалъ ко мнѣ. Тако жъ, чтобъ после о злочинцяхъ тихъ розискалъ, о чомъ и до Орановского писалемъ. Юска, конюшого, зъ конми и зъ писмами отправилемъ въ Глуховъ. Соколничій зъ Глухова зъ каретою, якою туда пріехалъ брегадиръ, повернулся.

13. Кулиничъ бувъ зъ атаманомъ роменскимъ, зъ которимъ розговорували.

14. Попадю миколаевскую мѣрковали, на килко сотъ зол. ей давано и жита. У судовнѣ о Жванченку мнѣнія говорили. Писмо отъ Протасіева о чинахъ получилъ. До смѣловского городничого о зборщикахъ писалемъ. Гаврило зъ Глухова пріехалъ.

16. Недѣля. Обозній обѣдалъ. У вечеру канонъ воскресенскій пѣли.

17. Послали въ Глуховъ доношеніе къ брегадиру Румянцову, въ коллекгію и канцеллярію, о медвежовскихъ. Особливое доношеніе послалемъ о требованіи новомъ компанѣйцовъ.

18. Господаръ зъ Ігнатомъ и Каневскимъ отправленъ въ Токарѣ. Шимко зъ Веремѣевки пріехалъ и донеслъ о магазейну зробленномъ.

19. Старшина здѣшная роменская за арештъ на арматѣ осажена была, за нескорую выправу зборщиковъ въ Глуховъ зъ сотнѣ глинской. Князя Александра Лукича, полковника тверского полку, поворочоючогося отъ князя Голѣцина, зъ Ахтирки, отютантъ билъ у мене. Отъ Манштейна вахмистръ приехалъ зъ писмомъ и зъ денгами 20 рублями въ доплатку за лошадѣ 4, до князя Голѣцина отпроваженніе. Зборщиковъ въ Глуховъ отправили глинскихъ. Полъ 4 кухви меду розсичени въ шинкъ мой.

20. Вахмистръ отправленъ назадъ зъ отвѣтомъ до Манштейна. Отписалъ смѣловскій городничій, же не винаходится единъ зборщикъ. Шишка, атаманъ караулній, вибитъ зоставъ за отпускъ зъ за друка (?) войта. Старшина прощени зостали. Писмо отъ надзирателя противъ донесення зборщиковъ. Романъ въ Лохвицю посланъ. Воску, зъ меду оставшогося, забито камень и 4 фунти, отъ 10 вѣдерокъ. До суддѣ гадяцкого послалемъ о подводахъ, если оніе потребни для отпроваження оттоль провіянту въ Ахтирку.... (?).

21. Отъ брегадира Румянцова и зъ канцелляріи войс. писма медвежовскій козакъ попривозилъ. Въ Городище, до сотника тамошнего, писалемъ по жалобѣ козаковъ городиских.

22. Причащался. Юско, повернувшись съ Глухова, привезлъ отвѣтніе писма отъ брегадира, Веляминова и отъ графа Матвѣева, отъ панеи 30 рублей. Отъ Манштейна повторне пріехалъ зъ денгами и трубкою. Отъ отца Ѳоми збриского получилемъ письмо. Отъ суддѣ Штишевского отвѣтъ о подводахъ получилемъ, же потреба оніе висилать.

23. Неделя. Укази повторніе о висилцѣ подводъ въ Гадячъ писалемъ. До Манштейна дракгуна отправилемъ, взявши 10 рублей, писалемъ и до капитана Филозофова. Алексѣй, конюшій, отправленъ въ Кривую Руду. Въ Бубни рано зъ п. Демяномъ поехавши, наспѣлисмо на службу и на крестини дочери отца Свѣта.

24. Зъ Глухова повернулся лубенскій сторожъ Михайло зъ отвѣтнимъ писмомъ брегадира господина Румянцова о принятихъ рѣшеніяхъ нѣкоторимъ чолобитнимъ и о мнѣнію на чолобитте Жванченка. Ячменю послалемъ въ Глуховъ 24 четверика сеей роменской мѣри. Пріиму Семена атаманомъ въ Лубняхъ городовимъ устроилъ.

25. П. Демянова пріехала. О Рубашного справѣ переговорували. Пріима атаманомъ лубенскимъ отправленъ, которому и чолобитная горошинцювъ дана.

26. Заболѣлемъ на жолудокъ. Проносне лѣкарство принималъ. До полковника Шереметева писалемъ о занятомъ дракгунами въ Лохвицѣ шинку родителскомъ, чтобъ былъ ослобоженъ.

27. У шинкара тутейшого взято грошей 60 зол. Каптенармусъ зъ Глухова въ Сорочинцѣ до Жукова, полковника, поехалъ и визичилъ у мене кулбаку. Писалемъ до суддѣ гадяцкого о подводахъ, посилаючихся для провіянта въ Гадячъ, чтобъ, если возможно, отпущени были назадъ. До надзирателя Нелидова писалемъ противъ доношенія зборщиковъ. Въ Смѣлое до атамана писалемъ, требуючи извѣстія, если подводъ 25 виправлено въ Гадячъ. До Якова писалемъ, жебы онъ ехалъ въ Горошинъ для присутствія розискови, мѣючому по чолобиттю горошинцювъ о шкодахъ ихъ, чинитись.

28. Прапорщикъ гварнизону глуховского Тихонъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ и подалъ мнѣ указъ зъ коллекгіи о себѣ, что онъ и бунчуковій товаришъ Іванъ Ломиковскій послани сюда, въ Роменъ, для розиску новописнихъ медвежовскихъ козаковъ. Отъ Занковского получилемъ писмо зъ розискомъ въ Наружжю оправленнимъ. Писалемъ до Григораша и протчіихъ, чтобъ въ Горошинъ для розиску з'ехали, о чомъ обявляючи и до Орановского писалемъ, а писма послани Михайломъ сторожемъ. Василь Дацѣй пріехалъ зъ писмомъ громаднимъ на атаманство лукомское. Обозную зъ вувковцями росправили. Черезъ козака хмѣловского принесенъ указъ зъ коллекгіи о томъ, чтобъ виборъ за щетчикомъ Яковомъ Алифѣровимъ прислать за руками старшини лубенской, о чомъ того жъ часу и писалемъ въ Лубнѣ и листъ отправить Яновскому далемъ.

29. Указъ зъ коллекгіи малор. принесенъ о показаніи зборщикамъ імбаровъ на збори.

1. Мартъ. Стесліовскій пріехалъ зъ указомъ монаршимъ зъ вой. енер. канцеляріи, за подписомъ коллежскимъ, чтобъ висилать 350 козаковъ до крѣпости и до Дербенѣ, для строенія, на перемѣну прежнимъ. Волжинъ, прапорщикъ, обѣдалъ у насъ.

2. Указъ отъ правителей листовне о судѣ, чтобъ оній по давнему обикновенію и порадкамъ отправлять. П. Демянова отехала въ Журавку. Перейшолъ въ хату просторную (?).

3. Обозній пол. луб. отехалъ въ домъ, для жени своей болѣзнуючой. Гаврило зъ конми по панюю посланъ. Матвѣець, писарчикъ, пріехалъ зъ Глухова, ездившій за п. Кочубеемъ. Компанѣйцѣ, пріехавши, були у судовнѣ и упоминались, особливо асаулъ, зъ доткливою рѣччю о фуражніе денги. Книги, привезонніе Матвѣйцемъ, компута полковіе за Зеленского бившого и настоящого полковниковъ, отослалемъ къ Волжину.

4. Каптенармусъ, ездившій въ Сорочинцѣ, повернулся и у мене кушалъ, черезъ которого папѣръ табаку къртузного графу Матвѣеву послалемъ въ Глуховъ. Литвишко пріехалъ зъ Глухова зъ указомъ господина Румянцова, жебы по челобитной его, занесенной на родителя, дѣло его было изслѣдовано.

5. Указъ получилемъ зъ коллекгіи о подрадѣ вина. Несторъ зъ Глухова повернулся. Отецъ Кирилъ, іерусалимита, пріехалъ.

6. Черезъ лохвицкого сторожа писалемъ до Румянцова Александра Івановича, доносячи о наружскихъ козакахъ. До коллекгіи послалемъ поручне писмо о щетчику Олихвѣрову, до енер. канцелляр. о заплатѣ полковимъ служителемъ и о нововписнихъ козакахъ до походу.

7. Черезъ сторожа чорнуского до господина Румянцова писмо отъ родителки послано, объ отставцѣ справи зъ Литвишкомъ до поворогу, до канцелляр. енер. о Корицкомъ опушнянскомъ—онъ ли устроенъ въ походъ, до п. Скоропадского; до его жъ и писмо, къ ясневел. писанное, послалемъ. Зъ коллекгіи указъ ко мнѣ присланъ, о присилкѣ 20 рубліовъ, взятихъ сотникомъ сенецкимъ, когда въ Пѣтербурхъ ехалъ, зъ добръ его. До атамана чорнуского писалемъ. чтобъ ишолъ въ походъ. До епископа бѣлгород. отца Тихорского. черезъ Кирила, іерусалимиту, писалемъ, тогда отехавшого отъ насъ его, Кирила. Зарудного отправилемъ.

8. Нецѣля. Листи, до Девейзбаха писанніе, послалемъ къ Зарудному. Крестини были у отца намѣстника роменскаго Іоанна, где и я былъ.

9. Повернулся Воротелякъ зъ репортами отъ старшини, что получили они указъ о виправѣ товариства до крѣпости Св. Креста 600 человѣка зъ полку и готови по тому повѣленное вскорѣ исполнить.

10. Леонтій Янковскій, зъ Павломъ, поехали въ Глуховъ, зъ доношеніемъ въ коллекгію о нововписнихъ козакахъ, прося изслѣдованія. Мокіенко, атаманъ чорнускій, пріехалъ отпрошуватись отъ походу. До Корицкого, сотника опошнянского, учрежденного комендѣромъ до крѣпости, писалемъ повторне, питаючись, где бы полкъ лубенскій моглъ зъ нимъ злучитись. Значковихъ во всѣ сотнѣ для вигону товариства зъ указами нарадилемъ и оніе Яновскому, писареви, далемъ. До Скосира, чигирин. атамана, писалемъ, жебы о жовнинцяхъ, скинувшихъ Пархома зъ атаманства, розискалъ и виннихъ скаралъ. Самойла Заиского, жителя рокгинского, судили въ судовнѣ,

которій, вину свою признавши, и повинную далъ. Воронижскій отецъ Филипъ пріехалъ. Зъ п. Демяномъ о его отездѣ корреспондовалисмо.

11. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и обѣдалемъ въ Смѣломъ; тамъ указъ Стефану, атаманови смѣлянскому, о учрежденіи его коммендѣромъ надъ товариствомъ въ походъ низовій, полковій далемъ, а другій Леонтію Романчуку, о устроеніи его атаманомъ и сотникомъ наказнимъ. До п. п. Федора Билима, писара Савѣцкого и Василя Дяченка о правленіи полковомъ писалемъ. На ночъ пріехалемъ въ Грузкую и тамъ ночовалемъ.

12. Повернулися съ Глухова сторожъ чорнускій и лохвицкій, зъ отвѣтнимъ о справѣ Литвишка писмомъ господина Румянцова, о здѣлкѣ и зъ другимъ листомъ правителскимъ, о непремѣнномъ Корицкого въ походъ за коммендѣра опредѣленіи, о нововписнихъ, чтобъ тихъ не висилать, о якихъ идетъ споръ, о заплатѣ служителемъ пол., что развѣ въ другій разъ промеморію въ коллегію о томъ пошлютъ. Отправилемъ сторожа лохвицкого въ Роменъ зъ листами до родителки о Литвишку, до писара о вишшеозначенномъ листѣ правителскомъ и о публѣкованіи указовъ, зъ коллегіи присланнихъ; тако жъ о посилцѣ 3 человѣка въ Перекоповку, для осмотренія заводу ихъ зъ судѣною; до сотника чорнуского зъ отвѣтомъ, что на прошеніе его нельзя уволнить Мокіенка отъ походу. Поехавши оттуду, пріехалемъ къ Сейму и, перевезшись, обѣдалемъ въ Мутинѣ, откуду писалемъ Василю Бажановичу експедицію и послалемъ черезъ римарового зятя Кирика. Янковскій видѣлся. Виехавши оттуду, пріехалемъ позно до Тулиголовъ. Въ Тулиголовахъ, въ имбарѣ, горѣлки оковитой зъ кухви, а простой 8. Присмотрувалемся въ винницѣ и тамъ въ оной ночовалемъ.

13. Перепустъ зъ кадкою вымѣрали, такъ отъ кадки остается еще глекъ, которихъ въ носатцѣ чили кадцѣ 17 есть, а такъ повинни бъ быти набѣжки семанадцять. Пріехалемъ на ночь въ Глуховъ.

14. Рано бувъ въ п. суддѣной енер. и на службѣ тамъ же, въ дворѣ панскомъ. У вечеру былемъ въ дворѣ брегадирскомъ зъ Никитою. Оттоль у маіора Кошелева, где и господину Румянцову кланялся, куда потомъ и брегадиръ Вельяминовъ приехалъ. Лаврѣна,

сотника бывшого бѣлоцерковского, припроважено въ Глуховъ, по сказцѣ Василя запорожця, которій потомъ, отпущенъ зоставши, бувъ зъ нами у брегадирскомъ дому.

15. Недѣля. Рано у господина Румянцова былемъ. По службѣ божой у брегадира Вельяминова; оттоль у сотника глуховского, где просилемъ, чтобъ писара Савѣцкого не брали въ секретарѣ, чили реента, до канцелляріи. П. Андрѣй, швакгеръ, освобожденъ зосталъ зъ подъ арешту. Дома обѣцали всѣ ми, а зъ нами Тарновскій и Добронищкій.

По обѣдѣ, у вечеру, господинъ Румянцовъ, Протасіевъ и протчіе поехали зъ Глухова въ Москву, которихъ всѣ опровожалисмо за городъ. Вернувшись, у брегадира были и, випивши по стакану, домой разехались. Пріехавши до дому, вечералемъ зъ швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ.

16. Писалемъ въ Роменъ до родителки о поведеніи глуховскомъ, о себѣ, до писара Савѣцкого о полковихъ дѣлехъ, до сотника наказ. глинского, о кущахъ сливахъ 300, чтобъ оніе сюда прислать, о томъ же и до господара Андрѣя. Особливе до его о соли, жебы сюда прислать оную всю. Ездилемъ въ Сварковъ, где Плетюнцѣ погребъ направить верхній и сподній зробить велѣлемъ, и у его за конѣ, по его словахъ, 70 зол. есть, за якіе куповать брусся казалемъ дубовіе. Оттоль въ Калюжновскимъ футорѣ бувъ, где возовъ осмотрувалемъ направляючихся семи, а целихъ добрихъ возовъ 8 воловихъ. Тютюну осмотрувалемъ. На греблѣ калюжновской былемъ, где оную справить поднялся Грицко Перехристъ. Павелъ Огѣенко пріѣхалъ за Кролевца въ Глуховъ. Порутчикъ Нелединскій інгермоландского полку былъ у мене зъ указомъ колежскимъ, тое въ себе маючимъ, жебимъ далъ вѣдать—дани ли раціони оберъ и ундеръ офѣцерамъ, коммендѣрованнимъ прошлого году на каналную роботу, или не дани и кому именно, о чомъ писалемъ до Савѣцкого писара зъ товарищи, чтобъ они, справившись зъ коммисарами зъ полковими, о томъ вѣдомостъ ко мнѣ прислали, и тотъ листъ зъ указомъ самимъ, въ оній включеннимъ, черезъ того Нелединского и отправилемъ въ Роменъ.

17. Букъ у Кошелева полковника, а при мнѣ и Леонтій былъ и писмо ему отъ матки дано. Оттоль поехавши, былемъ у п. Андрѣя Миклашевского, где и Іванъ Максимовичъ билъ, которому говорилемъ о водцѣ двойной, за якую пеняетъ мене братъ его, а я оную по его прошенію не въ Москву, але въ Почепъ отослалъ. Оттоль поехавши, съ княземъ Четвертинскимъ и зъ племѣнникомъ его Дзѣневичомъ видѣлемся, а оттоль былъ на огородѣ бѣлополовскомъ и водою до двора пріехалемъ. Обѣдалемъ въ дому, а зо мною швакгрѣ и Тарнавскій и Добронизкій. Рано Остапъ, за пянство и небреженіе о господарствѣ, наказанъ. Отправилемъ 5 подводъ въ Тулиголови, а оттоль оніе, взявши 3 кухви горѣлки оковитой и двѣ простой, поехали въ Роменъ. У склепу билемъ, где у споднемъ вина 2 бочалки, а анталовъ 3 неповнихъ, а еденъ повнѣйшій, четвертій, куда Михайло Скоропадскій привалился зъ Никитою Степановимъ да зъ Сухаревимъ, аттютантами.

18. Рано бувъ у брегадира, где и правителѣ були; оттоль до правителей ходилемъ, где 4 чолобитнихъ на родителя видѣлемъ. Микола лубенскій пріехалъ зъ Лубенъ зъ жалобою на сотника, и письма привезлъ отъ писара Савѣцкого. Садовнику два рублѣ денегъ далемъ. Войту Плетюнцѣ далемъ наказъ пунктами о нѣкоторихъ інтересахъ.... (?) поехалъ.

19. Принесенъ указъ къ брегадиру—ехать ему въ Москву ради обявленія о зборахъ. Въ коллекгіи былемъ и зъ Артелнимъ [1]) видѣлемся. На чолобитную Калюжненковъ о футорѣ калюжновскомъ отвѣтное подалемъ доношеніе. У вечеру у брегадира былемъ, которій о бувшемъ войту Александру, чоломбитствовавшомъ на родителя, говорилъ, что оному до повороту отказано. Тогда жъ его и пожекгналемъ.

20. Петро брегадирскій бувъ у мене, которому на дорогу московскую далемъ тютюну 50 папушъ. П. Андрѣю, швакгру, кортикъ далемъ. Гаврилови указъ далемъ переписать отъ шинкарей

---

[1]) Иванъ Артельный—секретарь малороссійской коллегіи.

реестра. До правителей отписалемъ о своемъ отездѣ, и виехалемъ на ночь въ Тулиголови.

21. Въ Тулиголовахъ Романови далемъ грошей зол. 40, на заплоченне виннику. Мартина, молодика, отправилемъ въ Глуховъ, и черезъ его послалемъ наказъ Остапови во многихъ пунктахъ, другій—ключникови, третій—писмомъ до Гаврила. Горѣлки въ имбарѣ 6 куховъ, а семая сипалась. Бесъ квѣтка ключникового не казалемъ Романови горѣлки нѣкому давать, опричъ тулиголовского шинкара. Казалемъ, жебы винникъ двадцятую набѣжки отселѣ давалъ, а набѣжки давней сѣмъ носатокъ заразомъ далъ. До кролевецкого сотника писалемъ о учиненню сатисфакцѣи зъ Бориса Сикаленка, козака бистрицкого, купившого себѣ гай, которій давно ми еще купили на зрубъ. До Леонтія Янковского писалемъ, чтобъ онъ зъехалъ въ Тулиголови и увидѣлся зъ Михайломъ Турчиномъ и переговорилъ зъ нимъ о пенѣ попа тулиголовского, за футоръ упоминаючогося, такожъ и о чолобиттю его Михайлового сина за коня и погребщину. Виехавши оттоль, пріехалемъ на ночь въ Ворголъ, до п. Стефана Миклашевского.

22. Неделя. Писалемъ въ Тулиголови до Романа, повторяючи о двадесятой набѣжцѣ. Тако жъ, чтобъ розокъ зъ гливы парѣзавши, послалъ въ Глуховъ щепити. На службу божую пріехалемъ въ пустинку Мутинскую, зъ п. Стефаномъ Миклашевскимъ. Надиктовалемъ п. Стефану доношеніе въ канцеллярію и листъ до судящихъ о 30 рубляхъ, доводячихся ему отъ жида, шинкара его, Побѣлѣвичу (?).

23. Черезъ Леска, кухара, пріездившого сюда, послалемъ писемъ три въ Роменъ: 1, до родителки, и подорожная Бажановичу; 2, до писара Савѣцкого, а въ немъ листовъ правителскихъ два для дѣйствія, и унѣверсалъ мой о посилцѣ суппленту козакамъ, будучимъ у крѣпости, зъ домовихъ; 3, до Селецкого, а въ немъ порахунокъ, рукою отца Савецкого писанній, Чорнѣцкого, Алексѣя Перехриста, и Якова Дуброви и Селецкого; а тіе писма Лескови велѣлемъ зъ Мутина козакамъ послать заразъ. П. Стефанъ Миклашевскій отехалъ въ Ворголъ, черезъ его писалемъ до

Остапа, что онъ куповалъ въ пятокъ прошлій жито по 10 зол. зъ шостакомъ, а господаръ п. Миклашевского пишетъ, что продавалось тогда жито по 9 зол. Тако жъ и о томъ писалемъ до его жъ, жебы онъ побувавъ у Дорофѣевича Афанасія и торгъ учинилъ о нивахъ его, близъ Калюжновского футора обрѣтаючихся. Жена моя вчорайшого дня виехала зъ Глухова и теперъ въ Ворглѣ обрѣтается.

24. Въ пустинцѣ Мутинской будучи, 17 каѳиму противъ еврейской библіи перевелъ зъ иншихъ діялектовъ на рускій. Швакгеръ п. Андрей прислалъ своего молодика о томъ, что якоби хлопецъ... (?) мѣлъ виправленъ бить ко мнѣ отъ Леонтія, зъ фалшивимъ доношеніемъ. Писалемъ до Остапа о Забарѣ, въ дорогу его спросить, и о взяттю горѣлки войтомъ и о розданню въ Сварковѣ носатками передъ святками (?) носатка по 10 зол.

24. С. Григорія, Неокессарійского чудотворца, слово на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы зъ латинского на язикъ рускій переведлемъ. Отъ Григорія Остапенка получилемъ листъ зъ инквизиціею о Рубашномъ виведенную, которой суплѣковалъ на родителя до Румянцова, за вирубъ луга. Отъ енерала Девейзбаха отвѣтній листъ, о межованню Андрѣяшовки писанній, что андрѣевскимъ людямъ позволяетъ поля будто андрѣяшовского употреблять до осени, а отъ осени запрѣщаетъ. Отъ пѣратинского сотника наказ. о дворянахъ Андрѣяша, побившихъ дощенского козака велми. Отъ Скосира атамана зъ питаннемся—где гроши взять на заплату ремесникамъ, работавшимъ у магазена.

26. Ігнату Каменскому далемъ кущиковъ 10 орѣховъ волоскихъ, особливе яблунъ, рузокъ на щепленне и черешень, да листъ до Якова Вурвихвоста, просячи его о рузки дулевіе, все жеби отсилалъ въ.... човъ казалемъ ему жъ, и писмо до Остапа писалэмъ о пересланню того всего въ Сварковъ. До старости мутинского Коржа писалемъ о уволненню рибалки одного. Выѣхалемъ зъ пустинки човномъ до пристанѣ, где обѣдалемъ зъ Троцкимъ меншимъ, повернувшимся зъ Глухова. Поехавши оттоль, ночовалемъ въ Грузкой.

27. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Смѣлое о полудни, где городничій обогналъ и самъ бувъ. Григор. Манджосъ явился тутъ

же и о своемъ послушаніи, то есть вигонѣ въ походъ товариства, донеслъ, что сотникъ наказній зъ тиждень, якъ вийшолъ, а еще до указного числа человѣка 10 козаковъ невійшло, которому и осталнихъ висилать приказалемъ. Писалемъ до Леонтія Янковского, жебы упомянулся объ отвѣтъ у правителей на доношеніе мое, въ канцелярію енер. о заплатѣ полковимъ служителемъ писанное, а если самъ виехалъ зъ Глухова, то жебы Бяловскій тое учинилъ. Писалемъ тако жъ до Остапа господара, чтобъ онъ прислалъ 2000 папушъ тютюну въ Камень [1]) и написалъ би до Ігната, чтобъ тамъ зложенъ былъ въ цѣлости; приложилемъ и тое, чтобъ Плетюнка роздавалъ подданимъ горѣлку, хто ....тъ по 10 зол. носатку передъ святами, вмѣсто того, чтобъ куповали въ городѣ. Пріехалемъ на ночъ въ Роменъ, где и Леонтій Янковскій явился. Тогда жъ явился и Орановскій, пріехавшій зъ Сухоносовки.

28. Подводи сварковскіи, припровадившіи сюда горѣлки оковитой 3, а простой 2 кухви, взяли отсюду соли бочокъ 5, а ячменю четвериковъ 10, въ Глуховъ, мѣри роменской. Іванъ Перехристъ, пріехавши зъ ярмарку борзенского, привезлъ купленнихъ рѣчий: аксамиту чорного локоть зъ чверткою, полкаруну штукулокоть у 27, и 5 киндяковъ зеленихъ. Черезъ брата сторожа лохвицкого послалемъ указъ во всѣ сотнѣ о скоромъ вигонѣ козаковъ въ низовій походъ.

29. Неделя. Обѣдалъ Волжинъ и судіевичъ Василь у насъ. Романъ, молодикъ, привезлъ зъ собою воску 2 пуда и 10 фунтовъ. Указъ зъ коллекгіи присланъ ко мнѣ о гаченню гребель, по прежнему, козаками и посполитими.

30. Зъ трехъ куховъ горѣлки оковитой, насипали барилъ числомъ 11. Толко простой горѣлки продали вѣдерокъ 4, а всѣхъ вѣдеръ будетъ (?), а написалъ оніе Василь, бывшій ключникъ. Сторожъ глинскій отправленъ зъ доношеніемъ въ канцелярію о виходѣ товариства въ низовій походъ. Черезъ его жъ писалемъ до Остапа о господарскихъ інтересахъ. До отца Пахомія мутинского масть и

---

[1]) Село кролевецкаго уѣзда.

листъ (?), до п. Миклашевского Стефана—8 папушъ турецкого тютюну. Писмо получилемъ отъ Корицкого, въ которомъ ознаймуетъ о скоромъ своемъ виходѣ и нечеканню другихъ полковъ.

31. По тому писму писалемъ указъ во всѣ сотнѣ о якъ найскорѣйшемъ виходѣ и порушенню; тако жъ и до сотника наказ. смѣлянского, чтобъ поспѣшался. Барму молодикамъ моимъ далемъ: лутшимъ карунъ и по 5 копъ грошей; середнимъ тожъ карунъ и по 11 зол., другимъ карунъ же и по 10 зол., а подлѣйшимъ полкарунъ и по 9 зол., машталѣрамъ—блакитное товстое сукно и грошей: одному рубль, а другому 3 зол., Кухтикови Петру такое жъ сукно и грошей талярь; Лисому, новутному машталерови, 3 зол.; Орановскому—сукна француженского и лудану бѣлого. У шинкара роменского до перших 60 зол., взяли теперь 40 зол. Кафанъ, зеленій, штофовій, мнѣ покраяно. Масть на голову отъ аптекара. Виправили подводъ три въ Глуховъ зъ борошномъ, именно: шпона кухва, муки пшеничной и крупъ, мяса свинного 50 пат. (?); суконъ двѣ, едно лутшое, а другое карунъ Остапу и его женѣ, а третее полкарунъ Климу, и писалемъ до нихъ, жеби Остапъ зъ грошей росходнихъ себѣ взялъ 20 зол., а Климу 9 зол. далъ. Тогда жъ послалемъ сѣмена садовнику. Отъ сотника наказного глинского привезено сливъ венкгерскихъ кущиковъ 44, а черешень 36, якіе на Манастирищи [1]) волошинъ виноградній посадилъ. Леско сторожъ въ Глинскъ ездилъ виганяти въ походъ противниковъ.

1. Априль. Слово на Страсти Христови началемъ компуновать. До сотниковъ наказнихъ лукомского, сенецкого и пѣрятинского, чтобъ для сторожъ ихъ, обрѣтаючихся въ походѣ, вибравши плату, посилали черезъ ординуючихся козаковъ. Зъ Нѣжина для пана (?) привезено тютюну турецкого 5 окъ. Сторожа новутного сенецкого послалемъ въ Глуховъ зъ двома доношеніями въ коллегію малороссійскую, зъ которихъ въ едномъ резолюціи просимъ: медъ зборній, порученній намъ, якъ би продавать, а въ другомъ—розиски и рѣшенія противъ чолобитнихъ, отъ господина Румянцова даннихъ намъ, включенни.

[1]) Въ г. Ромнѣ.

2. Гаврило молодикъ пріехалъ зъ Глухова и привезлъ грошей, отъ шинкарей отобраннихъ, 12 рублей, а 20 р. далъ господару Остапу, на жито куповать. А такъ всѣхъ грошей отобралъ отъ шинкарей 32 р. за напитокъ роздачи Василевой, а еще, по сказкамъ шинкарскимъ, доводится: на Плетюнцѣ за кухву гор. остатку, сколко по вимѣру покажется, бо далъ уже 15; такъ же и отъ Забари за кухву жъ ихъ, до 13 рублей взятихъ, тожъ по вимѣру, а отъ Івана, замѣского шинкара, за мѣрницю меду, недоплаченнихъ 11 зол. Тютюну всего калюжновского, по его лѣчбѣ, показалось 2236 папушъ. Воску, всего въ склепу и на горѣ, показалось грудокъ 28, а въ нихъ ваги каменей 14 и полъ 7 фунта. Замковъ 4 до дверей. Цегли 5000 здѣланой обявилъ Остапови и казалъ оную зпровадить въ Сварковъ. Калнѣцкій зъ Москви пріѣхалъ и за воли мои 14, такожъ грошей 15 р. привезлъ готовихъ грошей рублей 40 (?) да перцю полпуда, да три пари панчушокъ дѣтямъ, да смирни фунтъ, да шкатулку за рубля, а на немъ доводится немалая сума, бо приходитъ 100. Отъ Быдлова листъ и лѣкарства и рецептъ [1]). Пилипъ шоръ шестерню черних принеслъ, зовсѣмъ зробленнихъ. Кунтушъ суконній зеленій покраяли мнѣ. Ездилемъ на Засулле, где у кулики тютюнъ казалемъ класти.

3. Указъ зъ канцелляр. за подписомъ колежескимъ присланъ ко мнѣ, а въ немъ копія именнихъ указовъ імпер. величества нѣсколько о разнихъ інтерессахъ, которіе укази далемъ Яновскому, жеби отнеслъ до Савѣцкого писара, для переписки и посилки, ради публѣкаціи, въ сотнѣ. При томъ же указъ до Новѣцкихъ, о прибуттю ихъ въ Глуховъ.

4. Отъ смѣлянского сотника получилемъ отвѣтъ о его оборотѣ у нѣякихся Бѣркахъ (?). Сторожъ сенецкій, посиланній въ коллегію, зъ доношеніями двома, однимъ о меду, якъ его продавать, прося резолюціи, а другимъ о рѣшеннихъ чолобитнихъ, якіе подавалъ Румянцовъ намъ судить, вмѣсто отвѣту, карту привезлъ такую, что доношенія тіе приняти у коллегіи, отъ его жъ сторожа.

---

[1]) Сбоку выписанъ рецептъ.

Вози мои 4 къ Царицину війшли, а Гаврило тютюну 1000 папушъ взялъ, зъ которихъ 800 въ позику я себѣ казалемъ взять, а 200 ему позволилемъ. Подъ тими жъ возами воловъ 16.

5. Неделя. Коваль, сторожъ роменскій, пріехалъ отъ родителя зъ писмами.

6. Пасѣчника наняли до моей пасѣки за 6 коп. и свиту, албо зол.

7. Глинскіе гости поприездили.

8. Нѣчого потребного до записання не случилось.

9. Виправили Юска да Гаврила, и Якова Величка. Юскови врученнихъ родителскихъ возовъ 27, Гаврилови моихъ 4, а Величко поднялся услужить намъ въ томъ, чтобъ на вози тіи накупить рибы вялой, на якую далемъ грошей 20 р., а особливе кухву болшую горѣлки велѣлемъ тамъ продать въ царич., що справити, и картою мнѣ данною поднялся. Прето въ завѣдованню Гаврила горѣлки оковитой 12 барилъ, а въ нихъ вѣдеръ 64 и 1 кварта. Тютюну подлѣйшого 1000 папушъ, а лутшого 800. Ему жъ на дорожніе експенса далемъ грошей рублей 6. Подъ тимъ воловъ 16, а подъ нимъ конь шинкаръ. Леска сторожа посламемъ въ Сорочинцѣ зъ листами до п. Петра Апостола и до обозного Родзянки, упоминаючись о людей и статокъ мой, въ Хоролѣ держиміе. Романъ молодикъ поехалъ въ Лохвицю и Сенчу меду куповать, а грошей въ него было шинковихъ 18 таляр., а я далемъ отъ себѣ 14 рублей, а всѣхъ на зол. 124 зол. Отъ Корицкого, сотника опошнянского, ординованного въ низовій походъ, полученъ листъ о его у Олшаной оборотѣ и о учрежденіи справнѣйго якого бъ комендѣра, вмѣсто Назаріева. Сотникъ наказній роменскій, по взяттю указу еще позавчорайшого дня, сего дня поехалъ у вечеру къ товариству, наряженному въ походъ. Отцу Павлу кафанъ данъ отъ мене. Староста коровинскій присилалъ писмо о побиттю, учинившомся, якоби отъ виправнихъ людей нашихъ, куда на розискъ посланъ отсюду атаманъ роменскій и Калнѣцкій дворанинъ.

10. Указы въ сотнѣ посланни до старшинъ о продажѣ меду казенного, а посланъ оденъ зъ нихъ въ глинскую сотню, а оттоль

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. І. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Кн. 5-я Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.